

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

9

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 40 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 22 регионах России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

Banca Intesa è la sussidiaria russa del gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 40 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 22 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

IX

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 50 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб-квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А.С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 50 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменных, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 è stato introdotto l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.

Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2018 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© 2018 данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

31729 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Il Premio Letterario italo-russo Raduga è giunto alla nona edizione. Un'edizione che conferma la vitalità dell'iniziativa, sia per il numero dei partecipanti, sia per l'alta qualità degli elaborati. Sono oltre seicento i narratori italiani e russi che hanno aderito a questa edizione del Premio e poco meno di cento sono i traduttori.

Non nascondiamo il nostro orgoglio per questo risultato, che testimonia il crescente impegno delle giovani generazioni nel misurarsi con la parola letteraria, una parola che nella contemporaneità rischia di essere ridotta a slogan, a chiacchiera dal pervasivo potere dell'informatica e dei suoi strumenti digitali. Di questo pericolo sembrano

consapevoli i giovani che hanno partecipato al Premio Raduga e lo dimostrano con la cura e l'impegno che dedicano alla narrazione e alla traduzione. Con i loro lavori manifestano il loro incondizionato amore per la natura, mentre esprimono una fondata preoccupazione per una società sempre meno a misura dell'essere umano, appiattita com'è sulle aride leggi della finanza e della tecnologia. Come non condividere la loro diffidenza per i tempi che viviamo, i cui postulati sembrano consistere nell'egoismo, nell'individualismo, nella competizione? Ogni sfera dell'esistere sembra essersi cristallizzata, consentendo così l'affermazione dell'edonismo consumistico, cancellando dai nostri cuori l'emozione, il sentimento, la fascinazione.

I racconti pubblicati in questo *Almanacco* aprono nuovi scenari oltre le forme stereotipate del nostro tempo, tanto da farci pensare che in questa nuova gene-

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

В этом году Российско-итальянская литературная премия «Радуга» проводит девятый сезон. Сезон, который подтверждает правильность выбранного направления: об этом говорит и качество представленных работ, и их количество. На конкурс подано свыше шестисот заявок от молодых писателей из Италии и России, почти сто заявок от переводчиков.

Мы, несомненно, гордимся такими результатами: они показывают, что все больше молодых людей ищет себя в литературном творчестве, в слове, которое сегодня, благодаря всепроникающей силе информатики и цифровых технологий, нередко превращается в лозунг или пустую болтовню. Судя по всему, молодые участники конкурса осознают эту опасность, поэтому относятся к своим рассказам и переводам бережно и внимательно. В своих работах они демонстрируют безграничную любовь к природе и небезосновательную обеспокоенность тем, что общество все больше утрачивает человечность, превращается в мир, где правят экономика и технологии. Как не разделить недоверие молодых ко времени, в котором мы живем, если его главные постулаты – эгоизм, индивидуализм, конкуренция? Все сферы жизни словно костенеют, открывая путь потребительскому гедонизму, стирая из души чувства, эмоции, волшебство.

Напечатанные в этом альманахе рассказы отражают стремление указать новый путь, освободиться от сегодняшних стереотипов: хочется верить, что новое поколение наконец-то построит общество, основанное на справедливости и человечности.

razione sia tornata finalmente a vivere la volontà di costruire insieme una società giusta e umana.

Leggo in questi racconti la denuncia verso un mondo dilaniato dalle disuguaglianze, un mondo che disattende i desideri e le speranze delle nuove generazioni. Questi testi narrativi portano alla luce una generazione di scrittori che non si ritrae di fronte alle esperienze che feriscono la condizione umana, una generazione che non teme di combattere contro l'indolenza e la noncuranza di una società che non sa aiutare le persone che vivono in condizioni di lavoro precarie e nell'indigenza. Queste narrazioni impongono una radicale riflessione sulla nostra cultura, che non deve essere fatta unicamente di aspettative tecnologiche, ma anche di percorsi alternativi, fondati sull'amore per il prossimo e sull'uguaglianza. È a tali prospettive che si rivolge il nostro *Almanacco letterario*, attraverso i suoi giovani autori e traduttori.

Insomma, sono molte le attese e le speranze che muovono le voci letterarie convocate in queste pagine. Da parte nostra c'è una certezza: sono voci che non vanno ignorate, né soffocate. Anzi, l'intento della nostra Associazione è proprio quello di promuovere, grazie al decisivo sostegno di Banca Intesa, le loro vitali istanze.

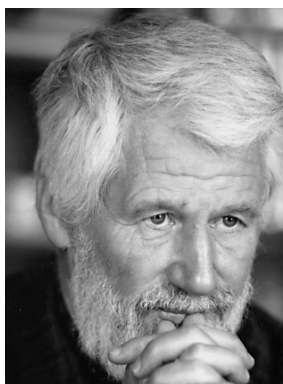

Произведения молодых авторов обличают лишенный единства мир, в котором царит неравенство, мир, не оправдавший надежды и мечты нового поколения. Их тексты знакомят нас с поколением писателей, которые не отворачиваются от болезненных тем, смело борются с равнодушным и пренебрежительным отношением общества к тому, у кого нет постоянной работы и кто живет за чертой бедности. Эти рассказы заставляют глубоко осмыслить нашу культуру, которая не должна всецело полагаться на развитие технологий, нужно искать другие пути, основанные на любви к ближнему и равенстве. Благодаря произведениям молодых авторов и переводчиков наш альманах нацелен на поиск именно таких, альтернативных путей. Можно сказать, что звучащие с этих страниц молодые голоса полны ожидания и надежды. Мы со своей стороны уверены – эти голоса должны звучать и быть услышаны. Поддержать их жизненно важные требования – задача нашей Ассоциации, которую нам, в свою очередь, не выполнить без решающей поддержки банка «Интеза».

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Felice". The signature is written in a cursive, flowing style with some loops and flourishes.

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

Девятый сезон премии «Радуга» подтвердил и упрочил ее успешно складывающуюся историю и растущую популярность. На сей раз свыше четырехсот рассказов поступило на конкурс из Москвы и Санкт-Петербурга, из других больших и малых городов, поселков, сел и деревень самых разных регионов России и зарубежных стран. Отрадно, что в культурный и литературный процесс вовлечены представители разных возрастов и профессий (студенты, учителя, преподаватели, врачи, ученые, переводчики, журналисты). Особую группу среди них составляют те, кто уже имеет тот или иной литературный опыт, публикуются в печатных и электронных изданиях, участвуют в специальных семинарах и форумах, являются лауреатами различных литературных премий. Примечательно, что ряд участников и финалистов премии повторно участвует в конкурентном соперничестве, и, как показывает история «Радуги», некоторым из них в конце концов удается одолеть ее вершину. Одной из отличительных особенностей завершившегося сезона, как и в прошлом году, стало повышенное внимание к психологической драматургии социальной жизни, к обыденным конфликтам и столкновениям в ней различных интересов и ценностей, к взаимоотношениям представителей разных поколений, «отцов» и «детей», к диалогам между «детством», «взрослостью» и «старостью» в сознании самой личности. Динамика конкурса показывает, что в последнее время складывается определенная закономерность все большей устремленности молодых литераторов от фантазийной выдуманности или постмодернистской игры к углубленному и детализированному проникновению в человеческую душу, к раздумьям о судьбах простых, так называемых «маленьких людей» в нашем мире.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

La nona edizione del Premio Raduga ha confermato e consolidato la sua storia di successo e la sua crescente popolarità. Stavolta sono stati presentati al concorso più di quattrocento racconti da Mosca e San Pietroburgo, da altre grandi e piccole città, cittadine, villaggi e località di varie regioni della Russia e di paesi stranieri. È significativo il fatto che nel processo culturale e letterario siano stati coinvolti rappresentanti di diverse età e professioni (studenti, insegnanti, professori, medici, scienziati, traduttori, giornalisti). Tra questi, un gruppo speciale è quello costituito da coloro che già hanno una qualche esperienza letteraria, hanno pubblicazioni a stampa o in formato elettronico, partecipano a forum e seminari specialistici, hanno vinto vari premi letterari. È rilevante il fatto che la schiera dei partecipanti e dei finalisti del premio concorre ripetutamente nella rivalità tra concorrenti, e, come mostra la storia del Premio Raduga, alcuni di loro alla fine riescono ad arrivare al traguardo. Una delle caratteristiche distintive di questa edizione, come l'anno scorso, consiste nella crescente attenzione al dramma psicologico della vita sociale, ai conflitti quotidiani e allo scontro nei suoi molteplici interessi e valori, ai rapporti tra esponenti di generazioni diverse, i "padri" e i "figli", al dialogo tra "infanzia", "età adulta" e "vecchiaia" nella coscienza dell'individuo. La dinamica del concorso mette in evidenza che, negli ultimi tempi, si è venuta a creare una certa aspirazione dei giovani letterati alle creazioni fantastiche o ai giochi postmoderni finalizzata a una dettagliata e profonda analisi nell'animo umano, a una riflessione sul destino delle persone comuni, la cosiddetta "piccola gente" nel nostro mondo.

Владимир Григорьев

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям

Российско-итальянский творческий конкурс молодых авторов «Радуга» – прекрасная инициатива ассоциации «Познаем Евразию», итальянского банка «Интеза» и московского Литературного института им. А.М. Горького. Замечательно, что конкурс проводится в жанре короткого рассказа, сложном и не самом популярном у современных писателей. И тем более приятно, что молодым участникам конкурса удастся в «малую форму» вместить вполне серьезные, зрелые мысли о современном мире, о взрослении, о взаимоотношениях отцов и детей, о доброте и сострадании, которых порой так не хватает миру взрослых. Конкурс существует уже девять лет. Это солидный возраст. За это время многие участники конкурса нашли свой путь в большую литературу,

Сергей Шаргунов и Сергей Самсонов стали даже финалистами самого престижного нашего конкурса «Большая книга». Кто-то вполне успешно трудится в журналистике. Переводчики – а это один из немногих конкурсов, где серьезно оценивается и работа литературного переводчика – утвердились в своей профессии. Но главное достижение прошедших лет – взаимопонимание между молодыми людьми России и Италии, их убежденность в том, что, хотя они и пишут на разных языках, их волнуют сходные проблемы. А это залог того, что будущий мир станет более открытым, дружелюбным, надежным и не таким хрупким. В сегодняшнем мире кричащих газетных заголовков, политических ток-шоу и фейковых новостей нам так не хватает порой именно Литературы, повествующей о наших странах объективно, честно, с любовью и симпатией – прежде всего к человеку.

Желаю конкурсу «Радуга» новых открытий, амбициозных участников из разных областей России и Италии, новых прекрасных текстов и долгой творческой судьбы!

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, Vladimir Grigoriev.

Vladimir Grigor'ev

Agenzia Federale per la stampa e i mass media

Il Premio Letterario italo-russo per giovani autori Raduga è una bellissima iniziativa dell'Associazione Conoscere Eurasia, della banca italiana Intesa e dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij di Mosca. È notevole il fatto che il concorso coinvolga il genere del racconto breve, difficile e non particolarmente praticato dagli scrittori contemporanei. Ed è ancora più gratificante il fatto che i giovani partecipanti riescano a inserire nella "piccola forma" pensieri assolutamente seri e maturi sul mondo attuale, la crescita, il rapporto tra padri e figli, la bontà e la compassione, che talvolta vengono a mancare nel mondo degli adulti.

Il premio esiste ormai da nove anni. Una durata considerevole. In questo lasso di tempo molti concorrenti hanno trovato la loro strada nella grande letteratura, Sergej Šargunov e Sergej Samsonov sono anche diventati finalisti del nostro premio più prestigioso, il Bol'shaja kniga. Qualcuno lavora con successo nel giornalismo. I traduttori – e questo è uno dei pochi premi in cui il lavoro del traduttore letterario è seriamente valutato – si sono affermati nella loro professione. Ma il risultato principale degli anni scorsi è la comprensione reciproca tra i giovani di Russia e Italia, la loro convinzione che – sebbene scrivano in lingue diverse – i problemi da affrontare siano simili. E questa è garanzia del fatto che il mondo futuro diventerà più aperto, amichevole, sicuro e non così fragile. Nel mondo odierno fatto di titoli urlanti di giornale, talk-show politici e fake news, talvolta manca proprio la Letteratura, che racconta i nostri Paesi in modo oggettivo, onesto, con affetto e simpatia – innanzitutto alla gente comune.

Auguro al Premio Raduga nuove scoperte, partecipanti ambiziosi provenienti da diverse regioni della Russia e dell'Italia, nuovi magnifici testi e un lungo destino creativo!

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla nona edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Il Premio, nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в девятый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

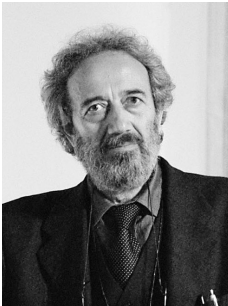
Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana
Итальянское жюри

Marco Drago (Canelli, 1967) è scrittore e autore radiofonico. Tra i suoi libri ricordiamo *L'amico del pazzo* (1998), *Zolle* (2005) e *La prigione grande quanto un paese* (2013). Ha diretto per diciotto anni la rivista "Maltese Narrazioni" ed è direttore della collana di e-book "Laurana Reloaded". Scrive per "Vanity Fair" e "Il Giornale".

Марко Драго (Канелли, 1967), писатель, радиоведущий. Автор книг «Друг сумасшедшего» (1998), «Глыбы» (2005) и «Тюрьма размером с целую страну» (2013). На протяжении восемнадцати лет руководил журналом «Мальтезе Наррацони», редактор серии электронных книг «Лаурана Релоадед». Сотрудничает в изданиях «Вэнити фэйер» и «Иль Джорнале».

Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria "Anterem". Fa parte del comitato scientifico di "Osiris" (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli "Amici della Scala" di Milano. Dirige la collana di filosofia "Narrazioni della conoscenza" (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Inge Feltrinelli (Essen, 1930), presidente della Giuria italiana del Premio Raduga, presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, presidente onorario delle oltre cento Librerie Feltrinelli, vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania, Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Инге Фельтринелли (Эссен, 1930), председатель итальянского жюри. Президент издательства «Джанджакомо Фельтринелли», почетный президент свыше 100 книжных магазинов «Фельтринелли», вице-президент холдинга «Эффе». Кавалер орденов «За заслуги перед Итальянской республикой» и «За заслуги перед Федеративной республикой Германия», командор «Ордена искусств и литературы» (Франция). Член Европейской академии Юсте (кресло Клары Цеткин).

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Stefania Pavan, professore di Letteratura russa all'Università di Firenze sino all'ottobre 2012, è a tutt'oggi coinvolta in iniziative culturali ed editoriali legate alla Russia. È autrice di traduzioni, saggi e monografie, tra cui quelle dedicate a Vladimir Nabokov, Andrej Sinjavskij, Iosif Brodskij e Michail Osorgin. Nel 2014 ha curato la traduzione delle *Lettere di un viaggiatore russo* di Nikolaj Karamzin.

Стефания Паван, до октября 2012 г. преподавала русскую литературу во Флорентинском университете, в настоящее время продолжает активно участвовать в связанных с Россией культурных и издательских проектах. Переводчик, автор статей и книг о творчестве Владимира Набокова, Андрея Синявского, Иосифа Бродского, Михаила Осоргина и др. В 2014 г. под ее редакцией был переиздан итальянский перевод «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, принадлежащий М. Олсуфьевой.

Alberto Rollo (Milano, 1951) è consulente per Mondadori. È stato Direttore Editoriale di Baldini&Castoldi e Direttore Letterario in Feltrinelli. Ha tradotto autori inglesi e americani. Ha scritto per il teatro e ha realizzato documentari per la tv. È autore di *Un'educazione milanese*, Manni, 2016, Cinquina Premio Strega, Premio Pisa, Premio Alvaro-Bigiaretti 2017.

Альберто Ролло (Милан, 1951) – консультант издательства Мондатори. Бывший главный редактор «Бальдини&Кастольди» и главный редактор «Фельтринелли». Переводил английских и американских писателей. Автор произведений для театра, документальных фильмов для телевидения. Его книга «Миланское воспитание» («Манни», 2016) вошла в пятерку финалистов премии «Стрега», а также в 2017 г. получила премию «Пиза» и премию «Альваро–Биджаретти».

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca Lomonosov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bolšaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie "Oktjabr" e "Znamja". Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

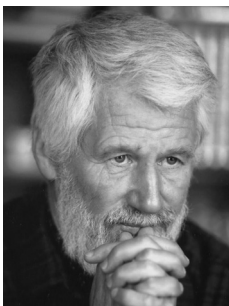
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака. Преподаватель школы литературного мастерства «Хороший текст».

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak. Docente della Scuola di scrittura creativa “Buon testo”.

Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной премии Италии в области художественного перевода, премии Монтале, премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного gonfalona области Тоскана, Премии имени Н.В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato di Lingua e letteratura italiana all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio N.V. Gogol' in Italia, il Premio Nazionale per la Traduzione (Italia). In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Ida Amlesù	Ида Амлезú
Matteo Anichini	Маттео Аникини
Alice Magnoni	Аличе Маньони
Marta Vitale	Марта Витале
Giuseppe Zarrella	Джузеппе Дзаррелла

Ida Amlesù

Traduzione in russo di Julija Galatenko

Ида Амлезу́

Перевод на русский язык Юлии Галатенко

TERRAMARA

Quello che resta è pietra scavata. Due rocce nude, a chiudere il cerchio delle case diroccate sull'altura. E la roccia vergine che ancora guarda a picco il borgo stretto fra le montagne e il mare.

Ci sono donne alle finestre e panni stesi, e i vecchi coi turiboli che bruciano incenso, quando viene Natale; carretti stanchi trainati dai muli portano frutta, verdure, a volte pesce in barile; e dappertutto i bambini gridano e si tirano manciate di terra in faccia, selvaggi, felici. Ma questo è vero solo quando chiudo gli occhi e rivedo le strade del paese così com'erano nella mia infanzia. Non c'è più niente, ora, di quello che ricordo.

Il borgo si è spopolato con lentezza, negli ultimi cent'anni, come corrosivo dall'acqua, dall'aria salmastra. Prima se ne sono andati i Puopolo, i Liguori e i Ritondale, poi intere famiglie che abitavano il fianco della montagna, dalle pendici in su, fino a perdersi dove il bosco si faceva selva e la tenerezza dei cani ferocia. I randagi, lasciati indietro man mano che la gente se ne andava, popolarono quelle terre aride, scavando tana nelle sterpaglie e raziando la notte nella macchia a stento radicata al suolo. A ogni acquazzone la polvere si scioglieva in fango e portava giù con sé pezzi di monte, trascinando arbusti, pietrame, stralci di case. Si prese a dire che l'acqua mangiava la terra. Eppure, nel suo crollare, la montagna conservava una sorta di pietà, o una curiosa ironia: non tirava mai nel gorgo persone o animali, ma solo cose. La vivevamo senza pericolo.

Fu così che il nostro paese, Terramara, senza strepito e senza che nessuno se ne occupasse, iniziò a scomparire.

Terramara: di terra e mare, di roccia e sale. Costruita dall'alto in basso, su uno spunzone metà verde e metà arso, Terramara si era sparsa come un contagio

ТЕРРАМАРА

Остались одни лишь обломки. Две голые скалы замыкают круг из полуразрушенных домов на взгорье. И одна девственная отвесная скала все еще возвышается над дереvушкой, втиснутой между горами и морем.

В окнах виднеются женщины, развешено белье, а на Рождество старики с кадилами разжигают ладан. Запряженные мулами телеги устало везут фрукты, овощи, изредка бочонки с рыбой. Повсюду верещат дети, кидаются комьями грязи друг другу в лицо, дикие и счастливые. Все это оживает, стоит мне закрыть глаза, и тогда передо мной вновь возникают улочки, по которым я бегал ребенком. Из того, что я помню, больше ничего не осталось.

Наша дереvушка опустела не сразу, около сотни лет ее будто подтачивали вода и солоновато-горький воздух. Первыми уехали Плебсы, Филони и Пузани, а уже потом целые семейства, что жили на склоне горы, от ущелья до самой вершины, где наш лес становился густой непроходимой чащей, а собачий лай превращался в волчий вой. Опустевшие бесплодные земли постепенно стали заселять брошенные животные, устраивавшие норы в сухих валежниках, а ночами совершавшие набеги в стелющиеся по земле заросли кустарников. Стоило пройти ливню, как земля превращалась в жижу и уносила с собой глыбы горных пород, уволакивала кусты, камни, обломки домов. Поговаривали, будто вода пожирает землю. Засасывая в свой омут, гора то ли проявляла милосердие, то ли горько усмеxалась: она никогда не утаскивала людей или животных, только неодушевленные предметы. Поэтому за свою жизнь мы не боялись.

Так наша дереvушка Террамара без лишнего шума вдруг начала исчезать.

Террамара: земля и море, скала и соль. Выстроена она была вдоль склона, сверху вниз – на полuzеленом, полувыгоревшем утесе. Террамара, как вирус, расползлась по обеим сторонам склона, разбросав повсюду белые домишки. Это походило на

lungo i due fianchi della montagna, seminandovi le sue chiare casupole. Quasi una colonizzazione di calce bianca: muri e muriccioli nascevano di notte, là dove fino al giorno prima c'erano solo erbe odorose, mirto, sassi. I vecchi di quando io ero giovane avevano scavato e disossato quei campi brulli, piantando ulivi e alberi da frutto. Avevano tagliato il respiro alla natura spontanea del luogo, schiacciandola, soffocandola; e la montagna aveva accolto con grazia quella violenza, piena di comprensione, di compassione. Così era nata Terramara, scheletro di una città: dalla polvere, dalla pietra, dal nulla.

Di terra e mare era il suo spirito.

Altri dicevano che era Terranera il suo nome antico; terra nera, come la rena scura della costa, residuo lavico di un magma che nessuno più rammentava. E in effetti Terramara stava di fronte al vulcano: lo guardava dritto negli occhi, quasi a sfidarlo. Ma io, soltanto io, sapevo il suo segreto, la verità del suo nome. Per questo rimasi, ultimo dei suoi abitanti, a presidiarne i resti.

Prima i Puopolo, che erano gente di mare; a Terramara alta non salivano mai, se non per le feste. Era loro la processione dell'Assunzione, da generazioni vestivano la statua della Vergine di sete preziose e gioielli, e comandavano il passo ai fedeli. La loro casa, su una costola della montagna, venne travolta da una colata di fango una domenica mattina, che erano tutti a messa. Tra loro i Puopolo si dissero che il Signore li aveva salvati; ma invece che un miracolo, lo credettero un avvertimento. Non salutarono nessuno in paese, partirono di notte, come fuggiaschi. E il mese dopo qualcuno li vide in una città vicina, sulla costa, a scaricare casse da una nave. Avevano perso tutto, con la casa: non erano più signori di niente, non vestivano santi e madonne per le processioni né avevano un posto di riguardo alla festa patronale. Servivano da uomini di fatica ai pescherecci degli altri, e solo di rado se ne andavano al largo, non più sopra grandi mercantili, ma a tirare le rezze e a raccogliere piccoli pesci d'argento.

нашествие известняка: стены и перегородки рождались ночью на том месте, где еще вчера благоухали ароматные травы, мирт и лежали камни. Я был еще совсем юн, когда старики расчистили и вспахали эти неприютные поля, высадили оливы и фруктовые деревья. Они задушили необузданную природу, раздавили ее, растоптали, но гора великодушно, с сочувствием и состраданием приняла это насилие. Так появилась Террамара: из пыли, из камней, из ничего.

Ее дух – земля и море.

Поговаривали, будто раньше она называлась Терранерой: черная земля – это черный прибрежный песок, остатки вулканической магмы, о которой уже никто не помнил. Террамара и правда располагалась напротив вулкана и смотрела ему прямо в глаза, словно бросая вызов. Но только я знал ее секрет, знал тайну имени. И вот я – единственный, последний ее житель – охраняю все, что от нее осталось. Первыми были Плебсы, моряки. Они почти никогда не поднимались в Верхнюю Террамару, только на праздники. Именно их семейство устраивало процессию в честь Успения, из поколения в поколение они наряжали статую Девы Марии в шелка и драгоценности и вели за собой толпу верующих. Одним воскресным утром, когда все ушли на мессу, их дом, что стоял на пологом склоне горы, снесла грязевая лавина. Между собой Плебсы говорили, что их спас сам Господь, но видели они в этом не чудо, а предзнаменование. Ни с кем не попрощавшись, словно беглецы, все семейство отправилось в путь ночью. Месяц спустя кто-то видел их в соседнем городке на берегу: они выгружали с корабля какие-то ящики. Вместе с домом моряки потеряли и все остальное: перестав быть господами, они больше не наряжали святых и Мадонну для процессии, не выполняли почетных обязанностей на празднике святого покровителя. Плебсы работали грузчиками на чужих рыболовецких судах и лишь изредка выходили в открытое море – не на борту крупных торговых барж, а чтобы забросить сети и наловить мелких серебристых рыбешек.

Филони – врачи и нотариусы – по традиции жили наверху, в Верхней Террамаре,

I Liguori erano medici e notai. Per tradizione stavano sopra, a Terramara alta, nel borgo vecchio di pietra bianca. Famiglia grande e importante, avevano un palazzo nella piazza, di fronte alla chiesa di Santa Maria della Sanità. E dal balcone, le sere d'estate, guardavano mollemente la gente in strada. Non si mischiavano mai alla folla, conducevano una vita a parte in quelle stanze immense, decorate di stucchi e affrescate sui soffitti, dove la solitudine aveva una tristezza di paradiso. Davano, di tanto in tanto, dei ricevimenti, nel disperato tentativo di maritare le figlie di Don Pietro, Anna Maria e Maria Rosaria, che avevano già raggiunto la trentina, sebbene a nessuno fosse permesso di ricordarlo. Non che fossero brutte; ma belle non erano, e soprattutto erano intrise di un languore atavico, che si trasmetteva nel sangue di generazione in generazione, vero segno distintivo di una Liguori di Terramara. Il padre le maritò, alla fine, quasi a forza. Si sposarono a gente più umile e andarono a vivere a Terramara bassa, come venne ribattezzata l'irregolare disseminazione di case lungo i costoni della montagna; perché Don Pietro i poveri non li poteva soffrire, nemmeno alla vista. Né le accettò indietro quando, a distanza di pochi mesi, la montagna si riprese le loro nuove dimore di spose, ingoiate da una frana. Le consolò, Don Pietro, le abbracciò; diede loro dei soldi per trasferirsi a valle, non volle stringere la mano ai mariti, e congedò tutti con sollievo. Sei mesi dopo se ne andò anche lui, ma al camposanto. Al funerale venne il paese intero, da sopra e da sotto; e scoprimmo così con grande stupore che dei Liguori, la grande famiglia di medici e notai, non era rimasto nessuno. Solo la casa resistette, vuota, per qualche tempo. Qualcuno del paese, passando, disse poi di aver sentito un rumore d'acqua. Forse inventò, forse lo udì davvero; o forse la voce fu messa in giro anni dopo, quando il palazzo misteriosamente crollò su se stesso, come se fosse marcio.

I Ritondale fabbricavano botti. Sapevano la consistenza e l'odore di ogni legno, lo arcuavano e piegavano a piacimento. Clemente, il padre, era un uomo secco

в старом районе, выстроенном из белого камня. Знатная и большая семья, с роскошным палаццо посреди площади, напротив церкви Святой Марии Целительницы. Томными летними вечерами они сидели на балконе и лениво разглядывали прохожих. Никогда не смешиваясь с толпой, семья вела затворнический образ жизни и проводила все время в необъятных покоях с украшенными лепниной и расписанными фресками потолками, где уединенность оборачивалась райской скукой. Иногда они устраивали приемы в тщетных попытках выдать замуж дочерей Дона Пьетро – Анну–Марию и Марию–Розарию – которым уже перевалило за тридцать, хотя никому не позволялось упоминать об этом. Нельзя сказать, что девушки были уродинами, но и красавицами их назвать было нельзя. В них чувствовалась вялость и истомы, которые передавались из поколения в поколение, как пережиток прошлого и верный признак принадлежности роду Филони из Террамары. В конце концов, отец выдал их замуж, почти насильно. Мужья были куда более скромного происхождения, и молодые семьи отправились жить в Нижнюю Террамару, как прозвали домишки, рассеянные у подножия горы, поскольку Дон Пьетро на дух не переносил бедняков. Он даже не принял дочерей обратно, когда, спустя несколько месяцев, гора завладела жилищами новобрачных, заглотив их во время оползня. Дон Пьетро утешил дочерей, обнял, выдал денег, чтобы они смогли заново обосноваться внизу, мужьям даже не подал руки и, вздохнув с облегчением, простился. Через шесть месяцев ушел и он, но в мир иной. На похоронах собралась вся деревня, жители и верхней, и нижней ее частей, и все мы с ужасом осознали, что из многочисленной семьи врачей и нотариусов Филони больше никого не осталось. Устоял лишь опустевший дом, да и то ненадолго. Один из жителей, проходя как-то мимо, услышал шум воды. Может, придумал, а может, и правда слышал или слух пустили через несколько лет, когда палаццо таинственным образом обрушился, будто сгнил. Пузани мастерили бочки. Они знали запах и состав любой древесины, умели как угодно сгибать ее и скручивать. Отец семейства, Клементе, был сухопарым муж-

ma con enormi braccia; i figli invece l'opposto, sette maschi tondi e pasciuti, quasi avessero appreso dalle botti ad avere una forma. Il mestiere era lo stesso da un secolo. E sebbene mastri bottai non ne servissero ormai più, i Ritondale continuavano nella tradizione, cocciuti e fieri. Erano già in declino quando il versante nord del monte cedette seguendo il corso dell'acqua piovana, dopo un temporale nemmeno troppo violento. Non c'era furia nel fango, solo un'inarrestabile pigrizia. Vedemmo i casolari bianchi coi giardini in ordine e le ampie cantine annegare nella melma grigia, le finestre aperte come occhi sbarrati. Da allora cominciammo a chiamarci terra maledetta. Nessuno lo disse a voce alta. Ma la fame della montagna l'avevamo intesa tutti, non c'era bisogno di darle un nome. Uno dopo l'altro, noi di Terramara smettemmo di guardarci in faccia. Prendemmo a disporre i panni in ordine, a piegare la biancheria e spazzare gli usci in fretta, come chi si prepara a una fuga.

Non avvenne subito. Gli anni passavano, e nulla pareva cambiare. Senonché ogni tanto, di mese in mese, facendo il conto della popolazione, si scopriva qualcuno mancare. Dicevamo a gran voce: tornerà. Ma sapevamo che non sarebbe tornato mai.

E io intanto non ero più bambino, avevo barba ormai e un vestito scuro e una cravatta per i giorni di festa, e guardavo gli abitanti andarsene, i vecchi al camposanto e i giovani altrove, ovunque non fosse Terramara. Non attendevano più nemmeno che il fango si portasse via tutto – casa, radici, ricordi. Partivano alla ventura per il mondo, in cerca di fortuna o solo di pace, lasciando agio alla montagna di riprendersi la roccia perduta. E io li guardavo andarsene uno dopo l'altro, senza conoscere parole per fermarli.

Sono un vecchio anch'io, ora. Sono rimasto solo. Ho visto il paese sgretolarsi zolla a zolla, franare palazzi e catapecchie e chiese. Ho visto crollare il palazzo dei Liguori, la chiesa di Santa Maria della Sanità e quella del Carmine, il pozzo antico di pietra bianca e ferro battuto e la breve via del Corso. Prima Terrama-

чиной с огромными ручищами, а сыновья, наоборот, – семеро круглых, упитанных юнцов, будто вылепленных по форме тех бочек, что они мастерили. Семья Пузани занималась этим ремеслом уже около сотни лет. И хотя необходимость в бондарах давно отпала, Пузани не отступали от традиции, такие они были упрямые и гордые. Дела у них шли из рук вон плохо, когда северный склон горы сдался под натиском дождевых стоков. Не то чтобы стихия бушевала так уж сильно. Грязь наступала без злобы, а как-то лениво и при этом не останавливаясь. Мы видели, как белые домики с аккуратными садами и просторными погребями захлебывались в сером иле, открытые окна походили на вытарщенные глаза.

С тех пор мы стали называть себя проклятой землей. Нет, вслух об этом никто не говорил. Но все осознали ненасытность горы, и не было нужды давать этому имя. Постепенно мы, жители Террамары, перестали смотреть друг другу в глаза и начали собирать одежду, складывать белье, в спешке доделывать дела, словно готовясь к бегству.

Случилось это не сразу. Шли годы, казалось, будто все идет своим чередом. Лишь иногда, раз в месяц, когда пересчитывали население, вдруг кого-то не хватало. И тогда говорили: ничего, вернется. Но все прекрасно понимали, что уехавший не вернется никогда.

Тем временем я повзрослел, у меня отросла борода, по праздникам я носил темный костюм и галстук. Я наблюдал, как один за другим отбывают жители: старики на кладбище, молодежь – куда угодно, лишь бы подальше от Террамары. Они не хотели дожидаться, когда жижа унесет с собой все – дома, корни, грезы, – и отправлялись, куда глаза глядят, в поисках счастья или просто спокойствия, предоставляя горе возможность вернуть себе первоначальный облик. Я наблюдал за тем, как они разъезжаются, и не находил слов, чтобы остановить их.

Теперь я тоже старик, я остался один. Я видел, как распадается по крохам наша деревушка, как рушатся дома, сараи и церкви. Я видел, как обвалились палаццо Филони, церкви Святой Марии Целительницы и Святой Марии Кармелитской, ста-

ra bassa, poi anche Terramara alta è caduta, pezzo a pezzo, lasciando solo ossa di pietra bianca e scavata. Sparita per sempre ogni traccia d'uomo. Nessuno dubita che sia stata la montagna. La sua fame non ha bisogno di spiegazioni. Ma perché non volle prendersi anche gli uomini? Non lo compresero in paese, ma io sì. Questo era il carattere della montagna, il suo segreto. Una terra amara, dura, spoglia, che si era stancata di dare o forse non aveva più doni che per sé; terra rancorosa e ostile, ma che con la sua sostanza ci aveva forgiati, noi del paese, noi, uomini di polvere e sangue, statuine di fango di un medesimo destino. E a me, figlio ultimo di una madre offesa, era toccato in sorte di raccoglierne il testamento: e le sue parole dicevano che nemmeno nella sua rabbia per il nostro secolare sopruso essa avrebbe potuto toglierci la vita, perché da lei eravamo nati. Poteva ripudiarci, sì, cacciarci lontano, ma non avrebbe avuto cuore di ucciderci: noi, le povere malvagie creature che aveva dato alla luce.

ринный колодец из белого камня и кованого железа, короткая улочка дель Корсо. Сначала рухнула Нижняя, а затем и Верхняя Террамара, крупица за крупицей, оставив после себя лишь тлен, прах и пыль от белых камней. И последний человеческий след исчез навеки.

Никто не сомневается, что всему виной сама гора. И ее ненасытность. Но удивительно другое: почему гора никогда не уносила с собой людей? Жители нашей деревушки этого не понимали, а я понял. Таков ее характер, ее секрет. Горькая, черствая, нагая земля, которая измучилась вечно приносить дары, у нее и на себя саму почти не осталось сил. Озлобленная и враждебная, она взрастила своими недрами нас, жителей Террамары, людей из плоти и крови, фигурки из праха, в который мы рано или поздно вновь обратимся. Именно мне, последнему сыну оскорбленной матери, выпала участь узнать ее последнюю волю: а говорила гора о том, что, даже будучи зла на нас за сотни лет мучений, лишить нас жизни она не могла, ведь мы ее сыны. Она могла сколько угодно отречься от нас, гнать нас от себя, но она бы никогда не решилась уничтожить нас – несчастных жестоких созданий, которых сама же и произвела на свет.

Nota critica

L'essere umano è il dono che la natura ha fatto a se stessa. L'uomo e la donna sono figli della natura. Ma sono figli ingrati. Non amano la terra che ha dato loro la vita; non vogliono il bene di colei che li ha ospitati. Al contrario: la "soffocano", la "schiacciano", la "colonializzano".

Attraverso il protagonista di questo racconto, Ida Amlesù registra con lucidità quanto accade a Terramara, ai due fianchi della montagna: "muri e muriccioli nascevano di notte, là dove fino al giorno prima c'erano solo erbe odorose, mirto, sassi". L'essere umano non riconosce nella terra, nell'acqua, nelle rocce lo spirito della madre. L'essere umano coglie nella natura solo gli elementi da sfruttare per il proprio tornaconto; riducendo così montagne e mari a un ruolo servile; infrangendo i più sacri ordinamenti; inducendo, infine, la natura a vendicarsi. E la natura si vendicherà, agendo proprio come farebbe una madre: non colpendo i propri figli, ma semplicemente allontanandoli.

Dimentichiamo troppo spesso che siamo nati dalla terra e dal vasto cielo. Non abbiamo ancora imparato ad amare il mondo che ci circonda. Questo racconto ci segnala che la rovina dell'uomo non sta nel finale fallimento del suo dominio sulla montagna, ma già nell'iniziale contrapporsi alla natura.

Abbiamo perso il senso del mondo, il senso dell'essere del mondo; abbiamo perso il senso della natura. Abbiamo fagocitato il mondo naturale, e il mondo naturale si sta difendendo. Come? Inducendo gli uomini ad andarsene. È una lezione. Facciamone tesoro. Il protagonista di questo racconto ne è consapevole; e già in questa consapevolezza si avvertono i primi germi di una possibile variazione di tendenza, fondata sul ritorno all'autenticità della vita, all'amore per la terra.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Человек – это дар, который природа принесла себе сама. Мужчина и женщина – ее дети. Неблагодарные дети. Они не любят землю, которая дала им жизнь, не желают добра той, что их приютила. Наоборот, они «душат» ее, «подавляют», «осваивают».

Через главного героя своего рассказа Ида Амлезу блестяще показывает, что происходит в деревушке под названием Террамара, раскинувшейся на двух горных склонах: «стены и перегородки рождались ночью на том месте, где еще вчера благоухали ароматные травы, мирт и лежали камни». Человек не ощущает в земле, в воде, в скалах материнский дух. Человек берет от природы то, чем может воспользоваться ради своей выгоды; он пытается использовать горы и моря, нарушая священные законы и вынуждая природу мстить за себя. А природа мстит, поступая так, как поступила бы мать: не вредя своим детям, а отталкивая их от себя.

Мы слишком часто забываем, что нас на свет произвели земля и бескрайнее небо. А мы так и не научились любить мир вокруг нас. Этот рассказ обращает наше внимание на то, что гибель человека происходит не из-за утраты власти над горой, а из-за изначального противопоставления себя природе.

Мы перестали чувствовать мир, ощущать себя его частью, природа утратила для нас смысл. Мы поглотили мир природы, и мир природы встал на свою защиту. Каким образом? Заставив людей бежать. Таков урок, который мир нам преподал. Так давайте будем беречь природу, как зеницу ока. Главный герой рассказа это осознает, и благодаря этому, возможно, все изменится, возродятся первозданная жизнь и любовь к земле.

Флавио Эрмини

Biografia

Ida Amlesù è nata a Milano nel 1990. È slavista, scrittrice, traduttrice e cantante lirica. Laureatasi con lode in Lingue e Letterature europee presso l'Università degli Studi di Milano e in Letterature europee e americane presso l'Università degli Studi di Pavia, ha vinto il premio Massimo Ghimmi con una tesi di laurea specialistica contenente dieci traduzioni inedite di *feuilletons* degli umoristi sovietici Il'f e Petrov. Ha studiato inoltre traduzione nella Classe di Slavistica dell'Accademia Ambrosiana con Maurizia Calusia, Maria Di Salvo ed Elena Freda Piredda. Tra le pubblicazioni si segnalano traduzioni letterarie dal russo e dal francese ("Nuovi Argomenti", "Nazione Indiana"), racconti ("Nuovi Argomenti", "Colla", "Pastrengo", Feltrinelli, nottetempo, Ibis) e il romanzo *Perdutamente* (2017, nottetempo), vincitore del Premio Internazionale Salerno Libro d'Europa. Attualmente vive tra Milano e Mosca, dove insegna italiano.

Биография

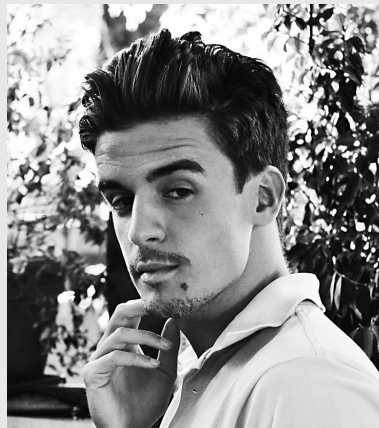
Ида Амлезу́ родилась в 1990 году в Милане. Славист, писательница, переводчица, оперная певица. С отличием окончила Отделение европейских языков и литератур Миланского университета, а затем Отделение литератур Европы и Америк Университета г. Павия. За дипломную работу (переводы десяти неизданных фельетонов советских писателей–сатириков Ильфа и Петрова) удостоена Премии Массимо Гимми. Изучала теорию и практику перевода в Мастерской славяноведения в Академии Амброзиана у таких педагогов, как Мауриция Калусия, Мария Ди Сальво и Елена Фреда Пиредда. Среди ее публикаций художественные переводы с русского и с французского языков (в журналах «Нуови Аргоменти», «Нацьоне Индиана»), рассказы (в журналах «Нуови Аргоменти», «Колла», «Пастренго», в издательствах «Фельтринелли», «ноттетемпо», «Ибис») и роман «Отчаянно» («ноттетемпо», 2017). Лауреат Международной премии «Салерно. Книга Европы». Живет между Миланом и Москвой, где преподает итальянский язык.

Matteo Anichini

Traduzione in russo di Marija Titievskaja

Маттео Аникини

Перевод на русский язык Марии Титиевской

LONG ISLAND

Io e Paul potevamo parlare dalla cucina al soggiorno perché Ebo aveva sfondato cadendo all'indietro l'intero muro di cartongesso che divideva i due locali. Speravamo in una mezz'ora di portarlo fuori da quel tugurio in cui viveva ormai da qualche mese.

Rimanemmo circa due ore a stracciare il parquet impiallacciato dagli zuccheri che sembravano stillarsi ovunque; impastavo vodka, gin, rum bianco e triple sec con il tappeto zuppo di cola e poi shakeravo con il mio spazzolone dentro al secchiello assieme al *sour mix* di acqua calda e sapone per i piatti al limone. Placare Ebo era impossibile. Si era messo un cappello rosso in testa ed era rimasto chiuso fuori di casa a torso nudo per davvero troppo tempo, mentre una canzone *dance* rimbombava nella stanza.

Le canzoni pop in quattro tempi di solito finiscono in due modi: o scemano pian piano il motivo principale in un'eco lontana, oppure s'interrompono subito dopo una chiusura finale.

Ecco quella era finita di botto e quel silenzio improvviso richiamò la nostra attenzione verso delle urla infreddolite; sotto la pioggia, Ebo fracassava su un cestino un ombrello: "*Open the door guys*".

Ebo entrò sbattendo la porta e iniziò a buttare pezzi fuori da delle scatole di cartone che teneva accanto al letto. Mi ricordo che vidi volare sotto all'armadio contemporaneamente un phon e delle Converse verdi, forbici e dei salamini piccanti, poi prese tutte le scatole e le capovolse completamente; da una cadde tantissima sabbia, quasi tutta sul piumone del letto.

Poi si vestì. Ebo non era certo un bohémien moderno; era un disordinato, uno svitato del Minnesota con la passione per lo snowboard, ma, Dio, se aveva resistenza fisica.

ЛОНГ-АЙЛЕНД

Хотя один из нас был на кухне, а другой в гостиной, мы с Полом могли легко разговаривать друг с другом, потому что, упав, Эбо проломил разделяющую два помещения стену из гипсокартона. Но мы все равно надеялись вытащить его через полчаса из этой хибары, в которой он жил уже несколько месяцев. Весь пол был как будто залит чем-то сладким, и в течение двух часов мы усердно его отмывали. У меня в ведре получался неплохой коктейль: водка, джин, белый ром и трипл-сек, смешанные при помощи коврика, который намочили колой. Потом я взбивал все это шваброй в ведре, словно в шейкере, добавив сауэр-микс из горячей воды и моющего средства для посуды с запахом лимона. Успокоить Эбо было абсолютно невозможно. Дело в том, что пока в комнате во всю орала танцевальная музыка, он, в красной кепке и голый по пояс, каким-то образом очутился на улице и долго не мог попасть обратно домой. Обычно в поп-музыке четырехтактные песни заканчиваются либо постепенным затуханием основного мотива, превращаясь в отдаленное эхо, либо прерываются сразу после финала.

На этот раз песня оборвалась внезапно, и в воцарившейся тишине мы услышали, как замерзший под дождем Эбо колотит зонтом по урне и орет: «Open the door guys».

Эбо вошел, хлопнув дверью, и принялся выкидывать вещи из стоявших рядом с кроватью картонных коробок. Я видел, как под шкаф полетели фен, зеленые кеды «Converse», ножницы и пикантные колбаски. Затем он просто вытряхнул все содержимое коробок, и из одной из них на одеяло высыпалась целая гора песка.

Потом он оделся. Эбо был беспорядочен, хаотичен, но при этом точно не был тем, кого принято называть «современная богема». Он был просто чокнутый из

Uscimmo di casa così tardi che mi sembrava di essere stato sveglio tre notti di fila. Camminavamo a schiera larga, con le gambe strette e il passo svelto come degli italiani della New York degli anni Venti, occupando tutta la strada e scrutando negli occhi di tutti, sempre pronti a fare la prima mossa. Paul mi teneva stretto come in una mischia mentre mi stava raccontando una partita di rugby del torneo universitario, persa malamente. Le descrizioni di Paul erano davvero belle. Riusciva a farmi capire quanto fosse più fredda la pioggia in Inghilterra, la domenica mattina, quando i venti cambiano repentini e hai solo del cotone spesso a proteggerti; quando l'arsura ti devasta la pelle e il ghiaccio ci picchia sopra, quando impatti il tuo esile ginocchio contro il ginocchio di un tacchino di centoventi chili irlandese; quando sei un proiettile in corsa e ti placcano e hai paura che ti portino via le budella attaccate alla palla. Paul non sopportava le botte.

In fronte a noi, un'insegna *rétro* attirò la mia attenzione. Grandi neon sui lati davano prospettiva a una scritta immensa, che al centro pareva avere dei fuochi d'artificio; gli spettri cromatici riuscivano a definire delle rette che ci indicavano e come dei vettori le nostre facce stanche seguivano questo flusso intermittente. Essa era sicuramente l'elemento distintivo di un certo locale nel quale si esercitava una determinata attività.

Tutto questo mi fece venire in mente quando rimasi incantato dal parco giochi più grande al mondo.

Era davvero perfetto, le fontane spiccavano nei tappeti di prato raso e io rincorrevo le bolle di sapone e i coriandoli senza preoccuparmi da dove venissero; gli eroi mi difendevano dalle fiamme e riuscivo sempre a scappare dai pirati. Poi in un corridoio mi persi dietro a una porta, i pistoni ad aria e i generatori, i fumi sulle intelaiature di ferro, i pannelli sbiaditi, *l'altra facciata*.

Così oltrepassata quell'insegna e subito dietro di essa, scoprimmo quanto subdola possa essere la faccia che certi palazzi decidono di affiggersi, incappot-

Миннесоты, помешанный на сноуборде, но какой же поразительной силой и выносливостью он обладал!

Мы вышли из дома так поздно, что мне казалось, будто я не спал три ночи подряд. Мы шли плечом к плечу, занимая всю улицу, словно итальянцы в Нью-Йорке двадцатых годов, чеканя шаг и читая взгляды прохожих. Пол вцепился в меня, как игрок в схватке, рассказывая о проигранном в пух и прах матче университетского турнира по регби. Он мастерски описывал такие моменты. Он объяснил, насколько дождь в Англии холоднее, когда в воскресное утро меняются ветра, а на тебе легкая хлопковая одежда: кожа будто горит и от ледяного воздуха еще больнее, когда вдобавок ко всему ударяешься коленкой о колено стодвадцатикилограммового ирландского громилы или когда летишь пулей по полю, а тебя пытаются остановить, и становится страшно оттого, что вместе с мячом у тебя могут вырвать и кишки. Пол терпеть не мог потасовок и драк. Впереди мое внимание привлекла вывеска в стиле ретро. В свете расположенных по бокам больших неоновых огней нам открывался вид на огромную надпись с фейерверками в центре. Вывеска светилась так ярко, что исходящие от нее цветные лучи указывали, куда идти, и наши усталые глаза следовали за пульсирующим потоком. Вывеска точно принадлежала ночному заведению, где можно было развлечься.

Это напомнило мне, как однажды я был заморожен самым большим в мире парком аттракционов. Парк был великолепен, из подстриженного газона били фонтаны, я гонялся за мыльными пузырями и конфетти, не задумываясь о том, откуда они взялись. От огня и пламени меня защищали герои, и мне всегда удавалось спастись от пиратов. А потом в коридоре я потерялся, и за одной из дверей увидел пневматические поршни и генераторы, копоть на металлических деталях, выцветшие панели – это была совсем другая сторона парка развлечений.

Едва переступив порог заведения с этой вывеской, мы сразу поняли, насколько

tati in un'ironia classica, verde e marrone o al massimo ocra, impettiti come i proprietari legnosi come le travi che vogliono a vista sulle strade che vogliono dominare con il loro pezzo di successo, con il loro pezzo di mondo iscritto nei catasti che certifichi che loro sono parte di questa vita terrena, che hanno edificato un'anima in Via, nella Piazza, con il campanello Dott. Avv. Ing.

Eravamo all'entrata, cioè, di una micidiale festa in maschera.

Kim invece quella sera aveva deciso di passare la serata completamente sola, bevendo a piccoli sorsi, da grosse bottiglie di vetro, birra ghiacciata.

Si soffermava a guardare qualche vetrina, assorta, giocherellava con le mattonelle bucherellate in tufo disegnandoci con gli stivaletti di pelle, saltellava su ogni scalino di ogni portone interessante.

Che belle le ragazze quando sono sole. Magari perché hanno litigato con il fidanzato e invece che appoggiarsi in discussioni o scuse infinite, decidono, per un attimo, di testare la consapevolezza di loro stesse, di contare solo sulle proprie gambe. Quello è un vero miracolo.

Allora camminano, tanto, tantissimo anzi; ma è un errare nobile, sono come dei cavalieri che sono così forti e divini che si possono permettere di prendere e infilarsi a caso in qualsiasi bosco, di cavalcare ore senza una meta trovando tutto quello che cercano.

Non esistono deserti, né oceani o catene montuose invalicabili, è impossibile perdersi o non arrivare quando si ricerca sinceramente, quando si cerca cioè guardandosi dentro, scoprendosi, tuffandosi nel buio del cuore, soli con la nostra ombra.

Alzai la mano per placare lo slang di Ebo, che ormai da dieci minuti non si voleva far capire quando parlava. Ancora una volta eravamo fuori dalle feste. Io, Paul ed Ebo.

может быть обманчива внешняя сторона фасадов домов – зеленых, коричневых, цвета охры. Они, как и их владельцы, стоят с важным видом. Они выставлены на показ на улицах для демонстрации успеха хозяев. Успеха, измеренного участками земли и занесенного в кадастры, чтобы все знали, что хозяева домов – хозяева этой жизни, живут на этой улице, на этой площади и у дверного звонка указаны их имена и высокие должности.

Так мы оказались у входа на не предвещающую ничего хорошего вечеринку. А вот Ким в этот вечер решила провести время в полном одиночестве, потягивая маленькими глоточками ледяное пиво.

Погруженная в свои мысли, она останавливалась посмотреть на витрины, играя, рисовала кожаными сапожками на неровной плитке тротуаров, скакала по ступенькам понравившихся ей подъездов.

Как прекрасны девушки, когда они одни! Возможно, они поссорились со своими парнями, но вместо того, чтобы пускаться в бесконечные пересуды и оправдания, решают хоть на время испытать самих себя, положиться на собственные силы. Вот где настоящее чудо.

И тогда девушки пускаются в путь. Очень долгий путь. Но скитания их полны благородства, они словно рыцари, в силе не уступающие богам, что бесстрашно заходят в темные леса, часами едут верхом, находя, наконец, то, что ищут. Для них не существует таких пустынь, океанов, горных цепей, которые нельзя преодолеть. Невозможно потеряться и сбиться с пути, когда твои поиски искренни, когда ищешь, заглядывая вглубь себя, познавая себя, погружаясь в самые темные глубины своего сердца, один на один со своей тенью.

Я поднял руку в попытке хоть как-то сдержать Эбо, который уже минут десять нес на сленге что-то неразборчивое. В очередной раз я, Пол и Эбо ощущали себя лишними на этом празднике жизни.

Ragazzini ginnici ci fiocavano accanto a culo stretto inseguendo le loro “fidanzate” che inseguivano loro stesse. Giocavano a fare i grandi alle feste dei grandi che giocavano a fare i ragazzini. Insomma un continuo inseguimento.

Mentre tamburellavo al ritmo di un pezzo stupendo, immaginando di ballare in cerchio in quello che doveva essere un party straordinario, quattro ragazzi, accanto a noi, ci provocarono.

Protetti da un cordolo in raso rosso, da due buttafuori ridicoli e da diversi quarantenni con pantaloni alti a filo scarpa e piumini leggerissimi, i quattro nostri coetanei con le loro t-shirt su misura e le scarpe molleggiate, volevano farci credere di essere più agili di noi. Iniziarono a tirarci dei cubi di ghiaccio, poi si nascondevano, indicandoci alle loro bionde arrossettate consorti, il tutto sotto gli sguardi compiaciuti dei genitori.

Poi commisero un errore.

Un lancio mal calibrato dal flaccido braccio di un ricciolino magrissimo ci sorpassò e colpì Kim. Io non mi mossi. Paul si girò verso Ebo. Ebo era sparito. Kim era la ragazza di Ebo.

Non avevo mai visto un corpo umano rispondere con più naturalezza a un impulso esterno, il cosiddetto istinto. C’era un fracasso di transenne, urla di avvocati in preda al panico, architetti in sprint, buttafuori pelati immobili; Ebo stava letteralmente remando su quel gruppo.

Ed ecco quelli che si chiamano i *sei secondi magici*; quei momenti in cui le cause sono in linea con gli effetti, quando la saggezza supera l’ignoranza, quando l’effimera bellezza di un attimo supera ogni logica, quando la bellezza è superata dal genio. Non c’era un tono fuori posto, il quadro era perfettamente composto: i grandi uomini nerboruti che intervengono in ritardo con le figure di potere che osservano dal dietro dei loro trapezi, qualche burocrate in fuga, dei sinuosi collant che si allontanano sui tacchi, ed Ebo che splende.

В это время подтянутые парнишки то и дело сновали между нами с важным видом, следуя по пятам за своими «подружками», которые, в свою очередь, ходили по пятам друг за другом. Они играли во взрослых на тусовках для взрослых, а те, в свою очередь, сами притворялись подростками. Одним словом, все свелось к бесконечной погоне.

Пока я отбивал ритм классного трека, представляя, что танцую на крутой вечеринке, четверо парней рядом с нами стали нас задирать. Скрываясь за красной лентой оградительных столбиков, под защитой двух комичного вида вышибал и нескольких сорокалетних типов в штанах по щиколотку и в легких куртках, четверо в фирменных майках и кроссовках на пружинящей подошве решили показать, что они круче нас.

Они начали бросать в нас кубики льда, прячась и указывая на сопровождающих их блондинок с ярко накрашенными губами, и все это под одобряющие взгляды родителей.

Но в итоге они допустили ошибку. Один кудрявый тощий парень плохо прицелился и запустил кубик так, что он перелетел через нас и попал в Ким. Я не шелохнулся. Пол повернулся к Эбо. Но Эбо и след простыл. Ведь Ким была девушкой Эбо.

В первый раз на моих глазах разворачивалось то, что является инстинктом, мгновенной реакцией человеческого тела на внешний импульс. Раздался грохот ограждений, послышались крики разбегающихся с тусовки модных адвокатов и архитекторов, замерли лысые вышибалы. Эбо буквально разгребал толпу.

Вот они, те самые шесть волшебных секунд, когда причина обретает абсолютное отражение в следствии, мудрость одерживает верх над глупостью, когда мимолетная красота единственного мгновения превышает любой логики.казалось, все подчинилось общему ходу событий, картина была невероятно гармонична: поздно, но все же вмешались крепкие мужики-вышибалы, из-за их спин

Mi ricordo che lo vidi proprio più luminoso degli altri tre che lo colpivano da dietro, mentre strapazzava il ricciolino come una lattuga da asciugare; era un giusto, le sue azioni parlavano per lui, nessuno avrebbe mai potuto interrompere quella catastrofe naturale in azione, perché era necessaria all'equilibrio del mondo, perché, per qualche istante, tutti stavano obbedendo a un ordine, che nessuno aveva mai letto o studiato, ma che tutti sentivano provenire da qualche fondo comune di terrore dimenticato, un abisso che ora li teneva paralizzati.

Quegli attimi ci sembrarono infiniti, ma generalmente è questione di una manciata di secondi; non ci concessero di assaporare a lungo il totale dominio della folla, osservare la paura negli occhi di Kim, ma anche la gioia nel ritrovare il suo ragazzo, gustarci il nostro sorriso trionfante che per una volta avevamo cambiato gli ordini della monotona distribuzione democratica dei poteri, sentirci come in quel grande campo da rugby dove tutti eravamo soltanto numeri in una mischia indefinita.

Ancora una volta, dovevamo correre.

наблюдали за происходящим «сильные мира сего», разбежались бюрократы-любители тусовок, замелькали ноги бегущих на каблуках девушек, а в центре возвышался сияющий Эбо.

Я помню, что увидел, как он весь светился в лучах славы, затмевая тех троих, что налетели на него сзади, когда он тряс кудрявого парня, будто сушил пучок зелени. Правда была на его стороне, его действия говорили за него, никто не был в силах помешать этому разразившемуся природному бедствию, потому что оно было необходимо для равновесия в мире, на несколько мгновений все подчинилось неизведанному и неясному порядку, но все чувствовали, что порядок поднимался из глубин забытого страха, из пропасти, которая сковывала и лишала воли.

Эти мгновения показались нам вечностью, хотя все длилось считанные секунды. Нам не дали прочувствовать полную власть над толпой. Не дали увидеть в глазах Ким страх, и одновременно радость оттого, что она наконец нашла своего парня. Не дали насладиться торжествующими улыбками оттого, что хоть раз мы изменили извечный расклад сил и склонили чашу весов на свою сторону. Не дали ощутить себя на большом поле для регби, где мы только номера в бесконечной схватке.

И вот нам снова нужно было бежать.

Nota critica

La realtà metropolitana – in particolar modo quella alcoolica dei party e delle notti interminabili – ha come caratteristica la velocità. Una velocità necessaria per riuscire ad avere qualche vantaggio sulla città, nella speranza di vederla immobilizzata sotto i nostri sguardi, per non esserne fagocitati. *Long Island* ci ricorda la sfida che Lou Reed inscenò con il suo disco *Metal Machine Music* (1975): “La mia settimana batte il vostro anno”.

I giovani di cui ci parla Matteo Anichini sono figli della città, figli del suo lato notturno. Tutta gente che vive una realtà che supera l’immaginazione. Individui che sono spettri di persone. Ragazzi che “giocano a fare i grandi alle feste dei grandi”; grandi che a loro volta giocano “a fare i ragazzini”. Le strade sono piene di gente che va avanti e indietro senza meta apparente. Il sottofondo è il martellare ossessivo della musica. Tutto accade qui e ora. Non c’è spazio per il passato e per il futuro. Il protagonista di *Long Island* registra con lucidità: “Quegli attimi ci sembrano infiniti, ma generalmente è questione di una manciata di secondi”. Succede proprio così. Qualsiasi cosa accade con un’impressionante velocità. Proprio come impone la realtà metropolitana. Ogni attimo dura meno di un attimo. La grande lezione della città è sotto gli occhi di tutti, alla portata di ognuno. La città ci insegna che il movimento non avviene solo *nello* spazio, perché c’è anche un movimento *dello* spazio. È necessario fissare con un unico colpo d’occhio questa connaturata ambivalenza, consapevoli che in quel “colpo d’occhio” c’è, folgorante, il mito della durezza della metropoli, una durezza tale da rendere impossibile una vita felice e naturale.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Скорость – характерная черта реальности большого города, особенно города, проводящего бесконечные ночи в алкогольном угаре вечеринок. Скорость как преимущество над городом, который, как мы надеемся, замрет у нас на глазах, скорость как попытка не дать городу поглотить и подавить нас. Рассказ «Лонг–Айленд» напоминает о таком брошенном городу вызове, который Лу Рид выразил диском «Metal Machine Music» (1975): «Моя неделя круче, чем ваш год».

Ребята, о которых повествует Маттео Аникини, – это дети города, дети его темной ночной стороны. Люди, чья реальность выходит за рамки воображения. Люди, похожие на призраков. Подростки, «которые играют во взрослых на тусовках для взрослых», и взрослые, которые в свою очередь, «притворяются подростками». Улицы полны людей, снующих туда–сюда без видимой цели. И все это под беспрестанный, неотступный грохот музыки. Все происходит здесь и сейчас. Нет места для прошлого и будущего. Герой рассказа «Лонг–Айленд» со всей объективностью отмечает: «Эти мгновения показались нам вечностью, хотя все длилось считанные секунды». А ведь так и бывает на самом деле. Все происходит с поразительной скоростью. Так, как того требует реальность большого города. Каждое мгновение длится меньше мгновения. Важное знание, которое дает нам город, доступно каждому. Город учит нас, что движение происходит не только в пространстве, поскольку само пространство тоже находится в движении. Нужно ухватить взглядом врожденную двойственную природу города и осознать, что в этот самый миг ярко проявляется мифическая жестокость большого города – жестокость, которая перечеркивает всякую возможность простой и счастливой жизни.

Флавио Эрмини

Biografia

Matteo Anichini è nato nel 1992 a Firenze, sulle colline fiesolane, ma ha vissuto i primi anni di vita a Genova dai nonni materni. Ha studiato presso il liceo classico Michelangiolo e successivamente al liceo classico Galileo a Firenze.

Ha lavorato come organizzatore di mostre ed eventi culturali.

Attualmente frequenta un corso di scrittura creativa organizzato dalla rivista di poesia “Semicerchio” e studia Teorie della comunicazione presso l’Università degli studi di Siena.

Vincitore nel 2013 del Premio Creativity, indetto da Piaggio Pontedera, per la categoria “comunicazione”.

Биография

Маттео Аникини родился в 1992 году во Флоренции на фьезоланских холмах, но первые годы жизни провел в Генуе у бабушки и дедушки по материнской линии. Учился в Классическом лицее имени Микеланджело, затем в Классическом лицее имени Г. Галилея во Флоренции.

Занимался организацией выставок и культурных мероприятий.

В настоящее время учится на курсах писательского мастерства при поэтическом журнале «Семичеркьо», изучает теорию коммуникации в Сиенском университете.

В 2013 году удостоен премии «Creativity» фирмы «Пьяджо Понтедера» в номинации «Коммуникация».

Alice Magnoni

Traduzione in russo di Anna Tigaj

Аличе Маньони

Перевод на русский язык Анны Тигаи

IL TERZO ATTO

Lui le chiede come sta.

Sa fare il suo lavoro, assume sempre l'aria di qualcuno a cui importa della risposta.

«Bene».

Tutte le loro sedute iniziano così. Con quella specie di pudore di lei a dir male della vita.

«Com'è andata la settimana?»

Ieri ho messo insieme i pezzetti.

«Stiamo lavorando su Ibsen, mi piace molto, è affascinante...»

Combaciavano alla perfezione, si udiva perfino il click click meccanico dell'incastro.

«Preferisco i drammi alle commedie» (qui lei sorride, e lui ride per gentilezza).

«Immagino, già, già».

Galleggiavano. Li ho recuperati uno a uno.

Lui è molto carino, attento, determinato a non mollare, mentre lei è a un passo dall'alzarsi e non tornare mai più. Ogni volta.

Non potrei dire con sicurezza che era un sogno, forse l'ho solo immaginata distesa a letto finché è diventato qualcosa che non potevo controllare. Ma sono certa che non sia accaduto davvero perché in quel parco non ci sono stagni.

Era un piccolo stagno al centro della radura. Non li ho notati subito, eppure erano sempre stati lì, a galleggiare. Sono entrata nell'acqua e li ho raccolti con le mani e messi sull'erba e facevano click click appena li attaccavo insieme.

Ecco un altro elemento poco realistico: galleggiavano tutti tranne la testa.

Magari invece può succedere, non sono un'esperta. Comunque non la trovo; dovevo trovarla a tutti i costi. Pensavo, deve essere lì sotto da qualche parte, tra la melma putrida del fondale, ma non volevo immergermi totalmente e cercavo di ragionare.

ТРЕТИЙ АКТ

Спрашивает, как дела.

Профессионал. Словно бы ему не все равно.

– Хорошо.

Так начинается каждая их встреча. Ей словно бы стыдно жаловаться на жизнь.

– Как прошла неделя?

Вчера я соединила все кусочки.

– Мы работаем над Ибсеном, мне очень нравится, меня увлекает процесс...

Части идеально подходили друг другу, они даже щелкали, когда соединялись.

– Драмы мне нравятся больше, чем комедии (она улыбается, он из вежливости смеется).

– Я так и думал.

Они качались на поверхности воды. Я собрала их один за другим.

Он – доброжелательный, внимательный, готовый бороться до конца. Она каждый раз в шаге от того, чтобы встать и уйти. И больше не возвращаться.

Не знаю, сон ли это. Может, я просто лежала на кровати и мечтала, а потом мое видение вышло из-под контроля. Но это точно не происходило на самом деле, потому что в настоящем парке не было пруда.

А вот в парке из моего видения на поверхности воды качались какие-то предметы. Я заметила их не сразу, хотя они были там всегда. Я вошла в воду, собрала их и положила на траву. Кусочки щелкали, когда я их соединяла.

Вот еще одна недостоверная подробность: я нашла все, кроме головы.

А может, так бывает, я не специалист. В любом случае, головы я не видела. Но мне во что бы то ни стало надо было ее отыскать. Я думала, что она где-то там, в вонючем иле на дне, но я не хотела погружаться с головой и пыталась думать логически.

Poi è arrivato il mattino e non ho più dovuto decidere.

Come sto.

Ecco.

Io credo che le nostre parole, i nostri corpi, il nostro mondo, non sia capace di contenere questo genere di cose; forse se ne può parlare con la letteratura o con uno di quei film molto intensi che nessuno ha mai davvero voglia di vedere ma di cui tutti riconoscono la mano d'artista. Però nella realtà questo genere di cose non trova il proprio posto, sfiora l'assurdo e il ridicolo.

Perciò non ti dirò che da lontano sembravano rifiuti di plastica colorata.

E invece erano pezzi di bambina.

«Sono tre anni oggi, vero?».

Una domanda brusca, improvvisa. Lei è impreparata, ed è evidente che non apprezza il suo modo di prendere in mano la situazione, quasi freddo. Che diritto ha di entrare in argomento con tanta naturalezza?

Il diritto di un estraneo.

«Sì».

Ma ora lui non cederà, non replicherà, lascerà crescere il muto disagio tra loro finché lei non sarà costretta a romperlo pur di uscirne. Docile, lei lo fa, concedendogli la vittoria come per una subitanea debolezza. Ma è solo perché ha valutato quei silenzi più invasivi di tutto il resto.

«Oggi era una delle giornate no della mamma. Si è chiusa in bagno e non voleva uscire, così ho dovuto accompagnare io Christian a scuola, e sono arrivata in ritardo a Teatro».

«Mamma. Mamma. Ti prego apri. Per favore».

Erano le sette del mattino e abbiamo solo un bagno capisci.

«Cami?».

«Sì Christian?».

Потом наступило утро и мне больше не надо было ничего решать.

Как у меня дела.

Вот как.

Я думаю, что наши слова, наши тела и наш мир не в состоянии уместить в себе подобные вещи; может, о них способны говорить только литература или один из этих тяжелых и гениальных фильмов, которые на самом деле никто не хочет смотреть. Но в реальности подобные вещи не находят себе места, они существуют на грани абсурдного и смешного.

Поэтому я не скажу тебе, что издалека кусочки напоминали цветной пластик.

А на самом деле это были части тела маленькой девочки.

– Прошло уже три года, верно?

Резкий, неожиданный вопрос. Не готова к нему. Не нравится его привычка почти хладнокровно владеть ситуацией. Какое право он имеет так непосредственно начинать разговор на эту тему?

Право чужого.

– Да.

Но он не отступит, не будет умолять, он позволит неловкости между ними расти до тех пор, пока ей не придется начать разговор, лишь бы эту неловкость разрушить. Она уступает, следует сценарию, позволяет себя победить, словно бы сраженная внезапной слабостью. Но только потому, что паузы проникают внутрь глубже любых слов.

– Сегодня мама снова ушла в отказ. Она заперлась в ванной и не хотела выходить. Мне пришлось самой вести Кристиана в школу, и я опоздала в театр.

– *Мама. Мама. Прошу тебя, открой. Пожалуйста.*

Семь утра, а у нас только одна ванная комната, понимаешь.

– *Ками?*

– *Да, Кристиан?*

«Mi scappa forte la pipì».

«Lo so tesoro. Vedrai che adesso esce».

La sentivamo piangere. Probabilmente era distesa sul pavimento, perché il suono era soffocato.

«Tuo figlio di sette anni ha bisogno del bagno mamma apri subito».

Mi sono seduta davanti alla porta e ho iniziato a battere forte a ritmo regolare. Christian ha colto il suggerimento: si è messo in ginocchio e mi ha imitata.

Lei continuava a piangere, solo a un certo punto ha detto, con una vocina flebile da fare pena: «Butterete giù la porta».

Avevamo le mani rosse a furia di battere. Come fa una madre a obbligare i propri figli ad aggrapparsi a una maniglia e implorare?

Lo so cosa dirai. Che è una madre che ha perso la propria bimba di cinque anni. Altrimenti sarebbe imperdonabile non è vero? Ma invece bisogna comprendere.

«Cami?».

«Sì Christian?».

«La faccio».

«No, no! Aspetta, un secondo, vieni con me».

L'ho portato in balcone.

«Il vaso dell'oleandro va bene».

«Mi vedono tutti».

«Non c'è nessuno affacciato».

«Fa freddo».

«Ti scappa o no?».

Credimi, comprendo.

Al funerale... insomma quella cosa che abbiamo avuto due anni fa al posto del funerale, perché non c'era un corpo... E mio padre nemmeno è venuto...

– Я очень хочу писать.
– Я знаю, дорогой. Подожди, сейчас мама выйдет.
Я слышала, как мама плачет. Наверное, она лежала на полу, потому что звук получался чуть приглушенный.
– Твоему семилетнему сыну надо в туалет, мама, открой немедленно.
Я села рядом с дверью и начала ритмично колотить в дверь.
Кристиан понял, опустился на колени и стал повторять за мной.
Мама продолжала плакать, только в какой-то момент сказала слабым, вызывающим жалость голосом: – Вы сломаете дверь.
Наши руки покраснели от ударов. Как может мать заставлять своих детей хвататься за ручку двери и умолять?
Я знаю, что ты скажешь. Она потеряла пятилетнюю дочь. Иначе это было бы непросительно, правда? А раз так, надо постараться ее понять.

– Ками?
– Да, Кристиан.
– Я сейчас описаюсь.
– Нет, нет! Подожди секунду, пойдем со мной.
Я отвела его на балкон.
– Пописай в вазу с олеандром.
– Меня все увидят.
– Никто не смотрит.
– Холодно.
– Ты хочешь в туалет или нет?

Поверь, я понимаю.
На похоронах... в общем, на том, что у нас было вместо похорон два года назад, потому что не было тела... а мой отец даже не пришел...

Al funerale la mamma mi ha abbracciata tanto forte da farmi soffocare. Poi mi ha sussurrato all'orecchio: «Non c'è limite alle cose orrende che possono capitare in una vita». Aveva già deciso che sua figlia era morta allora. Ma non l'ho odiata per quello. L'ho odiata per la frase, ancora di più perché sentivo che era vera; non avrei mai potuto scollarla via.

Le sta chiedendo di suo padre.

«Il papà si sveglia presto per andare al lavoro, non può accompagnare mio fratello. E cerca di avere meno contatti possibili con la mamma. Si lasciano in pace» sorride, ironica.

«Pensa che Claudia sia ancora viva?».

Un respiro trattenuto, perché lei non gli ha mai detto questo; però lui ha delle buone intuizioni.

«Sì».

Aggiunge poi: «Dice che dobbiamo continuare a cercare, che continuerà finché vive. È arrabbiato con la mamma che va in giro a dire che lei lo sente che non c'è più. Mio padre disprezza tutto ciò che non è ragione e fatti. Finché non c'è... un corpo, non c'è prova, allora è viva».

«E tu?».

Spero sia morta.

Una risposta piena di giudizio: «Io credo che non ci sia più niente che possiamo fare per trovarla».

La gita, in picnic, gli amici, la tovaglia rossa e.

Il parco.

Claudia che corre in un completino verde.

Ovviamente ci ricordiamo com'era vestita.

Claudia correva sempre. A casa prima di andare a dormire faceva venti volte il giro della sala, ridendo e lanciando gridolini.

На похоронах мама обняла меня так сильно, что чуть не задушила, и прошептала мне на ухо: «Нет предела ужасам, которые могут случиться в жизни».

Она уже тогда решила, что Клаудия умерла. Но я ненавидела мать не за отсутствие надежды. Я ненавидела ее за эту фразу, ненавидела сильно, потому что чувствовала: она права. Я так никогда и не смогла забыть ее слова.

Спрашивает об отце.

– Папа рано уходит на работу и не может отводить брата в школу. И он старается как можно меньше общаться с мамой. Они оставили друг друга в покое, – иронично улыбается.

– Он думает, что Клаудия еще жива?

Задерживает дыхание. Никогда об этом не говорила. Но он ведь действует из лучших побуждений.

– Да. – Помолчав, добавляет: – Он говорит, что мы должны продолжать искать, что он продолжит, пока жив. Он злится на маму, она всем говорит: я чувствую, Клаудии больше нет. Мой отец презирает все, что за рамками фактов и рационального. Пока нет... тела, пока нет доказательств, она жива.

– А ты?

Надеюсь, она умерла.

Разумный ответ: – Я думаю, что мы больше ничего не можем сделать, чтобы отыскать ее.

Поездка, пикник, друзья, красная скатерть...

Парк.

Клаудия бегает туда-сюда в зеленом костюмчике.

Конечно, мы помним, как она была одета.

Клаудия всегда бегала. Дома, перед тем, как пойти спать, она раз двадцать наматывала круги по комнате, смеясь и вскрикивая.

Исчезла.

Sparita.

Meglio morta, che viva, sofferente, innocente, al di là di ogni aiuto. Gli esseri umani mettono fantasia anche nelle atrocità.

Ma come si fa ad andare avanti da qua.

Ogni giorno mi alzo, mi vesto, faccio colazione, mi lavo i denti, vado a Scuola di Teatro e mi piace quello che faccio e sto mentendo a tutti perché non m'importa della realtà, è a malapena vera per me, non ci credo. Non credo di essere davvero qui di fronte a te a parlarti di me come se io fossi qualcuno. È una recita anche questa capisci?

«Sabato ho delle audizioni per una parte in un film. Una ragazza drogata senza voglia di vivere, dovrebbe essere facile». Cerca di fare la spiritosa e riguadagnare il distacco; lui accetta quel tentativo come prova di un coraggio ostinato che afferma: posso ridere anche di questo.

«Ma non so se ci andrò davvero».

«Perché no?».

Perché no? Il palcoscenico, le luci, le altre vite quelle che non ho mai vissuto, il dolore che nell'arte diventa qualcosa di straziante e bello e accettabile, e loro che mi guardano e vogliono conoscermi, stare con me, essere me. Lo desidero. Fama, gloria e soprattutto certezza, solida e inebriante certezza, di essere al mondo.

Ma è un sogno. La mia particolare storia della buonanotte. Un'illusione tra le tante. L'idea che la felicità sia proprio dietro l'angolo, basta svoltarlo!!! Che la vita riservi... che cosa?

Vedi, non voglio essere di quelli che si aggrappano a vecchi cliché per sopportare, voglio essere forte, ma in realtà mi chiedo se non me ne sono semplicemente creata di nuovi, luccicanti modernità e sarcasmo; e esiste davvero qualcuno che è capace di respirare senza?

È strano, perché prima che io parli tu dici quello che voglio sentirmi dire.

«Bisogna pur credere in qualcosa. Finché ci dà sollievo e non fa male a nessuno».

Лучше пусть она будет мертва. Невыносимо представлять, что Клаудия одна, что ей больно и помощь не приходит. Когда не знаешь наверняка, представляешь самые ужасные вещи.

Как жить с этим дальше?

Каждый день я встаю, одеваюсь, завтракаю, чищу зубы, иду в театральную школу, мне нравится моя учеба, и я всем вру, потому что реальность мне не важна, я в нее не верю, она ничего не значит. Я даже не верю в то, что сейчас сижу перед тобой и рассказываю о себе, словно бы я – кто-то другой. Это тоже спектакль, понимаешь?

– В субботу у меня прослушивания на роль в фильме. Девушка–наркоманка, которая не хочет жить. Это будет легко. – Пытается шутить и вновь стать равнодушной. Он принимает попытку как доказательство ее безоглядного мужества. Говорит: я могу смеяться даже над этим.

– Но я не знаю, пойду ли я.

– Почему нет?

Почему нет? Сцена, огни, чужие, непрожитые мной жизни, боль, которая в искусстве превращается в нечто мучительное, прекрасное и терпимое. Другие люди смотрят на меня и хотят меня узнать, хотят быть со мной, быть мной. Я хочу этого. Слава, известность и особенно уверенность, крепкая и пьянящая уверенность в том, что я действительно существую.

Но это все сон. Моя личная сказка на ночь. Одна из множества иллюзий. Как будто счастье где-то поблизости, стоит только завернуть за угол! Как будто жизнь хранит... что? Видишь, я не хочу быть одной из тех, кто цепляется за банальные фразы, чтобы как-то перетерпеть жизнь, я хочу быть сильной. Но в глубине души я задаюсь вопросом, не создала ли я просто новый набор этих фраз, посовременнее и по-смешнее?... да и есть ли в мире люди, способные выжить без них?

Странно, но ты произносишь то, что хочу сказать я сама.

– Надо же во что-то верить. Если это облегчает нам жизнь и не вредит окружающим.

Vorrei che non l'avessi fatto. Detto ad alta voce sembra ancora peggio.

Come sto.

Ecco.

Quando ero piccola mettevo sempre il bicchiere di vetro sul bordo del tavolo. La mamma mi sgridava e diceva che prima o poi l'avrei fatto cadere. Io continuavo a farlo. Non credo lo facessi di proposito, non ci pensavo, era una comoda abitudine.

È chiaro che noi non siamo la bambina. Siamo il bicchiere. In qualsiasi momento, non importa quanto stiamo attenti, perfino stare attenti non dipende da noi, potremmo essere urtati e romperci in mille pezzi. Fragili.

Tu mi assolvi, mi dici che è normale rispondere al richiamo dei vivi per i vivi: la scelta è la mia ma dovrei andare a quella stupida audizione vero?

Cosa ne sappiamo in fondo.

Anche se è solo una fantasia – Claudia sgambetta e gioca nella stanza accanto – è vera per un po', finché riesco a immaginarla.

«Lunedì prossimo con lo stesso orario va bene per te Camilla?».

Forse posso farcela, con un piede qui e uno... dall'altra parte.

«Sì».

Мне бы хотелось, чтобы ты этого не говорил. Сказанные вслух, эти слова звучат еще хуже.

Как у меня дела.

Вот как.

Когда я была маленькой, я всегда ставила стеклянный стакан на край стола. Мама ругалась и говорила, что рано или поздно он упадет. Но я продолжала так делать. Вряд ли я делала это нарочно, я не думала об этом, это была просто привычка.

Понятно, что мы – не маленькая девочка. Мы – стакан. В любой момент, не важно, насколько мы внимательны, да и внимание наше почти не зависит от нас, мы можем упасть и разбиться на миллионы кусочков. Мы хрупкие.

Ты меня оправдываешь, ты говоришь, что для живых людей естественно тянуться к жизни. Выбор за мной, но надо пойти на это глупое прослушивание, правда?

Что мы вообще знаем.

Пусть это всего лишь моя фантазия – Клаудия бегает и играет в комнате рядом – но пока мне хватает воображения, она жива.

– В следующий понедельник как обычно, Камилла?

Может, я и могу справиться, если только будут жить одновременно в двух мирах...

– Да.

Nota critica

Va detto subito che il titolo di questo racconto, *Il terzo atto*, fa esplicitamente cenno al momento della vita in cui, passate l'infanzia e l'adolescenza (rispettivamente, il primo e il secondo atto) si arriva a un'età più matura, durante la quale non si può più sfuggire alle dolorose domande sullo scopo e sul significato dell'esistenza.

La narrazione fa riferimento a romanzi di formazione quali *La campana di vetro* di Sylvia Plath e *Il giovane Holden* di J.D. Salinger, ma soprattutto al musical di Brian Yorkey e Tom Kitt *Next to Normal* (*Quasi normale*), premio Pulitzer per la Drammaturgia nel 2010.

La questione alla quale Alice Magnoni dà sostanza nel suo racconto è il gesto di ribellione della protagonista, un gesto che la porta a infrangere la normalità apparente che fa da scudo ai tormenti e alle inquietudini proprie di ogni famiglia.

Il terzo atto registra il colloquio tra una giovane donna e il proprio psicoanalista. Indaga le loro parole e i loro pensieri. In un percorso che porta a riconoscere le apparenze della vita per giungere alla sostanza dell'essere-nel-mondo.

Noi viviamo l'effimero della nostra condizione esistenziale. Al contrario, ci dovremmo affidare a un pensiero che sappia scorgere nei nostri rapporti con il mondo la vera essenza. Noi non conosciamo la potenza che sta alla base di tutte le cose e che tutte le cose attraversa. È per questo che le cose in cui ci imbattiamo quotidianamente restano estranee e non comprese. È necessario entrare nel "terzo atto" della nostra vita con la mente sgombra dalla prepotenza delle apparenze. Il "terzo atto" avrà compimento solo quando usciremo dalla prigione delle illusioni; solo nel momento in cui, come fa la protagonista di questo racconto, ognuno di noi potrà dire: "Vedi, non voglio essere di quelli che si aggrappano a vecchi cliché per sopportare, voglio essere forte".

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Первым делом необходимо отметить, что название рассказа «Третий акт» отсылает к определенному периоду человеческой жизни. Когда проходят детство и юность (соответственно, первый и второй акт), наступает зрелый возраст. В это время вопросы о цели и смысле существования встают особенно болезненно, их решение не получается отложить на потом.

Рассказ отсылает нас также к романам воспитания «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, но прежде всего, к мюзиклу Брайана Йорки и Тома Китта «Недалеко от нормы», лауреату Пулитцеровской премии «За лучшую драму» 2010 года.

В своем рассказе Аличе Маньони показывает бунт главной героини. Она восстает против кажущейся нормальности, скрывающей болезненные вопросы и проблемы, которые присутствуют в каждой семье.

«Третий акт» представляет собой разговор между молодой женщиной и ее психоаналитиком. В рассказе изучаются их слова и мысли. Это исследование приводит к признанию зыбкости реальности и вскрытию смысла выражения «бытие-в-мире».

Наше существование призрачно и эфемерно, и мы принимаем такое положение вещей. Но на самом деле стоит довериться мыслям, поскольку они способны вскрыть суть отношений с миром. Нам неведома сила, которая лежит в основании всех жизненных явлений. Поэтому даже вещи, с которыми мы сталкиваемся каждый день, остаются чужими и непонятыми. Необходимо вступить в «третий акт» жизни с сознанием, очищенным от видимости. «Третий акт» завершится, когда мы вырвемся из-под власти иллюзий. Только в тот момент, когда каждый из нас, подобно героине рассказа, сможет сказать: «Видишь, я не хочу быть одной из тех, кто цепляется за банальные фразы, чтобы как-то перетерпеть жизнь, я хочу быть сильной».

Флавио Эрмини

Biografia

Alice Magnoni è nata nel 1996 a Sesto San Giovanni (MI). Si è diplomata al Liceo Scientifico A. Volta di Milano. È al terzo anno di Scienze Ambientali all'Università Bicocca di Milano. Ha frequentato diversi corsi di teatro. Suona il pianoforte e legge molto. Ha iniziato a scrivere veri e propri racconti verso i diciannove anni. Un ulteriore stimolo alla scrittura le è stato dato dal corso di scrittura creativa di Bruna Miorelli.

Биография

Аличе Маньони родилась в 1996 году в Сесто-Сан-Джованни (провинция Милана). Окончила Научный лицей имени А. Вольты в Милане, в настоящее время студентка третьего курса факультета природных наук в Университете Биккока (Милан). Посещала разнообразные театральные курсы. Играет на фортепиано и много читает. С девятнадцати лет пишет рассказы. Серьезно заняться литературой решила после учебы на писательских курсах Бруны Мьорелли.

Marta Vitale

Traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Марта Витале

Перевод на русский язык Екатерины Спировой

A.A. ACCOUNT ANONIMI

Immagina di essere di fronte a una macchina del tempo.
Immaginala come vuoi.
Una scatola, una semplice sedia, una poltrona di pelle, una porta.
Adesso entraci oppure siediti o aprila.
Fatto? Chiudi gli occhi. Al mio *tre* ti ritroverai nel futuro. Uno. Due. Tre.

Mentre stai viaggiando nel tempo, so cosa ti stai domandando.
Quando riaprirai gli occhi, in che anno sarai?
2020.
Sì, solo due anni. E sì, avrei potuto portarti nel 2200, nel 3000. Nel 9999.
Ma fidati, mi bastano solo due anni per rispondere alla domanda che mi
hai fatto prima di immaginare una macchina del tempo. Oh, eccoci arrivati,
apri gli occhi!
Benvenuto nel futuro.
Sei in una strada del 2020 e tutto è uguale: c'è un all-you-can-eat, un bar e
un'edicola. Le macchine non volano e le persone sembrano sempre le solite:
indaffarate.
Senti una vibrazione nella tasca della giacca, come quando ti stanno chia-
mando. Ed effettivamente ti stanno chiamando, ma quel telefono non è il
tuo e il numero è privato.
“Pronto?” dici.
“Entra in quel bar” dico io dall'altra parte.
“Chi sei? Dove sono? Cosa mi hai fatto?”.
Ma io riattacco, perché so che prima o poi tu in quel bar ci entrerai.
Ora sei troppo impaurito e butti il telefono nel cestino di fianco.

А.А. АНОНИМНЫЙ АККАУНТ

Представь себе, что перед тобой машина времени.
Представь ее себе, как хочешь.
Как коробку, обычный стул, кожаное кресло, дверь.
А теперь залезь в нее, присядь на него/в него, открой ее.
Готов? Закрой глаза. И как только я досчитаю до трех, ты окажешься в будущем. Один.
Два. Три.

Я знаю, какой вопрос ты себе задаешь, пока путешествуешь во времени.

В каком году ты окажешься, когда откроешь глаза?

В 2020-м.

Да, всего через два года. Конечно, я мог бы перенести тебя и в 2200-й, и в 3000-й год.
А может и в 9999-й.

Но поверь, достаточно всего двух лет, чтобы ответить на вопрос, который ты мне задал до того, как представить себе машину времени. Ну, вот мы и прибыли, открывай глаза!
Добро пожаловать в будущее!

Ты находишься на улице в 2020-м году, ничего не изменилось: вот столовая, бар, газетный киоск. Машины не летают, да и люди все те же: бегущие, занятые.

Ты чувствуешь вибрацию в кармане пиджака – как будто тебе кто-то звонит. Тебе на самом деле звонят, но мобильный не твой, номер частный.

– Алло? – говоришь ты.

– Зайди в тот бар! – в телефоне раздается мой голос.

– Ты кто? Где я? Что ты со мной сделал?

Но я отключаюсь, так как знаю, что рано или поздно ты все равно войдешь в этот бар.

А сейчас ты слишком напуган и выбрасываешь мобильный в ближайшую мусорку.

Первое, что ты делаешь, – хочешь убедиться, не соврал ли я, правда ли ты находишься

La prima cosa che fai è vedere se ti ho detto una cazzata, se sei davvero nel 2020. Corri verso l'edicola e chiedi “*La Repubblica*, grazie”.

L'edicolante ti dice che la trovi là: esiste ancora, così come esistono ancora il *Corriere della Sera* e la *Gazzetta dello Sport*. Leggi l'anno: 2020. Vedi? Non ti ho detto *cazzate*.

“Ué! Se vuoi leggerlo, devi pagarlo” dice l'edicolante. “Mica sono una biblioteca!”.

Dovresti avere della moneta perché quando ci siamo visti per la prima volta, avevi appena ricevuto il resto dalla cameriera.

“Tenga” dici all'edicolante porgendogli 2 €.

“E che me ne faccio?” risponde lui indicando il cartello che è appeso al vetro: «*qui solo Bitcoin o followers payment*».

Sì, lo so. Inizi a provare una leggera vertigine, un senso di smarrimento, ma poi vedi il tram 33 e capisci che sei a Milano e, finalmente, sei pervaso da un senso di casa. Casa? Casa! Perché non ci hai pensato prima?! Sali al volo senza biglietto e ringrazi Dio: quel tram ti porterà a casa. Dopo 5 fermate ti ritrovi in via Bassi ed è come l'avevi lasciata questa mattina, anzi, questa mattina di due anni fa.

Nei pantaloni hai ancora le chiavi e preghi che entrino nella serratura. *Clack*. Corri al secondo piano facendo i gradini tre alla volta e inserisci la seconda chiave. *Clack*.

“Giulia! Giulia! Giulia?”.

Giulia esce dalla cucina.

“Luigi, cosa ci fai a casa così presto?”.

Allora la baci come l'avevi baciata quindici (diciassette) anni fa al cinema.

“Devo dirti una cosa. È una cosa p-a-z-z-e-s-c-a”.

Ma la tua frase viene interrotta dal pianto di un neonato.

“Cosa...” sussurri...

в 2020-м году. Ты бежишь к киоску и просишь: «Дайте мне «Республика», пожалуйста!» Киоскер показывает, где лежит газета: она все еще существует, как и другие издания типа «Корьере делла Сера» и «Гадзетта делло Спорт». Посмотри на год: 2020-й. Видишь? Значит, я не соврал.

– Эй! Если хочешь почитать, плати! – говорит киоскер. – Ты не в библиотеке!

У тебя должна быть какая-то мелочь: когда мы впервые увиделись, ты получал сдачу от официанта.

– Держи! – говоришь ты и протягиваешь продавцу два евро.

– И что мне с этим делать? – отвечает он, указывая на прикрепленное к стеклу объявление: «Здесь платят биткойнами или подписчиками».

Да, я знаю. Ты начинаешь чувствовать легкое головокружение, такое чувство, что вот-вот упадешь в обморок, но потом ты видишь трамвай номер тридцать три и понимаешь, что находишься в Милане, наконец-то ты чувствуешь себя дома. Дома? Дома! Как же ты не подумал об этом раньше? Вскликаешь в трамвай без билета и «Слава Богу, этот трамвай привезет меня домой». Через пять остановок ты окажешься на улице Басси – все, как было утром, утром два года назад.

В кармане брюк у тебя лежат ключи, ты молишь Бога, чтобы они подошли. Щелк. Бежишь на второй этаж, перескакивая через три ступеньки, и вставляешь в дверь второй ключ. Щелк.

– Джулия! Джулия! Джулия?

Джулия выходит из кухни.

– Луиджи, что ты делаешь дома так рано?

Ты целуешь ее так, как целовал пятнадцать (семнадцать) лет назад в кино.

– Я должен тебе кое-что сказать. Сумасшедшая новость!

Но твою фразу прерывает плач младенца.

– Это..., – шепчешь ты...

Джулия возводит глаза к небу, как если бы звук плача был ей знаком, чего нельзя сказать о тебе.

Giulia alza gli occhi al cielo come se quel suono le fosse familiare, di certo più familiare che a te.

“La tua cosa p-a-z-z-e-s-c-a deve aspettare un attimo” dice uscendo dalla stanza. “Nina non piangere, che *la story* non viene bene!”.

Viaggiare nel futuro ha i suoi lati negativi, non lo sapevi? Scoprire di avere un figlio in questo modo, sapere già che sarà una Lei, che le darai il nome di tua madre...

“Ah, è passato quel tuo amico strano. Dice che è importante che vai al Bar”. Giulia sta venendo verso di te con Nina in braccio, ma non vuoi conoscerla, non così.

“Io vado adesso... almeno... almeno torno in tempo per cena!”.

Riesci a uscire di casa senza vedere gli occhi della figlia che ancora non hai. E sei disperatamente arrabbiato con me. Così mi raggiungi al Bar.

Entri e c'è una puzza tremenda di sigaretta. Luci soffuse, nessuna musica, solo il respiro rumoroso di un cliente sovrappeso al bancone. Il barista filiforme ti fissa mentre cambia un fusto di birra. Vedi un'insegna al neon che lampeggia: è una freccia blu, indica una scala che porta verso il basso. Passi davanti al bancone, scendi le scale e ti ritrovi in una cantina piena di scatole. Davanti a te una porta: non è chiusa, ma non vedi cosa c'è dietro. Non puoi far altro che aprirla.

Quello che hai davanti agli occhi è inaspettato, considerando il contesto.

Ci sono un uomo e un ragazzino in piedi, mangiano una torta e ridono. L'uomo ha una lunga barba rossa, un maglione giallo sgualcito e dei jeans da discount troppo stretti per la sua corporatura “morbida”. L'altro sembra un broker di Wall Street, solo che al massimo gli dai tredici anni.

Al centro della sala ci sono 4 sedie e una poltrona disposte in cerchio. C'è

– Твоей сумасшедшей новости придется подождать, – говорит она, выходя из комнаты.

– Нина, не плачь, все будет хорошо!

Путешествие в будущее имеет и свои отрицательные стороны, а ты не догадывался? Вот так узнать, что у тебя есть ребенок, узнать, что это девочка, что ее назовут в честь твоей матери...

– Ах да, заходил твой странный приятель. Говорит, тебе надо обязательно прийти в бар.

Джулия направляется к тебе с Ниной на руках, но ты не хочешь с ней знакомиться, не таким образом.

– Я сейчас ухожу... но... но я вернусь к ужину!

Тебе удастся ускользнуть из дома, не увидев глаза дочери, которой у тебя пока еще нет. И ты отчаянно зол на меня. Ты идешь ко мне в бар.

Тыходишь и чувствуешь вонь табака. Мягкий свет, никакой музыки, только шумное дыхание тучного посетителя у барной стойки. Худощавый бармен пристально смотрит на тебя, меняя бочонок с пивом. Ты замечаешь мигающий неоновый знак: синяя стрелка указывает на лестницу, которая ведет вниз. Проходишь барную стойку, спускаешься по лестнице и оказываешься в забитом коробками подвале.

Перед тобой дверь: дверь только прикрыта, но что за ней – не видно. Остается ее открыть.

То, что открывается твоим глазам, – неожиданно, особенно в данной ситуации.

За дверью стоят мужчина и мальчик, едят торт и смеются. У мужчины длинная рыжая борода, мятый желтый свитер и дешевые джинсы, слишком узкие для его «обмякшей» фигуры. Парнишка выглядит, как брокер с Уолл-стрит, только на вид ему не больше тринадцати.

В центре комнаты четыре стула и кресло, расположенные по кругу. Еще есть женщина, лет пятидесяти, само совершенство. Если смотреть издали. Потому что, приближа-

anche una donna che avrà 50 anni ed è perfetta. Da lontano. Perché quando si avvicina la prima cosa che noti sono labbra botox, naso troppo dritto per essere vero, zigomi che potrebbero uccidere.

“Sono Titta” dice porgendoti la mano

“Titta! Sta’ buona che è nuovo” dice il barbarossa mentre si avvicina insieme al mini broker.

“Cerco solo di essere gentile” risponde.

“Gentile o #LikeToLike?” dico io.

Sì, io. Sono di fronte a te, in carne e ossa.

Mi guardi, mi riconosci, apri la bocca, ma non riesci a dire niente.

“Forza ragazzi che sono le 6. Iniziamo l’incontro!” mi siedo sulla poltrona.

“Ok, capo” dice Barbarossa.

“Ci vediamo dopo” ti sussurra Titta, divertita ed eccitata.

“Vieni Luigi, siediti di fianco a noi. Non sei obbligato a parlare, anche il semplice ascoltare può aiutarti a capire”.

Non hai altra scelta.

“Ciao” dico. “Sono Alan”.

“C-i-a-o-a-la-n”.

“Oggi terrò io questo incontro. Andrea, come va?”.

Il mini-broker si schiarisce la gola. La sua voce è diversa da come te l’aspettavi, vero? Dolce, effeminata.

“Non guardo più i social da 565 giorni” inizia “anche se ieri era l’anniversario della causa contro mia madre e so che... io so che lo ha fatto di nuovo. Ma sono più forte, io!”. Applauso.

Lo interrompo e gli dico “Vuoi raccontare la tua storia a Luigi?”.

Ti guarda dritto negli occhi. “Ho fatto causa a mia mamma e l’ho vinta. Quando le ho detto che ero, insomma, un maschio, lei ha iniziato a pubblicare tutte le mie foto su Facebook. Foto di quando ero, ecco, una

ясь, первое, что вы замечаете, – накачанные ботоксом губы, неестественно прямой нос, слишком ярко выраженные скулы.

– Я – Титта, – говорит она, протягивая тебе руку.

– Титта! Сиди тихо, он новичок, – говорит рыжебородый, приближаясь к малышу–брокеру.

– Я только пытаюсь быть любезной, – отвечает она.

– Любезной или «лайки» за «лайки»? – спрашиваю я.

Да, это я. Прямо перед тобой, в плоти и крови.

Ты смотришь на меня, узнаешь, открываешь рот, но сказать ничего не можешь.

– Смелее, ребята, уже шесть. Начнем нашу встречу! – я опускаюсь в кресло.

– Ок, босс, – соглашается рыжебородый.

– Увидимся позже, – шепчет тебе Титта, веселая и возбужденная.

– Луиджи, иди сюда, садись с нами. Ты не обязан говорить, даже если ты просто по-слушаешь, это поможет тебе все понять.

Выбора у тебя нет.

– Привет, – говорю я. – Я Алан.

– П-р-и-в-е-т-а-лан

– Сегодня я веду эту встречу. Андреа, как дела?

Малыш–брокер откашливается. Ну что, тембр его голоса отличается от того, что ты ожидал? Мягкий, похожий на женский.

– Вот уже пятьсот шестьдесят пять дней я не пользуюсь социальными сетями, – говорит он, – хотя вчера была годовщина дела против моей матери, и я знаю... Я знаю, что она опять взялась за свое. Но я сильнее!

Аплодисменты.

Я прерываю его и прошу: – Хочешь рассказать свою историю Луиджи?

Он смотрит тебе прямо в глаза: – Я подал в суд на свою мать и выиграл дело. Когда я сказал ей, что я мальчик, она начала выкладывать все мои фотографии на Фейсбуке. Фотографии, когда я был девочкой. Даже купание в ванночке – там все хорошо видно.

femmina. Anche le foto dei primi bagnetti, quelle in cui vedi tutto. Faceva male da morire, ma il peggio era leggere i commenti delle sue amiche – che bella bimba, è deliziosa, una principessa – e i commenti dei miei compagni e dei loro genitori. Lesbica, era meglio con le tette, i trans non sono figli di Dio...”.

Tutti applaudono. Stai applaudendo anche tu?

È il turno di Titta.

“Ciao, sono Titta e non uso più i social da 70 giorni. Ero una #influencer”. Mentre lo dice, si mangiucchia l’unghia gel, lunga come una vita passata a far finta di essere qualcun altro.

“Prada, Lamborghini... mi cercavano tutti perché ero brava a condividere sogni, non cose! Capisci? Poi, beh, quando sei al TOP ti senti come su un grattacielo, ma più sei in alto e più fa male quando ti schianti sull’asfalto. Mio marito mi ha lasciata per una con più followers, il botox non era più instacool, il silicone di queste (dice toccandosi volgarmente il seno) era fuori moda; i miei follower se ne sono andati, lasciandomi sola. 70 giorni fa è stato l’ultimo giorno che ho aperto il mio profilo e sai quanti followers avevo? DIECI. Ero diventata un account anonimo. Ma ora me ne frego, perché anche senza di loro esisto, capisci? e-s-i-s-t-o”.

Applauso.

Dimmi, sto rispondendo alla domanda che mi hai fatto due anni fa?

“Ciao sono Stefano” è barbarossa.

“Non uso la realtà aumentata da 240 giorni. Sapete cos’è successo? Ho conosciuto una ragazza e la porto a un concerto! Uno di quelli veri, che vai negli stadi e fai la fila e mangi i panini. Come si faceva anni fa! Vintage, vero?”. Questa volta sei tu a dire: “Come mai hai smesso di usare gli oculus?”.

Barbarossa sorride e dice: “Ero diventato un barbone e me l’hanno rubato. Spendevo tutti i soldi per aggiornare il sistema, per avere più posti da visi-

Мне было так плохо, но еще хуже было читать комментарии ее подруг (какая хорошенькая девочка, такая нежная, прямо принцесса) и комментарии моих одноклассников и их родителей. Лесбиянка, ей было лучше с грудью, транссексуалы – не дети Господа...

Все зааплодировали. Ты тоже аплодируешь?

Настает очередь Титты.

– Привет, меня зовут Титта, вот уже семьдесят дней я не пользуюсь социальной сетью. У меня была куча подписчиков. – Она говорит, пожевывая гелевый ноготь, длинный, как прошлая жизнь, когда она притворялась кем-то другим.

– «Прада», «Ламборгини»... все добивались меня, потому что я делилась не вещами, а мечтами! Понимаешь? А еще, когда ты популярен, чувствуешь себя, как на крыше небоскреба, но чем выше ты забираешься, тем больнее падать вниз. Муж бросил меня и ушел к той, у которой больше подписчиков, ботокс уже не в тренде, силиконовая грудь (говорит она, грубо тыча себя в грудь) вышла из моды. Подписчики ушли, бросив меня в одиночестве. Семьдесят дней назад я последний раз открывала свой профиль, и знаешь, сколько у меня было подписчиков? Десять. Я стала анонимным аккаунтом. Но сейчас мне на это наплевать, потому что я и без них существую, понимаешь? С-у-щ-е-с-т-в-у-ю.

Аплодисменты.

Скажи мне, я отвечаю на вопрос, который ты задал мне два года назад?

– Привет, я Стефано, – это рыжебородый.

– Я не захожу в другую реальность вот уже двести сорок дней. А знаете, что произошло? Я познакомился с девушкой и веду ее на концерт! Она из тех, настоящих, которые ходят на стадионы, стоят в очередях, едят бутерброды. Как много лет назад! Винтаж, верно?

На этот раз ты спрашиваешь: – Как тебе удалось прекратить пользоваться гаджетом?

Рыжебородый улыбается и отвечает: – Я стал бомжом, у меня его украли. Я тратил все деньги на обновление системы, чтобы было легче плавать, чтобы не наткаться на

tare, per non trovare il cartello «*upgrade-to-view*» o «*per chattare con questa ragazza cedi 100 followers*». Sono cose che costano care, sai?”.

No, non lo sai perché non ci sei ancora arrivato.

“Così, dicevo, a cosa mi serve una casa se con il mio oculus posso essere ovunque? Ho venduto tutto. La casa e i mobili. La macchina no perché la usavo per dormirci. Poi un giorno mi hanno rotto il vetro e mi hanno preso l’oculus e io mi sentivo di aver perso tutto. Il mio account, i miei upgrade, i miei viaggi. E una casa. E dei mobili. E un lavoro”.

Vorresti dire qualcosa, ma non sai cosa perché nel 2018 non è così. Mi sbaglio? Fine dell’incontro.

Tutti escono salutandosi in un sottofondo di “Dai che passa” e “Ce la facciamo”.

Rimaniamo soli. Lo so, hai mille domande. Chi sono? Come ho fatto a portarti lì? Come avevi quel telefono? Dov’è il tuo?

Ma mi chiedi: “Come faccio a tornare a casa?”.

“Nello stesso modo in cui sei arrivato” rispondo io.

Ti giri e vedi una scatola, una semplice sedia, una poltrona di pelle, una porta.

Ci entri oppure ti ci siedi sopra o la apri.

E ora rieccoci dove ci siamo visti per la prima volta due anni fa: al bar sotto casa tua, Milano 2018.

Sei seduto al bancone. Ricordi?

“Il suo resto”.

“Grazie”.

Neanche la guardi perché stai guardando Facebook e hai la faccia nello schermo, anche se non ti interessa quello che hai sotto gli occhi.

Poi, tra una pubblicità di un deodorante e quella di un’Audi, vedi me.

фразы типа «Требуется обновление» или «Для чата с этой девушкой уступи сто подписчиков». Знаешь, все это стоит недешево.

Нет, ты не знаешь, ты до этого еще не дошел.

– Так вот, я думал, зачем мне дом, если при помощи гаджета я окажусь, где угодно? Я продал все. Дом и мебель. Машину не продал – я в ней спал. А потом однажды мне разбили стекло и забрали гаджет, и я понял, что все потерял. Мой аккаунт, мои обновления, мои путешествия. И дом. И мебель. И работу.

Ты хотел бы что-то сказать, но не знаешь, что, потому что в 2018-м году все не так. Или я ошибаюсь?

Конец встречи.

Все прощаются, расходясь со словами «Да ладно, все будет хорошо» и «Мы справимся». Мы остаемся одни. Я знаю, что у тебя куча вопросов. Кто эти люди? Как я заставил тебя прийти сюда? Как у тебя оказался тот телефон? И где твой?

Но ты спрашиваешь: – Как мне вернуться домой?

– Так же, как ты прибыл сюда, – отвечаю я.

Ты оборачиваешься и видишь коробку, обыкновенный стул, кожаное кресло, дверь.

Ты залезаешь туда, садишься на него/в него, открываешь ее.

И вот мы там, где впервые увиделись с тобой два года назад: в баре, который расположен в твоём доме, Милан, 2018-й год.

Ты присел у барной стойки. Помнишь?

– Ваша сдача.

– Спасибо.

Но ты даже не смотришь, ты погружен в Фейсбук, вглядываешься в экран и тебя не интересует то, что у тебя перед носом.

Потом, между рекламой дезодоранта и «ауди», ты видишь меня.

Точнее, мою фотографию.

Выгляжу я, как надо. Руки скрещены на груди, улыбка, серая распахнутая толстовка,

O meglio, la mia foto.

Sono un tipo a posto, tutto sommato. Braccia incrociate, sorrido, felpa grigia aperta, maglia bianca anonima, jeans da tutti i giorni. Di fianco a me una scritta verde grossa: “Vuoi sapere come sarà il tuo futuro? Scarica ora!”.

La App ha 4 stelline su 5, commenti positivi. “Ma sì, perché no” pensi “facciamoci due risate”.

Apri l'applicazione e crei il tuo account perché, come dice la frase “solo così possiamo rendere la tua esperienza *immersiva e indimenticabile*”.

Allora ti geo-localizzi, mi dici come ti chiami, in che città abiti e carichi la tua foto. Ne metti una a caso, si intravede Giulia dietro di te.

E, infine, clicchi sul pulsante «*come sarà il mio futuro?*».

Adesso è tutto nelle mie mani.

белая майка, обычные джинсы. Сбоку от меня огромная зеленая надпись: «Хочешь узнать свое будущее? Загрузи приложение!»

На страничке отзывов четыре звездочки из пяти, комментарии положительные. «Почему бы и нет, – думаешь ты, – поржем. Открываешь приложение и создаешь свой аккаунт, потому что, как написано, только так твой опыт станет глубоким и незабываемым. Ты определяешь свое местонахождение, сообщая мне свое имя, в каком городе ты живешь и загружаешь фото. Первое попавшееся, у тебя за спиной видна Джулия. И, наконец, нажимаешь на вопрос: «Что ждет меня в будущем?»

Теперь все в моих руках.

Nota critica

A.A. Account Anonimi è un racconto che denuncia l'oppressione e lo sfruttamento dei viventi all'interno di un regime tecnologico che tutto riduce a una falsa realtà: quella dei *social network*. La nostra società ha espunto da sé ogni traccia di vitalità, ha ridotto la natura e i viventi a macchine deterministiche, costituite da mera materia inerte, a disposizione dell'arbitrio manipolatorio dei grandi gruppi economici multinazionali.

Da esseri viventi e "animati", stiamo diventando macchine passive tra le macchine. I *social*, le *app*, le *chat*, i *post*, i *like*, i *link*, i *followers*... sottraggono ogni spazio alla responsabilità delle persone, oltre che togliere il respiro alla loro libertà. Quello dei *social media* si sta configurando come un dominio violento, ci segnala con disincanto Marta Vitale, un dominio sistematico, organizzato e addomesticante.

L'ibridazione tra reale e virtuale è ormai prassi consolidata. Viviamo in una dimensione ambigua, una commistione tra reale e finzione. La corsa verso una realtà che niente ha più a che fare con l'umano appare irrefrenabile.

Va dunque incoraggiato un pensiero che denunci questo dominio e in pari tempo che sappia guardare oltre. È necessario pensare a nuove identità che ci permettano di vivere consapevolmente i grandi cambiamenti epocali, comprendendone le irresistibili trasformazioni, per poterle controllare e così evitare il rischio – non conoscendole – di esserne annientati.

Marta Vitale invita proprio a questa presa di coscienza. Invita a non accontentarci di quanto appare sul *display* del nostro *smartphone*. Suggerisce di "sollevare la faccia dallo schermo" e di compiere un salto liberatorio dalla solitudine dell'*io* alla socialità del *noi*.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«А.А. Анонимный Аккаунт» – история, описывающая угнетенное и подавленное состояние людей, живущих при технологическом режиме, который сводит все к ложной реальности – реальности социальных сетей. Наше общество выкинуло все живое, свело природу и живых существ к машинам, которые состоят из инертной материи и которыми манипулируют крупные многонациональные экономические группы.

Из живых одушевленных существ мы превращаемся в пассивные машины, живущие среди машин. Социальные сети, приложения, чаты, посты, лайки, линки, подписчики... Они полностью лишают людей ответственности, а заодно и свободы. Марта Витале с горечью рассказывает о том, как социальные сети все больше утверждают свою власть – систематически, организованно, приручая нас, как дрессировщики.

Сегодня смешение реального и виртуального в порядке вещей. Мы живем в нечетком измерении, где перепутаны реальность и вымысел. Тяга к реальности, которая не имеет ничего общего с самим человеком, кажется неудержимой.

Поэтому нужно поощрять тех, кто заявляет об этой проблеме и одновременно идет дальше. Нужно думать о новых реалиях, которые позволяют нам осознанно переживать великие эпохальные изменения, понимать неизбежные преобразования, чтобы иметь возможность контролировать их и тем самым избежать риска быть ими уничтоженными по незнанию.

Марта Витале призывает нас вести себя осознанно. Не довольствоваться только тем, что появляется на дисплее смартфона. Она просит нас «оторвать глаза от экрана» и сделать шаг к свободе, расставшись с одиночеством «я», чтобы стать частью «мы».

Флавио Эрмини

Biografia

Marta Vitale è nata nel 1989. Risiede a Voghera (PV). È una copywriter che scrive per la pubblicità da cinque anni e scrive per passione da ventuno.

Ha riempito il suo bagaglio culturale con racconti brevi, articoli sarcastici, script per spot TV e post di Facebook. Se dovesse paragonarsi a una protagonista di un libro, risponderebbe senza esitare “Jo March” di *Piccole donne*. Ribelle, creativa, indipendente. Immaginatela così, nella sua soffitta alla ricerca delle giuste parole per interpretare aspetti della natura umana. Per lavoro e per passione.

Биография

Марта Витале родилась в 1989 году. Живет в Вогере, неподалеку от Павии. Копирайтер, пять лет сочиняет рекламу, двадцать один год пишет для души.

Сформировалась, читая рассказы, саркастические статьи, сценарии для рекламных роликов и посты на Фейсбуке. Спроси ее, на кого из героев книг она похожа, она бы назвала Джо Марч из «Маленьких женщин». Непокорная, независимая, творческая. Вообразите, как она сидит у себя в мансарде и подбирает слова, чтобы описать все богатство человеческой природы. Это ее работа и ее страсть.

Giuseppe Zarrella

Traduzione in russo di Julija Gimatova

Джузеппе Дзаррелла

Перевод на русский язык Юлии Гиматовой

LIBERA

In paese mi chiamano pazza, demente, balenga, mentecatta, psicopatica. Non so perché. Esco da casa il minimo indispensabile. Non ho voglia di incontrare i soliti imbecilli che si divertono a offendermi. Ormai nessuno più mi chiama con il nome mio. Ogni tanto anch'io me lo dimentico. Quando questo accade, apro il primo cassetto del comodino e cerco la carta d'identità che mi feci appena compiuti i diciotto anni. Faccio un ripasso. Mi basta leggere di nuovo il mio nome, il mio cognome, dove sono nata e dove vivo per farmi ricordare chi sono, per cacciare via quei pensieri brutti che ogni tanto mi vengono a trovare. Una volta letti tutti i dati sulla carta d'identità, mi siedo sulla punta del letto, chiudo per un attimo gli occhi e viaggio. Viaggio per qualche minuto con la mente immaginando di partecipare a qualche trasmissione in tv. "Buonasera a tutti. Sono Alfonsina Celentano. Ho trentadue anni e vengo da Cetara, un piccolo paese della costiera amalfitana in provincia di Salerno". Proprio mentre mi stavo presentando al pubblico, Nero, uno dei miei quattro gatti, mi salta sulle ginocchia ricordandomi che è ora della pappa. Oltre ai quattro gatti, uno nero, uno bianco e due rossicci, ho anche tre cani. Tutti meticci. Non mi piace chiamarli bastardi. Gli unici bastardi sono queglii stronzi che li hanno abbandonati sul ciglio della strada o che li hanno investiti con i loro macchinoni di lusso e non li hanno soccorsi. Mi reco nei pressi di una cabina dell'Enel, dove sono accuratamente riposti alcuni avanzi di cibo, raggruppati in pratici contenitori di plastica lasciati lì dai vicini. Io ogni giorno li raccolgo per distribuirli ai cani e ai gatti della zona. Mi occupo di loro. Li nutro. Li lavo. Gli voglio bene.

I ragionamenti che mi faccio molto spesso con i gatti non fanno una piega. E loro, a pancia piena, dicono sempre di sì. Tranquillamente. Loro. Io un poco di meno. Il ragionamento che mi piace di più è questo: il genere umano fa schifo. Alfonsina fa parte del genere umano. Alfonsina fa schifo. Come darmi torto? Non mi trucco dal ballo del quinto anno di scuola delle superiori. Ho borse nero pece sotto gli occhi che ogni giorno diventano più estese. Il parucchiere non so cosa sia. I capelli nero corvino stepposi e secchi sono raccolti in un vecchio

Я СВОБОДНА

В деревушке, откуда я родом, меня называют безумной, умалишенной, ненормальной, полоумной, чокнутой. Я не знаю, почему. Я выхожу из дома как можно реже. Абсолютно не желаю видеть этих идиотов, которые получают удовольствие, оскорбляя меня. Никто не обращается ко мне по имени. Порой я сама забываю его. Когда это происходит, я открываю верхний ящик комода и достаю паспорт, который мне выдали в восемнадцать лет. Беглым взглядом пробегаю по строчкам. Достаточно снова прочитать свое имя, фамилию, место рождения и проживания, чтобы вспомнить, кто я. Чтобы прогнать ужасные мысли, которые иногда меня посещают. Прочитав данные в паспорте, я сажусь на край кровати, закрываю на мгновение глаза, и мысли уносят меня куда-то далеко. На пару минут я переносюсь в эфир телепередачи: «Добрый вечер всем. Меня зовут Альфонсина Челентано. Мне 32 года, и я живу в Четаре, крошечной деревушке на амальфитанском побережье в провинции Салерно». Пока я мысленно здороваюсь со зрителями, Неро, один из моих четырех котов, запрыгивает ко мне на колени, напоминая, что его пора покормить. Кроме четырех котов (черного, белого и двух рыжих) у меня три собаки. Три дворняги. Мне не нравится называть их беспородными. Беспородными, выродками я считаю тех уродов, которые выбросили их на обочину, переехали на своих дорогих автомобилях и оставили умирать. Я иду к трансформаторной будке. Там в пластиковых контейнерах лежат остатки еды, аккуратно сложенные соседями. Ежедневно я беру их и отправляюсь на поиски местных собак и кошек. Я забочусь о них. Кормлю. Купаю. Люблю.

Мысли, которыми я часто делюсь с котами, абсолютно логичны. Коты же, наевшись до отвала, всегда со мной соглашаются. Они не возражают. Но это они. Я же не настолько уверена. Мне особенно нравится одна мысль: человечество отвратительно. Альфонсина – человек. Альфонсина отвратительна. Кто меня упрекнет? В последний раз я красилась в пятом классе старшей школы, на дискотеку. Теперь у меня темные, словно

cerchietto rosa. Ho qualche chilo in più sparso qua e là per il corpo. Abiti non proprio alla moda. Pelle secca e consumata dal tempo. Questo fa di me una donna sola. Per scelta mia o per scelta degli altri. Chi lo sa. Essere sola vuol dire aver qualcosa da dire, ma non poterlo raccontare a nessuno.

Oggi il mio paese è in festa. Esco di casa presto per accudire i miei amici, per evitare di fare incontri che non mi fanno piacere. Appena uscita dalla mia stanza a pian terreno, mi accorgo che qualcuno durante la notte ha lasciato un suo ricordino con la vernice spray blu. Un cazzo enorme, disegnato benissimo, ricopre per metà la mia porta di casa. Come tutti gli anni, ormai dalla notte dei tempi, qui a Cetara il 29 Giugno è una festa particolare: la festa di san Pietro e Paolo. La banda che suona, i panini con le alici, la puzza di fritto del cuoppo,¹ il sindaco che fa i saluti e i caramellai che vendono lo zucchero filato con le dita appiccicaticce. Arrivano da tutte le parti per vedere a mezzanotte i fuochi a mare.

Dopo aver portato il pranzo ai miei amici a quattro zampe, rientro a casa con il mio compagno fedele Nero. L'unico che lascio entrare in casa. Gli altri cani e gatti li lascio nell'atrio. Passa la banda del paese. Suoni di trombe, trombette, tamburi e piatti entrano furtivamente dalle finestre semiaperte delle case in festa. La gente ride, applaude e mangia avidamente mentre suona la musica. Il direttore d'orchestra porta il ritmo e trascina i suonatori. Se ne vanno suonando verso la spiaggia. Io e Nero ci scrutiamo con lo sguardo complice. I suoi occhi di cristallo sembrano leggere nella mia mente. Solo lui sa quello che provo; solo lui sa quello che la festa qui in paese mi ricorda e mi risveglia ogni volta che ormai da oltre quindici anni sentiamo questa musica assordante. Lame di coltello affilatissime mi trafiggono la schiena, il cuore e la mente. Era il 29 giugno di quindici anni fa. Mi stavo preparando per andare in paese a festeggiare il santo. Dovevamo andare ad ascoltare la messa di San Pietro

¹ *Cuoppo*: cartoccio di carta a forma di imbuto utilizzato per la consumazione di cibo da strada prevalentemente nel meridione d'Italia che contiene i fritti tipici napoletani, ossia crocchette, supplì, pasta cresciuta e frittatina di pasta o frittura di mare, ossia alici, calamari e triglie.

уголь, круги под глазами. С каждым днем они становятся все больше. Я не знаю, кто такой парикмахер. Черные волосы, сухие и спутанные, собраны под старый розовый ободок. Во мне несколько лишних килограммов. Старомодная одежда. Сухая, потрепанная временем кожа. Вот почему я одинока. По своей воле или по воле других. Я не знаю. Когда ты один, это значит, что тебе есть что сказать, но не с кем этим поделиться. Сегодня у нас в деревне праздник. Я уйду, чтобы позаботиться о своих единственных друзьях и заодно избежать неприятных встреч. Выходя из квартиры, замечаю, что ночью кто-то оставил мне подарок. Огромный член на полдвери, нарисованный синей краской. Прекрасная работа. Как и всегда, с незапамятных времен здесь, в Четаре, 29 июня – особый день: праздник в честь святых Петра и Павла. Играет оркестр, продаются панини с анчоусами, повсюду пахнет куоппо¹. Мэр поздравляет жителей города, в кондитерских продают сладкую вату, от которой пальцы моментально становятся липкими. Люди съезжаются отовсюду, чтобы в полночь полюбоваться фейерверком над морем. Покормив четвероногих друзей, я возвращаюсь домой с верным приятелем Неро. Он единственный, кому позволено заходить в дом. Остальные собаки и коты живут во дворе. Мимо дома шествует местный оркестр. Звуки больших и маленьких труб, барабанов и тарелок проникают в полуоткрытые окна домов. Люди смеются, аплодируют и жадно едят под музыку. Дирижер оркестра задает ритм и ведет за собой музыкантов. Они движутся в сторону пляжа. Мы с Неро обмениваемся взглядами. Его кристально чистые глаза словно читают мои мысли. Только он знает о моих чувствах. Только он знает, какие воспоминания рождает этот праздник, эта оглушительная музыка. Острый как бритва нож вонзается мне в спину, сердце и душу. Все произошло 29 июня пятнадцать лет назад. Я собиралась пойти на праздник. Мы хотели сходить в церковь на мессу в честь святых Петра и Павла, а затем присоединиться к праздничной процессии. Мама

¹ Куоппо – неаполитанский стрит-фуд, жареные во фритюре разнообразные продукты, которые едят на ходу (примеч. ред.).

e Paolo e poi prendere parte alla processione. Mia madre sfilettava le alici pescate da papà all'alba. Nero, era un gattino appena nato. Piccolo, invisibile, un ciciniello.² Una palla di pelo che mi seguiva in ogni movimento. Era diventato la mia ombra. Sento la voce di papà che mi chiama. È seduto sul divano. Mi fa sedere anche a me. C'è una bottiglia mezza vuota di vino appoggiata a fianco del tavolino. Ha lasciato un cerchio viola sul pavimento pulito. Sento sbattere la porta. Mentre fisso la macchia viola lasciata dal vino sul pavimento, papà si è alzato all'improvviso e ha chiuso la porta. Tiene una canottiera bianca con una macchia di sugo di pomodoro all'altezza del petto. Un ciuffo di peli neri cerca di uscire dalla canottiera sudata. Nero intanto lecca la macchia di vino sul pavimento. Io non capisco. "Tu lo vuoi bene a papà?". "Certo che ti voglio bene papà". "E dai Alfonsina, fai vedere a papà quanto lo vuoi bene. Dammi un bacio!". Mi avvicino e gli do un bacetto sulla guancia. Lui sposta la testa e il bacio arriva sulla bocca. "Papà ma sei scemo?". Sorride. "Alfonsina, ma tu non senti caldo?". "No, non ho caldo. Papà mi aspettano le amiche, me ne devo andare". "No, stai un po' con papà. Te ne vai sempre, ma dove vai? Non è che tieni il fidanzatino?".

Mi avvicino alla porta per andare via. Con uno scatto da gatto mio padre fa sbattere la porta. Nero vede tutto. E non capisce. Ma tiene paura. Manco io capisco. E ho paura. Molta. Mi prende per il polso e mi sbatte sul divano. La canottiera di quello che fino a qualche momento fa era mio padre sta immobile sul pavimento. Pure io resto immobile. Sul divano. Spogliata. Spogliata del vestitino mio. E della mia dignità. Fuori, sento passare la banda. Nero è rimasto a guardare. È immobile come uno scoglio. Chiamo a voce bassa "Mamma, Mamma, dove sei?", ma la voce non esce fuori. Rimane strozzata, tra la gola e il palato. La mano di lui, tosta e piena di calli, mi accarezza il corpo. Non sono le solite carezze. Sono carezze strane. Ho lui addosso. Mi fa male. "Mamma, Mamma, dove sei?". Mi sembra la scena di uno di quei film che in estate fanno in seconda serata. Quando c'è qualche scena un po' più spinta, papà cambiava subito canale o mi copriva gli occhi con la mano. La stessa mano che ora mi sta fa-

² *Ciciniello*: nome napoletano del pesce bianchetto.

разделявала анчоусы, выловленные папой на рассвете. Неро тогда был крошечным котенком. Маленький, незаметный – словом, чичиньелло². Этот комочек шерсти не отставал от меня ни на минуту. Он стал моей тенью. Я слышу, как меня зовет папа. Он сидит на диване. Просит присесть рядом. Я замечаю полупустую бутылку вина. От нее на свежeweымытом полу осталось бордовое пятно. Я слышу, как захлопнулась входная дверь. Пока я разглядываю пятно от вина, папа внезапно встает и закрывает дверь в комнату. На нем белая майка со следами пота и томатного соуса в районе груди. Из-под нее выбиваются черные волосы. Тем временем Неро облизывает пятно от вина. Я не понимаю, что происходит. «Альфонсина, ты любишь папу?» «Конечно, люблю». «Ну же, покажи папе, как ты его любишь. Поцелуй меня!» Я подхожу к нему и целую в щеку. В этот момент он наклоняет голову, и поцелуй приходится прямо в губы. «Папа, ты сошел с ума?» Он улыбается. «Альфонсина, разве тебе не жарко?» «Нет, не жарко. Меня ждут подруги, я должна идти». «Нет, побудь немного с папой. Ты всегда убегаешь, но куда? У тебя появился мальчик?»

Я хочу уйти и иду к двери. Одним кошачьим прыжком отец оказывается рядом и преграждает мне путь. Неро все видит. Он не понимает, что происходит. И боится. Я тоже не понимаю. И боюсь. Очень боюсь. Он хватает меня за руку и швыряет на диван. Майка того, кто до этого момента был моим отцом, остается неподвижно лежать на полу. Я тоже не шевелюсь. На диване. Раздетая. Без платья. И без достоинства. Я слышу, как по улице движется оркестр. Неро смотрит на меня. Он словно превратился в камень. Я пытаюсь закричать «Мама, мама, где ты?», но у меня ничего не выходит. Слова комом застревают где-то в горле. Его рука, сильная и мозолистая, ласкает мое тело. Но это другая ласка. Странная ласка. Он наваливается на меня. Мне становится плохо. «Мама, мама, где ты?» Все происходящее кажется сценой из фильмов, которые летом показывают поздно ночью. Каждый раз, когда начиналась откровенная сцена, папа сразу же пе-

² Малыш (неапол.) (примеч. ред.).

cendo male. Lo sguardo mio perduto nel vuoto viene ritrovato da Nero. Rimasto lì. Fermo. Immobile a farmi compagnia. Non mi ha lasciato sola nemmeno per un attimo. Il respiro di lui si fa sempre più affannoso. Mi sento soffiare sul collo l'alito viola. Sempre di più. Sempre di più. Sempre di più. La banda la sento sempre più vicina. Sento le signore che applaudono. I musicisti ora stanno passando proprio davanti alla mia porta di casa. "Mamma, Mamma, dove sei?". Ora la voce esce. Un filo. Ma nessuno mi sente. Mamma deve esser andata a lanciare i petali ai santi. Il cuore di papà batte talmente forte che sembra uscire dal torace. Lo sento battere. Sempre di più. Sempre di più. Sempre di più. Il caldo gli fa piangere sudore sulla fronte. Il suono dei tamburi della banda mi pare che sfonda la porta.

Piano piano, l'affanno di prima si calma. Tutto torna normale. Ma mi pare di essere caduta malata. Silenzio. Il silenzio mi fa un tuono dentro. Finisce con l'applauso della gente della processione. Sono una barca sballottata dalle onde da una parte all'altra. Un aquilone lasciato in cielo a volare in una tempesta di vento. Ancora con le braghe abbassate, mio padre si alza e si dirige verso il bagno. Con aria infastidita mi dice: "Vestiti". Nero si avvicina a me come se volesse dirmi: "Non ti preoccupare, non è successo niente, ci sono qui io con te". Io resto nuda e sporca sul divano ancora per qualche secondo. Perché un padre? Un padre!

Mentre rivedo con la mia mente il momento più brutto della vita mia, vengo disturbata dalla dolce musica del carretto dello zucchero a velo che si è messo proprio davanti alla finestra di casa mia. Mi sveglio di botto e ritorno alla realtà. Non ne posso più. Non ce la faccio più. Non posso sopravvivere in questo modo. Ogni anno da quindici anni rivivo lo stesso strazio. Risento quell'alito viola affannoso sul collo, quelle mani ruvide e callose, quella parola "Vestiti" che buca ogni volta la mia mente come un chiodo arrugginito. Non si può più continuare così. La tristezza mi sta divorando. La solitudine mi sta succhiando. Reagire. Ora. Subito. Adesso. Vado in cucina. Apro il primo cassetto della credenza. Sposto le forchette e i cucchiari disordinatamente custoditi e prendo un coltello. Quello con il manico grosso in legno e la lama doppia che serviva a mio padre per tagliare il pesce spada. Non l'ho mai utilizzato. È lì fermo a riposare da quindici anni. Sapevo che un giorno mi sarebbe servito. Mi siedo sul divano. Sì. Proprio lì. Su quel divano dove sono stata uccisa quindici anni fa. Aspetto con il coltello

реключал канал или закрывал мне глаза рукой. Теперь этой же рукой он причиняет мне боль. Мой потерянный в пустоте взгляд ловит Неро. Он сидит на том же месте. Словно изваяние. Мой молчаливый компаньон. Он ни на секунду не оставлял меня. Отец дышит учащенно и тяжело. Я чувствую его дыхание у себя на шее, оно меня убивает. Все сильнее. Сильнее. Сильнее. Оркестр совсем рядом. Раздаются аплодисменты. Музыканты проходят как раз под окнами дома. «Мама, мама, где ты?» На этот раз мой голос прорезался. Практически шепот. Меня никто не слышит. Наверное, мама ушла на праздник, бросать лепестки цветов в честь святых. Сердце папы бьется так сильно, что вот-вот вырвется из груди. Я слышу его биение. Все сильнее. Сильнее. Сильнее. В комнате жарко, и по его лбу струится пот. Кажется, звуки оркестровых барабанов вот-вот выбьют дверь. Постепенно его дыхание успокаивается. Все возвращается на свои места. Но мне очень плохо. Тишина. Тишина грохотом раздается где-то внутри меня. Все заканчивается аплодисментами празднующих жителей. Я – лодка, которую волны швыряют из стороны в сторону. Воздушный змей, вырванный из рук сильным ветром. Отец, со спущенными штанами, встает и идет в ванную. Раздраженно бросает мне: «Одевайся!» Неро подходит, словно желая сказать: «Не переживай, ничего не произошло, я всегда с тобой». Несколько секунд я остаюсь лежать на диване, голая и униженная. Почему отец? Отец! Прямо под окнами моего дома проезжает повозка с сахарной ватой. Веселая музыка выдергивает меня из воспоминаний о худшем моменте в жизни. Я резко прихожу в себя и возвращаюсь в реальность. Я так больше не могу. Это невыносимо. Так жить нельзя. Каждый год, начиная с пятнадцати лет, я переживаю одну и ту же пытку. Чувствую его тягостное дыхание на шее, грубые и мозолистые руки. Слово «Одевайся» каждый раз вонзается в мою душу, словно ржавый гвоздь. Так продолжаться не может. Отчаяние поглощает меня. Одиночество разъедает меня изнутри. Нужно что-то делать. Сегодня. Немедленно. Сейчас же. Я иду на кухню. Открываю верхний ящик шкафа. Перебираю разбросанные в беспорядке вилки и ложки и достаю нож. Тот самый, с массивной деревянной рукояткой и двумя лезвиями, которым отец разделявал рыбу-меч. Я никогда не пользовалась этим ножом. Он ждал меня пятнадцать лет. Я знала, что рано или

tra le mani. Se potessi, oggi ucciderei mio padre. Ma ci ha già pensato Dio qualche anno fa. Ucciso dalla cirrosi epatica. Ferma, immobile, lucido il coltello e aspetto. Aspetto. Nero mi salta sulle ginocchia ricordandomi che deve mangiare. Continuo a lucidare il coltello. Nero si avvicina facendomi le fusa, si struscia lungo la gamba per ottenere quello che si aspetta. Poso il coltello sul tavolino di fronte al divano. Vado un'altra volta in cucina e prendo una scatola di mangiare per gatti. Una di quelle prelibate, una di quelle per le grandi occasioni. La poso sul pavimento vicino al divano, proprio allo stesso posto dove si formò quella schifosa macchia viola di vino. Nero si catapultava sul suo pranzo. Prima di papparsi il primo boccone mi fissa con quei suoi occhi di cristallo come se volesse ringraziarmi. Ecco. Ora è il momento giusto. Se non ora, quando? Riprendo il coltello e proprio mentre Nero sta per finire il suo spuntino gli sferro contro un colpo netto al collo. Un colpo secco. Diritto alla gola che mi fa sporcare i piedi del divano di un rosso acceso, vivo, vivissimo. Gli occhi spalancati senza vita mi fissano. Lo stesso sguardo perso nel vuoto e smarrito che tenevo io, quel giorno. Una pozza di sangue purificatrice ricopre quell'orlo di bottiglia viola che per tanti anni non sono riuscita a cancellare. Ho utilizzato di tutto, candeggina, detersivo e solventi di tutti i tipi. Ma restava lì, anche se lo cancellavo. Ora non c'è più. È tutto finito. Raccolgo quello che rimane di Nero e lo getto in una busta dell'immondizia. Vado in bagno. Metto del rossetto color carne che avevo avuto in omaggio al supermercato. Mi faccio uno shampoo. Mi pettino i capelli. Metto un po' di crema idratante sul viso mangiato dalle rughe. Indosso un vestito giallo con riflessi bianchi. Solare e luminosissimo. Prendo il barattolo di candeggina e la verso come capita sul pavimento per far togliere la macchia di sangue lasciata da Nero. Raccolgo le chiavi di casa. Un'occhiata allo specchio. Non lo facevo da tempo. Mi piaccio. Mi lascio la porta alle spalle. La processione si dirige verso il mare. Non voglio perdermi i fuochi d'artificio. C'è da festeggiare san Pietro e san Paolo. C'è da festeggiare. Non so che cosa, ma c'è da festeggiare. Libera.

поздно он мне понадобится. Я сажусь на диван. Да. Прямо на диван. На тот диван, на котором меня убили пятнадцать лет назад. Сжимаю нож между ладонями и жду. Если бы я могла, я бы убила отца сегодня. Но Бог уже обо всем позаботился несколько лет назад. Смерть от цирроза печени. Я сижу спокойно и неподвижно, протираю нож и жду. Жду. Неро запрыгивает ко мне на колени, напоминая о том, что его пора кормить. Я продолжаю натирать нож. Неро приближается к моему лицу, мурлыча. Трется о ногу, выпрашивая желаемое. Я кладу нож на столик рядом с диваном. Снова иду на кухню и беру банку с кошачьим кормом. Дорогим кормом, кормом для особых случаев. Ставлю банку на пол на то самое место, где осталось мерзкое бордовое пятно от вина. Неро одним прыжком оказывается у банки. Прежде чем приступить к еде, он окидывает меня взглядом кристально чистых глаз, словно желая поблагодарить. Вот. Подходящий момент настал. Если не сейчас, то когда? Я беру нож, и когда Неро почти закончил есть, четким движением вонзаю нож ему в шею. Резкий удар. Я попадаю в глотку, на ножки дивана брызгает алая жидкость, живая, такая живая. На меня смотрят широко открытые, безжизненные глаза. Когда-то и у меня был такой же потерянный взгляд. Лужа искупительной крови покрывает пятно от бутылки с вином, которое долгие годы мне не удавалось стереть. Я перепробовала все – отбеливатели, моющие средства, растворители. Но несмотря на мои старания, пятно не исчезало. Теперь его нет. Все кончено. Я собираю то, что осталось от Неро, и складываю в мусорный пакет. Иду в ванную. Крашу губы ярко-красной помадой, которую мне подарили в супермаркете по акции. Мою голову. Расчесываю волосы. Наношу немного увлажняющего крема на покрытое морщинами лицо. Надеваю желтое платье, которое на свету отливает белым. Удивительно яркое и жизнерадостное. Достая бутылку отбеливателя и как попало лью его на пол, чтобы смыть кровь Неро. Беру ключи от дома. Взгляд в зеркало. Как же давно я не смотрела на себя. Мне нравится мое отражение. Закрываю дверь. Праздничная процессия движется в сторону моря. Я не хочу пропустить фейерверк. Нужно праздновать день святых Петра и Павла. Нужно праздновать. Я не знаю, что именно, но нужно праздновать. Я свободна.

Nota critica

Libera è un monologo. Mette in scena una verità angosciosa, inconfessabile: la violenza di un padre sulla figlia adolescente. Da quel drammatico evento sono trascorsi quindici anni, ma i segni del dolore sono ancora con durezza impressi sul corpo della giovane.

La voce della protagonista è limpida, chiara nella sua lucidità: “In paese mi chiamano pazza, demente, balenga, mentecatta, psicopatica”. Nessuno conosce il suo dramma, se non il suo gattino di nome Nero, l’unico essere vivente ad aver assistito al dramma. L’animale assurge a simbolo disperato della rovina e della desolazione che l’intelletto della giovane subisce. Quindici anni sono trascorsi da quel giorno. Anni vissuti in solitudine e nella più cupa disperazione.

Ma c’è un momento in cui la coscienza prende il sopravvento: “Mi sveglio di botto e ritorno alla realtà. Non ne posso più. Non ce la faccio più. Non posso sopravvivere in questo modo”. Sarà l’uccisione di Nero – un vero e proprio sacrificio – a interrompere simbolicamente quella lunga catena di anni trascorsi nella più oscura disperazione.

In *Libera* ci sono momenti d’insostenibile tensione tragica che si alternano a pause di struggente commozione. Il sacrificio di Nero consente alla protagonista di riprendere il cammino di una vita nella quale non c’era più spazio né per le attese né per la fiducia nel mondo.

La voce che dà vita a questo monologo ritrova il sorriso perduto dopo molti anni di disperazione, ma quante altre voci restano spezzate? Sono voci, certifica Giuseppe Zarrella, che pongono una questione: è proprio così difficile dare una mano a chi sta annegando nell’angoscia, nel deserto della speranza?

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«Я свободна» – это монолог. В нем читателю открывается мучительная и позорная правда: надругательство отца над юной дочерью. С того трагического дня прошло пятнадцать лет, но огромная боль девушки до сих пор дает о себе знать.

Голос главной героини чист и ясен: «В деревушке, откуда я родом, меня зовут безумной, умалишенной, ненормальной, полоумной, чокнутой». Никто не знает о ее драме, кроме кота по имени Неро, единственного живого существа, ставшего свидетелем того события. Животное символизирует гибель и боль, которую испытывает девушка. С того дня прошло пятнадцать лет. Пятнадцать лет, прожитых в одиночестве и глухом отчаянии.

Но в какой-то момент сознание берет верх: «Я резко прихожу в себя и возвращаюсь в реальность. Я так больше не могу. Это невыносимо. Так жить нельзя». Героиня убивает Неро. Жертвоприношение символически прерывает долгую череду лет, проведенных в отчаянии.

В рассказе «Я свободна» есть моменты невыносимого трагичного напряжения, которые чередуются с моментами мучительного потрясения. Жертвоприношение Неро позволяет главной героине вернуться к жизни, в которой не было места надежде и вере в человечество.

К героине этого монолога возвращается улыбка, потерянная после многих лет отчаяния. Но сколько жизней остаются разрушенными? Жизни этих людей, уверяет Джузеппе Дзаррелла, заставляют задуматься: действительно ли сложно протянуть руку тому, кто тонет в отчаянии в пустыне надежды?

Флавио Эрмини

Biografia

Giuseppe Zarrella è nato a Salerno nel 1986. Risiede a Cava de' Tirreni. Avvocato penalista ed esperto in diritto dell'immigrazione ha conseguito la laurea in giurisprudenza nell'ottobre 2011 discutendo una tesi in diritto pubblico dal titolo "Immigrazione e Costituzione". Nel 2014 ha conseguito la Laurea Magistrale in Scienze Politiche discutendo una tesi in diritti umani dal titolo "Bartolomè de las casas: padre dei diritti umani?". Nell'aprile 2015 ha conseguito un Master di II Livello in Criminologia e Politiche di sicurezza discutendo una tesi dal titolo "Comunità rom e politiche di sicurezza".

È autore della raccolta di racconti *Avanzi: storie straordinarie di ordinario disagio* (2014) e del romanzo *Sottopelle* (2017). Ha ottenuto importanti riconoscimenti in numerosi premi di narrativa e di poesia.

Биография

Джузеппе Дзаррелла родился в Салерно в 1986 году. В настоящее время живет в Кава-де-Тиррени. Адвокат по уголовным делам, эксперт по правам иммигрантов. В октябре 2011 года окончил юридический факультет, защитив дипломную работу по теме «Иммиграция и конституция». В 2014 году получил степень магистра политических наук. Его выпускная работа называлась «Бартоломе де Лас Касас: отец прав человека?» В апреле 2015 года получил степень мастера второго уровня в области криминологии и политики безопасности, защитив дипломную работу под названием «Сообщество цыган и политика безопасности».

Автор сборника рассказов «Отбросы: удивительные истории об обыкновенных трудностях» (2014) и романа «Под кожей» (2017). Как прозаик и поэт удостоен ряда литературных премий.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Юлия Галатенко	Julija Galatenko
Юлия Гиматова	Julija Gimatova
Екатерина Спирова	Ekaterina Spirova
Анна Тигай	Anna Tigaj
Мария Титиевская	Marija Titievskaja

Юлия Галатенко – к. ф. н., преподаватель итальянского языка, доцент, заведующая секцией итальянского языка департамента иностранных языков НИУ–ВШЭ, литературовед, переводчик. Автор более пятидесяти научных работ. В 2004 г. с отличием окончила филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, в 2007 г. защитила диссертацию на тему «Эволюция музыкальности итальянской поэзии: от Дж. Марино до П. Метастазии».

Область научных интересов – современная итальянская литература, женская литература Италии, поэзия XVII–XVIII вв.

Перевела книгу А.М. Рипеллино «Магическая Прага», автобиографию Софии Лорен «Вчера. Сегодня. Завтра», автобиографию Роберто Кавалли.

Автор многочисленных научных публикаций.

Julija Galatenko – k. f. n., insegnante di lingua italiana, docente, direttrice della sezione di lingua italiana del dipartimento di lingue straniere NIU-VŠÈ, studiosa di letteratura, traduttrice. Autrice di oltre cinquanta lavori scientifici. Nel 2004 ha terminato con lode la facoltà di filologia del MGU “M.V. Lomonosov”, nel 2007 ha sostenuto la tesi di dottorato sul tema “L’evoluzione della musicalità della poesia italiana: da G. Marino a P. Metastasio”.

Campo degli interessi scientifici: la letteratura italiana contemporanea, la letteratura femminile italiana, la poesia dei secoli XVII-XVIII.

Ha tradotto il libro di A.M. Ripellino *Praga magica*, l’autobiografia di Sophia Loren *Ieri. Oggi. Domani*, l’autobiografia di Roberto Cavalli.

Autrice di numerose pubblicazioni scientifiche.

Юлия Гиматова родилась в Саратове. В 2015 г. окончила Саратовский социально-экономический институт РЭУ имени Г.В. Плеханова, направление «финансы и кредит». Победитель конкурса UniCredit & Universities International Internship Program в 2015 г. Сотрудничает с издательствами «Манн, Иванов и Фербер» и «Питер», для которых переводит с английского и итальянского языков книги по бизнесу, менеджменту, саморазвитию, психологии, творчеству, а также детскую литературу. С 2016 г. сотрудничает с итальянской некоммерческой ассоциацией «Giovani nel mondo», помогает организовать международный молодежный фестиваль Rome International Careers Festival.

Julija Gimatova è nata a Saratov. Nel 2015 ha terminato l'istituto socio-economico del RÈU "G.V. Plechanov" a Saratov, indirizzo "finanza e credito". Vincitrice nel 2015 del concorso UniCredit & Universities International Internship Program. Collabora con le edizioni Mann, Ivanov e Ferber e le edizioni Piter, per le quali traduce dall'inglese e dall'italiano libri di *business, management*, *auto-sviluppo*, *psicologia*, *letteratura*, anche per l'infanzia. Dal 2016 collabora con l'associazione italiana no profit *Giovani nel mondo*, aiuta a organizzare il festival internazionale della gioventù Rome International Careers Festival.

Екатерина Спирова окончила исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Владеет итальянским, английским, французским, латынью. Президент международного молодежного движения «Ами-чи», президент молодежного творческого объединения «Две столицы». Ответственная за связи с общественностью Итальянской школы «Итало Кальвино» при Генеральном консульстве Италии в Москве. Автор серии историко-методических пособий.

Ekaterina Spirova ha terminato la facoltà di storia del MGU “M.V. Lomonosov”. Conosce l’italiano, l’inglese, il francese, il latino. Presidente del movimento internazionale della gioventù “Amici”, presidente dell’unione artistica della gioventù “Le due capitali”. Responsabile dei rapporti con il pubblico della scuola italiana “Italo Calvino” presso il Consolato generale d’Italia a Mosca. Autrice di alcune serie di manuali storico-metodologici.

Анна Тигай окончила филологический факультет РГГУ по специальности «итальянистика» и двойную магистратуру РГГУ–Болонья. Жила в Италии, переводила с итальянского и английского. В настоящий момент преподает итальянский, работает в Детском зале Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино. Интересуется детской литературой, пишет рецензии на детские книги.

Anna Tigaj ha terminato la facoltà di filologia del RGGU con specializzazione “italianistica” e la laurea magistrale bilaterale RGGU-Bologna. Ha vissuto in Italia, e ha tradotto dall’italiano e dall’inglese. Attualmente insegna lingua italiana, lavora nella sala per l’infanzia della biblioteca di letteratura straniera “M.I. Rudomino”. S’interessa di letteratura per l’infanzia, scrive recensioni di libri per l’infanzia.

Мария Титиевская окончила факультет международных экономических отношений МГИМО. Работает переводчиком с итальянского языка. Переводила информационные материалы по разделу «Италия» для информационного портала «Рамблер». В 2015 г. прошла обучение в школе журналистики «Russia Today».

Marija Titievskaja ha terminato la facoltà di relazioni economiche internazionali MGIMO. Lavora come traduttrice di lingua italiana. Ha tradotto materiale informativo per la sezione “Italia” per il portale “Rambler”. Nel 2015 ha frequentato un corso di addestramento nella scuola di giornalismo “Russia Today”.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Алексей Артемьев	Aleksej Artem'ev
Буллат Ханов	Bulat Chanov
Ирина Михайлова	Irina Michajlova
Тимур Сазонов	Timur Sazonov
Галина Узрютова	Galina Uzrjutova

Алексей Артемьев

Перевод на итальянский язык Аличе Бравин

Aleksej Artem'ev

Traduzione in italiano di Alice Bravin

ПОПЕРЕШНЫЙ

Деда Ваську в деревне Быком звали. Не потому, что он крупный был или здоровьем крепкий – этим он как раз не отличался; и рогов на голове тоже не имелось, хотя бабка у него по молодости завидная была. Нет, не в те огороды полезли. Все дело в характере. Случается, загоняешь быка в хлев, а он встанет поперек, и ни туда, ни сюда. Вот таков и дед Васька.

Спорить с ним никто не брался. По неопытности скажешь при нем, что солнце на востоке поднимается, так он обязательно возразит. Дураку понятно – на юге. Да и не солнце это, а луна. Днем палит, ночью остывает. И не поднимается, а выкатывается. Если кто другой скажет, что выкатывается, дед Васька опять не согласен. Подымается она, черти глупые.

На спорах дело не заканчивалось. Дед методично добавлял хаос в повседневную жизнь деревни. Дошла до него как-то очередь стадо пасти. Он проснулся полшестого, как правдышний, размял больную ногу, взял прутик, собрал коров со всех улиц и на луг погнал. Часа через два у Лобовых корова обратно пришла. За ней через десять минут еще три. К обеду разбрелось по дворам все стадо. А дед Васька с чувством выполненного долга запулил прутик подальше и спать похрамал. На окраине его встретили недовольные односельчане.

– Васька, ты какого хрена стадо распустил?

– Никого я не распускал. Сами ушли.

Вот и поспорь.

Супруга, баб Клавка, была его главным оппонентом. Всю жизнь с ним в дебатах прожила. К примеру, велит ему баню истопить. А он, значит, смысла не видит: на дворе зима, пачкаться негде, а если пропотеть хочется, можно и газку прибавить. Бабка не была такой упрямой – пошла и сама истопила. А пока белье в стирку собирала, дед подхватил чистые трусы и первым мыться пошлепал.

UN BASTIAN CONTRARIO

Il vecchio Vas'ka in paese era detto il Toro. Non perché fosse imponente o pieno di salute – in questo, al contrario, non spiccava affatto. E neppure perché portasse le corna in testa, anche se sua moglie in gioventù era stata una preda niente male. No, nessuno aveva ficcato il naso in questioni del genere. Il motivo stava nel suo carattere. Capita che devi far entrare un toro nella stalla, ma quello si mette di traverso e non si schioda. Ecco, Vas'ka era così.

Nessuno si metteva a discutere con lui. Se per ingenuità dicevi, con lui lì, che il sole si alza a est, potevi star certo che avrebbe avuto da ridire. Anche un cretino lo sa: a sud. E non è mica il sole ma la luna. Di giorno brucia, di notte si raffredda. E non è che si alza, ma rotola fuori. Se un altro diceva che rotola fuori, Vas'ka di nuovo non era d'accordo. Si tira su, brutti scemi.

E non finiva mica lì. Il vecchio portava sempre scompiglio al tran tran quotidiano del paese. Un giorno toccò a lui far pascolare le bestie. Si svegliò alle cinque e mezza, com'è giusto, stiracchiò la sua gamba malata, prese una piccola verga, radunò da ogni strada le mucche e le spinse in un prato. Due ore dopo dai Lobovye una era già tornata indietro. E a seguirla, dopo dieci minuti, altre tre. Per l'ora di pranzo si erano sparpagliate tutte in giro per i cortili. E Vas'ka, soddisfatto di aver compiuto il suo dovere, lanciò lontano la verga e zoppicando se ne andò a dormire. Al varco lo aspettarono i compaesani scontenti.

– Vask'a, ma perché diavolo hai lasciato andar via le bestie?

– Io non ho lasciato andar via nessuno. Sono loro che se ne sono andate.

E prova tu a ribattergli!

La moglie, la vecchia Klavka, era il suo avversario principale. Un'intera vita passata a discutere con lui. Ad esempio una volta lei gli disse di riscaldare la *banja*. E lui ovviamente non ne vede il senso: è inverno, non ci si sporca da nessuna parte, e se c'hai voglia di farti una bella sudata basta che alzi il riscaldamento. Klavka non stette a insistere: prese e scaldò la stanza da sola. Ma mentre lei stava sistemando i panni da lavare, lui afferrò delle mutande pulite e si trascinò per primo a fare il bagno. La *banja* Vas'ka la scaldava solo di sua iniziativa, quando nessuno lo infastidiva, nessuno gli metteva

Топил дед Васька только по собственной инициативе, когда никто не допекает, не торопит, еще важнее – не командует. Вот тогда он подходил к делу с душой: с зарей натаскает воды во всю посуду, полати протрет, наберет самых аккуратных поленьев. И за вениками на посадки сходит, замочит. Мелиссу для аромата добавит. Потом зайдет в избу, скажет как бы невзначай:

– Я там баню истопил. Хотишь мыться – иди.

Разок хлещет дед Васька свою бабушку березовым веником, а она и заявляет:

– Мягонький больно веник нарубил.

Ох и задела же, зараза! Выскочил дед во двор, снял метлу с черенка и так хорошо прошелся по своей старушке, что та одеться забыла, как домой заторопилась. Дней пять не разговаривали. Тут как назло воду отключили. Бабушка покрутила кран и забыла – закрыла ли, нет. На всякий случай ведро в раковину поставила и ушла к соседке потрещать. А дед Васька в передней телевизор глядел. Вдруг чувствует – сыреет под ногами. Осмотрелся – вода кругом. Он выбрал себе местечко посуше и табуретку туда переставил. Через минуту носки опять захлюпали. Дед одну ногу под себя подмял, вторую, больную, чуть свесил, так, чтоб до пола не доставала.

Заходит дед Кондрат Мякишев. Валенки до середины мокрые.

– Васька, здорово!

Тот повернулся:

– Чего тебе?

– А я думаю: на крыльце разуваться, аль в избе. Теперь вижу – совсем с обувкой прогадал. В другой раз в рыбацком костюме приду.

Дед Васька обратно в телевизор уставился:

– Чего пришел-то?

– Да в комок шел, гляжу – у тебя ручки из продуха льются. Узнать захотел, что за дела такие. На кухню сперва заглянул – кошка на холодильнике сидит, спасается. А из крана вода хлещет. Чаво не отключишь-то?

fretta e – cosa ancora più importante – nessuno gli dava ordini. Allora sì che si metteva all’opera volentieri: di buon mattino faceva provvista d’acqua, strofinava il soppalco, raccoglieva i ceppi più adatti. Andava alla ricerca dei ramoscelli di betulla e li metteva a bagno. Aggiungeva della melissa per profumare l’ambiente. Poi entrava in casa e, come se nulla fosse, diceva:

– Ho scaldato la *banja*. Se vuoi lavarti vai.

Una volta Vas’ka diede una bella massaggiata alla moglie con un fascio di ramoscelli di betulla, ma lei protestò:

– Hai preso dei ramoscelli troppo morbidi.

Non l’avesse mai detto! Vas’ka corse fuori in cortile, prese una scopa per il manico e ripassò per bene la vecchia, tanto che quella si dimenticò di vestirsi, quant’era la fretta di scappare in casa.

Per cinque giorni non si parlarono. Poi neanche farlo apposta gli staccarono l’acqua. Klavka aveva aperto il rubinetto ma non si ricordava più se l’avesse chiuso o no. Per sicurezza mise un secchio nel lavandino e uscì a fare quattro chiacchiere dalla vicina. Vas’ka era rimasto invece a guardare la tv nella stanza d’ingresso. All’improvviso sentì bagnato sotto i piedi. Si guardò in giro: acqua dappertutto. Si scelse allora un posticino più asciutto e vi spostò lo sgabello. Un minuto dopo i calzini avevano cominciato di nuovo a inzupparsi. Sollevò allora una gamba sotto il sedere, l’altra, quella malata, la lasciò a penzoloni quel tanto che non toccasse il pavimento.

Entrò Kondrat Mjakišev. Aveva gli stivali per metà bagnati.

– Ehilà, Vas’ka!

Quello si voltò:

– Che c’hai?

– E io che sto a pensare se togliermi gli stivali sotto il portico o in casa... Adesso vedo che ho proprio sbagliato: la prossima volta vengo in tenuta da pesca.

Vas’ka si risistemò davanti al televisore:

– Che vuoi?

– Stavo andando al negozio. Poi guardo: qua da te ci sono fiumi che scorrono fuori dai tubi. Volevo capire che storia è questa. Prima ho dato un’occhiata in cucina: la gatta si è messa sul frigo per salvarsi. E dal rubinetto esce acqua a dirotto. Perché non lo chiudi, eh?

Дед Васька чуть помолчал:

– А я ее не включал.

И все же скверный характер – полбеды. Дед был большим любителем выпить. И не так, чтоб сто грамм для аппетита или с умными тостами да под хорошую закуску. Нет, совсем не так. Закусывать он был непривычный и в застольях участия не принимал. Пил всегда один, украдкой, до потери пульса, зрения, ума и вообще всего, что можно потерять. Мужики рассказывали, что разок его в таком состоянии на огородах нашли. Ну, подняли, снег с него стряхнули, домой повели. А он им говорит:

– Оставьте. Надо будет – сам уйду.

Мужики посмеялись и дальше его потащили. Мало ли, что пьяный бубнит. Завели домой, помогли бабке уложить в кровать. Со двора уйти не успели – дед их обогнал. Прошмыгнул на огород и обратно в свой след улегся. Вот что значит – характер.

Из родственников у деда одна сестра осталась, Прасковья. Но и с ней он тоже не больно-то ладил. Все из-за ее дурацкой привычки. Стоит деду выпить лишнего или кому-то сказать слово поперек, Прасковья уже бежит по дворам жалиться, какой ей брат окаянный достался. А после случая на Духов день они и здороваться друг с дружкой перестали.

Случай вот какой.

Пришла Прасковья к ним в гости, с праздничком поздравить и с Клавдией о том о сем покалякать. Дед Васька в это время отсыпался в снях.

– Вася, с гуся вода! – засмеялась она и обрызгала его водой из кружки. Дед на мгновение открыл глаза, запомнил врага в лицо и обратно захрапел. А как выпался, сразу за ведром пошел. А с ведром – в сарай. Там у него в кадушке третью неделю овчина квасилась. Вонь стояла несусветная. Хуже, чем если б туда падаль со всей деревни покидали и вдобавок навоз пороссячий подлили. Дед разогнал мух, зачерпнул полное ведро коричневой жижи и домой пота-

Vas'ka per un po' rimase zitto:

– Non l'ho mica aperto io.

Il suo pessimo carattere, però, non era poi la cosa peggiore... Vas'ka era un grande amante del bere. E non così, giusto cento grammi per stimolare l'appetito o per pronunciare brindisi intelligenti sgranocchiando qualcosa di buono. No, non era affatto così. Agli spuntini non era abituato e alle feste non partecipava mai. Beveva sempre da solo, di nascosto, fino a perdere il battito, la vista, l'intelletto, insomma, tutto quello che si può perdere. Alcuni compagni raccontavano di averlo trovato una volta in quelle condizioni nell'orto. Beh, lo avevano sollevato e, scrollatogli di dosso la neve, lo avevano portato a casa. Ma lui continuava a ripetere:

– Lasciatemi. Se voglio ce la faccio da solo.

Quelli si erano messi a ridere e avevano continuato a trascinarlo. Si sa che gli sbronzi blaterano a vanvera. Arrivati a casa avevano aiutato la donna a metterlo a letto. Ma non fecero in tempo a uscire dal cortile che Vas'ka li superò. Sgattaiolò nell'orto e tornò a sistemarsi al suo posto nella traccia lasciata sulla neve. Ecco cosa vuol dire carattere.

Dei parenti gli era rimasta solo una sorella, Praskov'ja. Ma anche con quella non andava tanto d'accordo. Tutto per colpa di una sua stupida abitudine. Bastava che lui bevesse un po' troppo o dicesse una parola storta a qualcuno, che subito Praskov'ja correva a lamentarsi per tutti i cortili di che maledetto fratello le era toccato. E dopo la faccenda del giorno di Pentecoste smisero addirittura di rivolgersi il saluto. Ecco cos'era accaduto.

Praskov'ja era venuta a trovarli per fare gli auguri e scambiare due chiacchiere con Klavdija. Vas'ka nel frattempo stava facendo una dormitina sotto il porticato.

– Vasja, bella la vita! – scoppiò a ridere lei e lo schizzò d'acqua. Lui aprì per un istante gli occhi, memorizzò bene il volto del nemico e tornò a russare. E quando ebbe dormito a sufficienza andò subito a prendere un secchio. E con il secchio entrò nel fienile. In una botte c'era una pelle di pecora che stava lì a macerare già da tre settimane. La puzza era infernale. Peggio di avervi gettato le carogne di tutto il paese e aggiunto letame di maiale.

Vas'ka scacciò via una mosca, tirò su il secchio pieno di quel liquido marroncino e lo trascinò in casa. Ne rovesciò un po' lungo tutto il porticato ma riuscì a portarlo dentro. Trovò le donne nella

шил. Все сени улил, но донес. Бабок застал в передней. Они глядели Малахова и жалились друг другу на нелегкую судьбу. Увидали деда, ахнули.
– Васька, ты аль спятил? – прикрикнула Клавдия. Но было поздно.
– С гуся вода, Парашка! – воскликнул дед и окатил из ведра обеих старушек.

Жить с ним было непросто. Все жалели Клавку, сочувствовали ей. Ни помощи от такого супруга, ни слова ласкового. А ведь какой был парень! Из соседних деревень девчонки в клуб приходили, чтобы Васькину игру на гармонии послушать. А скольких до калитки проводил теплыми вечерами! Э–эх! И неужели опять война виновата?

Призвали Василия в сорок втором, через неделю после восемнадцатилетия. А через год обратно вернули с ранением. Коленную чашечку пулей раздробило. На родной земле его встретили как героя. Не мудрено: первый, кто с фронта живым вернулся. К тому ж, в деревне бабы одни остались. И что они только ни вытворяли, чтоб на себя его внимание обратить! Бывает, усядутся вокруг него истории военные послушать, а сами – подбородок на ладошки и щелк-щелк глазками. Вроде того, заморозить пытаются. И угостят, чем бог послал, и о деле каком попросят. Конечно, на больную ногу скидку делали, выбирали работу попроще. Гвоздь какой прибить или тюль повесить. Сыр в масле так не катается, как катался Василий.

Все изменилось в сорок пятом, когда вернулись остальные бойцы. И тут про Василия все позабыли. Иногда, может, вспоминали, но уже не добрым словом. Герой превратился в калеку, подранка, труса и дезертира.

Последний удар по самолюбию случился на сельском собрании. Из района приехал партийный работник вручать медали. Василий пришел в клуб, будто на парад. Форму отстирал, подшил, погладил, сапоги свиным маслом натер до зеркального блеска. Сам побрился, расчесался, хромать старался незаметнее. Сел в последних рядах – так на сцену идти дольше, все его разглядеть успеют.

stanza d'ingresso. Guardavano Malachov¹ e si lamentavano del loro triste destino. Vedendo il vecchio cacciarono un urlo.

– Vas'ka, ma sei diventato matto? – gridò Klavdija. Troppo tardi.

– Bella la vita, Paraška! – esclamò lui e preso il secchio rovesciò il liquido addosso alle due donne.

Vivere con lui non era per niente facile. Tutti provavano pietà per Klavka, la compativano. Non un aiuto da quell'uomo, non una parola gentile. Che diverso era stato invece da giovane! Dai paesi vicini le ragazze venivano al circolo per ascoltare Vas'ka che suonava la fisarmonica. E quante ne aveva accompagnate fin sotto casa in quelle calde sere! Eh!... Possibile che sia colpa sempre della guerra?

Vasilij era stato arruolato nel quarantadue, una settimana dopo aver compiuto diciott'anni. Ma dopo un anno lo rimandarono indietro, ferito. Una pallottola gli aveva frantumato la rotula. In patria venne accolto come un eroe. Nulla di strano: era il primo a tornare vivo dal fronte. Per di più in paese le donne erano rimaste sole. E cosa non si inventavano per attirare la sua attenzione! Si sedevano attorno a lui ad ascoltare storie di guerra, col mento appoggiato sul palmo della mano e gli occhioni che sbattevano. Sembrava che volessero stregarlo. Gli offrivano da mangiare quello che avevano e gli chiedevano di fare qualche lavoretto. Ovviamente chiudevano un occhio sulla gamba malata, scegliendo per lui le mansioni più semplici. Come piantare un chiodo o appendere una tenda. Neanche un pascià se la gode come Vasilij.

Tutto cambiò nel quarantacinque, quando tornarono gli altri soldati. E allora di Vasilij tutti si dimenticarono. A volte forse se ne ricordavano anche, ma non ne parlavano più tanto bene. L'eroe si era trasformato in uno storpio, una preda ferita, un codardo, un disertore.

L'ultimo colpo al suo amor proprio fu dato durante una riunione di paese. Dalla città venne un funzionario di partito per assegnare le medaglie ai reduci. Vasilij arrivò al circolo come se fosse a una

¹ Andrej Malachov è presentatore di popolari programmi televisivi russi, tra i quali il famoso talk show *Pust'govorjat*.

Награждали по алфавиту. Василий по фамилии Харитонов был. Считаю, на самый смак остался.

Но вот очередь дошла до Ивана Трошкина, следом пошел Максим Федечкин. У Василия от волнения все нутро поднялось до горла и разом обратно рухнуло. Он стал примериваться с какой стороны лучше выходить.

– Николай Щукин, – объявили с трибуны.

– Как это – Щукин? – чуть слышно возмутился он. Сперва даже хотел повторить, громко, на весь зал, но сдержался. Мало ли, что у них там в бумажках. Сперва «Ща», за ней «Жо». Ничего, бывает. А может, вообще в отдельный список внесли, как особо отличившегося?..

Пока он успокаивал себя, список закончился. К микрофону вышел директор клуба и объявил начало концертной части.

– А Харитонов как же? – не выдержал Василий, поднявшись со стула. – Где ж моя-то медаль?

Тишина.

– Видать, потерял, когда домой с войны улепетывал, – выкрикнул Гришка Лапшин. Зал захохотал.

– Я б на тебя поглядел, – закипел Василий. Он больше не мог молчать. – Все вы молодцы! Герои! На бумажках вы герои! Ты, Григорий, фашиста хоть в глаза видал? А? Аль в тылу просидел четыре года? Давай, расскажи нам, как каждый день от смерти спасался! Как пули свистели над головой, как под танк кидался! Чего ж ты? Воды в рот набрал?

Дед часто вспоминал, как говорит это, потом встает и неуклюже выбирается из зала. Гордо не получилось. А вот ушел бы гордо, с прямой спиной, не хромя... Было бы чем душу согреть на старости лет.

Когда Клавки не было дома, он украдкой разглядывал на стене карточки. Не получилось у них прожить душа в душу. Все лоб в лоб. Вон, хмурые везде. Хоть бы раз улыбнулись. Да только повода не представилось. Дети Господь не

parata. L'uniforme ben lavata, cucita, stirata, gli stivali lustrati con grasso di maiale brillavano come uno specchio. Rasato e pettinato, zoppicava cercando di non farlo notare troppo. Andò a sedersi nelle ultime file: così per salire sul palco ci vuole più tempo e tutti lo guarderanno.

La premiazione era in ordine alfabetico. Vasilij di cognome faceva Varitonov. Ecco, lo avrebbero chiamato proprio nel momento culminante.

Arrivò il turno di Ivan Troškin, poi toccò a Maksim Udečkin. Per l'agitazione Vasilij si sentì salire le budella in gola e ricadere poi subito giù. Cominciò a prendere le misure per capire da quale lato fosse meglio uscire.

– Nikolaj Vukin – annunciarono dal palco.

– Come Vukin? – s'indignò tra sé e sé. All'inizio voleva addirittura ripeterlo, ad alta voce, a tutta la sala, ma si trattenne. Magari lì nei loro fogli c'è scritto così. Prima la V e poi la G. Fa niente, può succedere. O forse l'hanno messo addirittura in un elenco a parte, come uno che si è particolarmente contraddistinto...

Ma mentre cercava di calmarsi l'elenco terminò. Il direttore del circolo prese il microfono e annunciò l'inizio del concerto.

– E Varitonov? – Vasilij non resistette e si alzò dalla sedia – Dov'è la mia medaglia?

Silenzio.

– Si vede che l'hai persa quando te la stavi svignando a casa dalla guerra – esclamò Griška Lapšin. La sala scoppiò a ridere.

– Avrei voluto vedere te – esplose Vasilij. Non riusciva più a star zitto: – Siete tutti bravi! Degli eroi! Sulla carta siete degli eroi! Ma tu, Grigorij, un fascista l'hai visto almeno in faccia? Eh? O te ne sei stato per quattro anni nelle retrovie? Su, raccontaci cosa facevi per salvarti ogni giorno dalla morte! Come fischiavano i proiettili sopra la tua testa, come ti buttavi sotto il carro armato! Che hai? Non apri più bocca?

A Vas'ka tornava spesso in mente come aveva detto tutto questo, come poi si era alzato ed era uscito goffamente dalla sala. Non era riuscito a farlo con aria fiera. Se invece se ne fosse andato con aria fiera, con la schiena dritta, senza zoppicare... Avrebbe avuto qualcosa con cui scaldare l'anima negli anni della sua vecchiaia.

наградила, а так на кой черт жить? Любоваться друг другом? Вот уж радость... Конечно, она ни в чем не виновата. Ни в чем. А подумать хорошенько – ей пришлось не слаще. Когда развеселые толпы ночами барабанили по окнам Василия и требовали, чтобы «предатель сдался», Клавдия не постыдилась объявить родителям о помолвке с ним. Василий почему-то никогда не задумывался о том, чего стоило ей это решение. В зятях никто не желал видеть дезертира. И то, что он по правде таковым не был, мало, кого интересовало. Но ведь отстояла свое, не отступила. И чего ради?..

Однажды от этих мыслей он почувствовал что-то необъяснимо приятное, будто кто-то щекочет травинкой живот и тепло дышит в ухо. Он шустро побежал на кухню, поставил чайник. Сколько она любит? Две с половиной? Так. А пряники есть что ль какие? Ну, Бог с ними. За вареньем в подпол слезу, на хлеб намажу. Варенье малиновое, угу...

Баб Клавка зашла минут через двадцать. С порога ее встретил ягодный аромат.

– Васька!

– А?

– Чаво чай намесил и не пьешь?

Дед Васька долго не мог решиться. Наконец, сказал:

– Это тебе.

Бабка развязала платок, села за стол и заплакала. Тихо, чтоб не услышал.

Он не услышал. Он сидел в передней, уткнувшись в занавеску.

Чтоб не услышала.

Quando Klavka non era a casa, lui di nascosto guardava le foto alla parete. Non erano stati in grado di vivere d'amore e d'accordo. Sempre un testa a testa. Ecco, dappertutto con quell'aria cupa. Avessero sorriso almeno una volta. Ma non c'era mai stata occasione. Figli il Signore non gliene aveva mandati, e allora perché diavolo vivere? Per ammirarsi l'un l'altra? Capirai che gioia...

Lei chiaramente non aveva nessuna colpa. Nessuna. E a pensarci bene non era stato facile nemmeno per lei. Quando la notte compagnie allegre picchiavano alle finestre di Vasilij chiedendo che "il traditore si arrendesse", Klavdija non si era vergognata di annunciare ai genitori il suo fidanzamento con lui. Vasilij, chissà perché, non aveva mai pensato a quanto le fosse costata quella decisione. Nessuno voleva avere un disertore come genero. E il fatto che lui in realtà non lo fosse contava poco. Eppure, lei aveva continuato per la sua strada, senza tirarsi indietro. E per cosa poi?...

Un giorno pensando a tutte queste cose Vas'ka provò una sensazione inspiegabilmente piacevole, come se qualcuno gli solleticasse la pancia con un filo d'erba e gli soffiasse un'aria calda nell'orecchio. Corse svelto in cucina, mise a bollire l'acqua per il tè. Quanto ne vuole? Due e mezzo? Ecco, così. E biscotti ce n'è? Beh, amen. Scendo in cantina a prendere la marmellata, la spalmo sul pane. Marmellata di lamponi, sì...

Una ventina di minuti dopo entrò Klavka. All'ingresso l'accorse un profumo di frutti di bosco.

– Vas'ka!

– Eh?

– Com'è che hai preparato il tè e non lo bevi?

Vas'ka per un bel po' non riuscì a decidersi. Finalmente disse:

– È per te.

La donna slegò il fazzoletto, si sedette al tavolo e cominciò a piangere. Piano, perché lui non sentisse.

Lui non la sentì. Era seduto nella stanza d'ingresso, nascosto dietro una tenda.

Perché lei non sentisse.

Отзыв о рассказе

С Василием Харитоновым – дедом Васькой по прозвищу Бык – никто в деревне не спорит по той простой причине, что спорить с ним бесполезно: он переспорит любого, переспорит всех, кроме собственной жены бабы Клавки, которая «всю жизнь с ним в дебатах прожила». А вышла она за него, когда все в деревне забыли, что вернулся он с войны после ранения, и считали его дезертиром.

Неудивительно, что дед Васька начал пить и пил «до потери пульса, зрения, ума и вообще всего, что можно потерять».

Перед читателем рассказа – типичный отрицательный герой, но описывает его автор с очевидной симпатией, обещающей счастливый конец.

И однажды, расчувствовавшись от воспоминания о решении Клавдии «объявить родителям о помолвке с ним», дед Васька заварил к приходу жены чай и достал из подпола варенье. Растроганная неожиданным вниманием мужа, баба Клавка заплакала. «Тихо, чтоб не услышал. Он не услышал. Он сидел в передней, уткнувшись в занавеску. Чтоб не услышала».

Непредсказуемый финал рассказа, сконцентрированный в двух коротких абзацах, свидетельствует о творческой зрелости автора, который, фраза за фразой, деталь за деталью, ведет читателя к оптимистической развязке повествования, обещающей новый этап в семейной жизни деда Васьки и бабы Клавки.

Автору веришь: в арсенале молодого писателя – выразительные средства, позволяющие ему, не сгущая красок, рисовать убедительную картину деревенской жизни, в которой дед Васька, со своим бычьим упрямством, со всеми своими выходками, выглядит естественно и потому правдоподобно.

Евгений Солонович

Nota critica

Con Vasilij Varitonov, il vecchio Vas'ka soprannominato il Toro, in paese nessuno discute per il semplice fatto che discutere con lui è del tutto inutile: nessuno riesce a controbatterlo, nessuno tranne la moglie, Klavka, “un'intera vita passata con lui a discutere”. Lo aveva sposato quando tutti in paese si erano dimenticati che lui dalla guerra era tornato in seguito a una ferita e lo consideravano invece un disertore.

Non deve allora sorprendere che Vas'ka avesse cominciato a bere e bevesse “fino a perdere il battito, la vista, l'intelletto, insomma, tutto quello che si può perdere”.

Nel racconto il lettore si trova davanti a un tipico eroe negativo, descritto però dall'autore con un indubbio sguardo d'affetto che lascia intravedere un lieto fine.

E un giorno infatti, inteneritosi al ricordo della decisione di Klavdija di “annunciare ai genitori il suo fidanzamento con lui”, Vas'ka aveva deciso di preparare del tè per la moglie ed era sceso in cantina a prenderle della marmellata. Commossa dalle inaspettate attenzioni del marito, la donna si era messa a piangere. “Piano, perché lui non sentisse. Lui non la sentì. Era seduto nella stanza d'ingresso, nascosto dietro una tenda. Perché lei non sentisse”.

L'imprevedibile finale del racconto, racchiuso in due brevi paragrafi, testimonia la maturità artistica dell'autore che, frase dopo frase, dettaglio dopo dettaglio, accompagna il lettore verso uno scioglimento ottimistico della narrazione, che fa sperare in una nuova fase della vita familiare di Vas'ka e Klavka.

C'è da credere al giovane autore: nel suo laboratorio si trovano mezzi espressivi che gli permettono di tratteggiare, senza caricare le tinte, un quadro convincente della vita di paese, nel quale Vas'ka, con la sua cocciuta testardaggine, appare in maniera naturale e perciò credibile.

Evgenij Solonovič

Биография

Алексей Артемьев родился в 1991 году в с. Ефаево Краснослободского района республики Мордовия. Окончил филологический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Опубликовал две книги: «Прежде чем уйти» (2013) и «Деревья и птицы» (2016). Победитель конкурса «Добрая книга» (2016), дипломант Всероссийской Горьковской литературной премии (2017), лауреат премии им. А.И. Полежаева (2017), финалист премии «Радуга» (2016).

Biografia

Aleksej Artem'ev è nato nel 1991 nel villaggio di Efaevo, distretto di Krasnoslobodsk, nella repubblica di Mordovia. Si è laureato alla facoltà di Filologia dell'Università Statale Nazionale di Ricerca della Mordovia N.P. Ogarëv. Ha pubblicato due libri, *Prežde čem ujtì* (*Prima di andar via*, 2013) e *Derev'ja i pticy* (*Alberi e uccelli*, 2016). Vincitore del concorso Dobraja kniga (2016), ha partecipato al concorso letterario panrusso Gor'kij (2017), ha vinto il premio A.I. Poležaev (2017) ed è risultato tra i finalisti del Premio Raduga 2016.

Булат Ханов

Перевод на итальянский язык Донателлы Каристины

Bulat Chanov

Traduzione in italiano di Donatella Caristina

НАИБОЛЕЕ РЯДОВОЙ ДЕНЬ

Леонид Селиверстов зачитался Гегелем до глубокой ночи и потому пропустил будильник.

– Вот же несчастье! – воскликнул Леонид, подпрыгивая на кровати. – Проспал! Эх, случается же!

Благо такси примчалось быстро и затормозило аккурат напротив подъезда.

Шофер услужливо распахнул дверцу и представился Семеном.

– Леонид, – сказал Леонид.

– Замечательное имя! Как у спартанского царя.

Спросив позволения, водитель включил музыку.

Селиверстов с первых нот узнал пятый альбом «Пинк Флойд». С коровой на обложке. Леонид предпочитал классику, особенно Вивальди и Гайдна, но отдавал себе отчет в том, что во время поездки на транспортном средстве тяжело сосредоточиться на тонкостях «Прощальной симфонии», поэтому Семен слушает вещи более простые и доступные.

На светофоре их едва не подрезал лихач, который ударил по газам на красный.

– Бедолага! – сочувственно произнес таксист. – Спешит, наверное.

Водитель доставил Селиверстова прямо к контрольно-пропускному пункту вертолетного завода и пожелал славного трудового дня. Леонид миновал проходную, где по сторонам висели плакаты о важности рабочей дисциплины и о добросовестной службе на пользу отечеству. Селиверстова мучила совесть за опоздание. Пугала не столько перспектива понести справедливое наказание, сколько мысль подвести родину и товарищей по бригаде.

Товарищи, завидев Селиверстова, участливо осведомились, не стряслось ли чего основательного. Растроганный Леонид со стыдом признался, что увлекся Гегелем на ночь глядя и проспал будильник.

UN GIORNO DI ORDINARIA QUOTIDIANITÀ

Leonida Seliverstov aveva letto Hegel fino a notte fonda e così non sentì suonare la sveglia al mattino.

“Oh, che disgrazia!”, esclamò Leonida, sobbalzando nel letto. “È tardissimo! Mannaggia!”

Fortuna volle che un taxi arrivò di corsa e frenò proprio davanti al portone.

Il tassista, servizievole, spalancò la portiera, presentandosi col nome di Semën.

“Leonida”, disse Leonida.

“Un nome importante! Come il re di Sparta!”

L'autista chiese se poteva mettere un po' di musica.

Sin dalle prime note Seliverstov riconobbe il quinto album dei Pink Floyd. Quello con la mucca in copertina. Leonida preferiva la musica classica, soprattutto Vivaldi e Haydn, ma si rendeva conto che era difficile concentrarsi sulle finezze della “Sinfonia degli addii” alla guida di un'auto, per questo Semën ascoltava motivi più semplici e accessibili.

Al semaforo per poco non li falciava uno spericolato che andava a tutto gas col rosso.

“Povero disgraziato!” disse il tassista con compassione. “Ha fretta, probabilmente”.

L'autista portò Seliverstov direttamente al controllo di sicurezza all'ingresso della fabbrica di elicotteri e gli augurò buon lavoro. Leonida si lasciò alle spalle l'ingresso, ai cui lati erano appesi cartelli sull'importanza della disciplina sul lavoro e sul servire la patria con dedizione e coscienza. Era proprio quest'ultima a tormentare Seliverstov per il ritardo. A preoccuparlo non era tanto la prospettiva di subire un giusto castigo, quanto il pensiero di far sfigurare la patria e i suoi compagni di squadra.

I compagni, adocchiato Seliverstov da lontano, chiesero preoccupati se fosse successo qualcosa di grave. Commosso, Leonida confessò con vergogna che si era immerso a tal punto nella lettura di Hegel fino a tarda notte da non sentire il suono della sveglia.

“Nulla di complicato”, disse Mitja Toporov. “Anche se io preferisco Kierkegaard a Hegel, è imprescindibile”.

– Дело нехитрое, – сказал Митя Топоров. – Хотя я Гегелю Кьеркегора предпочитаю. Он фундаментальнее.

– Не скажи, брат. Систематичность Гегеля очевидна хотя бы потому, что он подводит разумный итог классической философии, – возразил Слава Суриков.

Слава частенько проводил вечера в библиотеке, конспектируя мудреные монографии. Кроме того, он самостоятельно изучал древнегреческий и историю античного театра, поэтому никто и никогда не брался оспаривать Сурикова в книжных вопросах.

– Ты хотя бы позавтракать успел? – поинтересовался у Леонида бригадир Купцов.

– Сразу на службу поехал, Антон Михайлович, – заверил Селиверстов.

– Это неправильно, – сказал Купцов. – Завтраком жертвовать нельзя. Отправляйся – ка ты в столовую и плотно поешь.

– Что вы, Антон Михайлович! – засмутился Леонид. – Я и так уже устав нарушил.

– Устав уставом, а человек превыше всего, – сказал Купцов. – За организмом надо следить. Чем дольше сохранишь здоровье, тем больше и обществу прослужишь.

И подмигнул.

Убежденный логикой бригадира, Селиверстов поднялся в чистую и опрятную столовую. Привычно улыбчивая раздатчица Феня наложила ему рисовой каши с маслом и глазунью с сицилийскими помидорами. Леонид пережевывал пищу тщательно, как рекомендовали на плакатах. Ему крепко врезались в сознание золотые слова Антона Михайловича о том, что в интересах коллектива всякий обязан заботиться о здоровье. Когда Селиверстов доел, Феня сказала:

– Непременно ждем вас на обед, Леонид!

– А что сегодня на обед?

– Щи грибоедовские, фетучини с яйцом пашот, зразы с сыром, гречневая запеканка с яблоком и изюмом, – перечислила раздатчица. – В высшей степени отличные блюда. Непременно попробуйте!

Селиверстов покинул столовую с приподнятым духом не только потому, что насытился, но и потому, что получил удовольствие от теплого разговора с Феней. Приятно

“Ma no, amico. La sistematicità di Hegel è evidente, non foss’altro perché compendia sapientemente la filosofia classica”, ribatté Slava Surikov.

Non di rado Slava trascorreva la sera in biblioteca, immerso in letture complesse. Inoltre, studiava da autodidatta il greco antico e la storia del teatro antico, e quindi nessuno mai si sognava di contestarlo su questioni erudite.

“Almeno sei riuscito a fare colazione?”, si premurò di chiedergli il caposquadra Kupzov. “Mi sono precipitato al lavoro, Anton Michailovič”, assicurò Seliverstov.

“Così non va bene”, disse Kupzov. “Non bisogna mai rinunciare alla colazione. Su, va’ in mensa e mangia in abbondanza”.

“Ma... Anton Michailovič...”, arrossì Leonida, in evidente soggezione. “Ho già infranto il regolamento”.

“Va bene rispettare le regole, ma la salute viene prima di tutto. Bisogna prendersi cura del proprio corpo. Più ti mantieni in salute e più potrai servire la comunità”.

E strizzò l’occhio.

Convinto dalla logica del caposquadra, Seliverstov salì nella mensa pulita e ordinata. L’addetta Fenja, sorridente come di consueto, lo riempì di risotto al burro e uova all’occhio di bue con pomodori di Sicilia. Leonida masticava il cibo con gran cura, come era raccomandato sui cartelli. Gli erano rimaste fortemente impresse nella coscienza le sagge parole di Anton Michailovič sull’importanza del prendersi cura della propria salute nell’interesse della collettività.

Quando Seliverstov finì di mangiare, Fenja disse: “La aspettiamo immancabilmente a pranzo, Leonida!”

“Cosa c’è di buono oggi?”

“Minestra di cavoli alla Griboedov, fettuccine con uova in camicia, polpette di carne e formaggio, torta di grano saraceno con mela e uva passa”, elencò l’addetta. “Tutti ottimi piatti. Provi e non se ne pentirà!”

Seliverstov lasciò la mensa con animo allegro non soltanto perché era ben sazio, ma anche per l’amabile conversazione intrattenuta con Fenja. È bello vedere una persona dedicarsi con

видеть, как человек отдается любимому делу. Все в бригаде уважали дружелюбную раздатчицу и часто советовались с ней по неочевидным вопросам, потому что ценили женское мнение.

Селиверстов вернулся в цех и с трепетом приступил к работе. На станках нового поколения, установленных на заводе в честь Первомая, детали вытачивались еще быстрее и отличались исключительной прочностью. Леонид, специализировавшийся на лопастях и монорамах, сегодня трудился с особым упорством и страстью. Ему представлялись восторженные ребяташки, которые запускают радиоуправляемые вертолеты на игровых площадках и воображают себя открывателями новых пространств и горизонтов. Перед глазами рисовались счастливые родители, которые, совершая трансгрессивный бросок, гордятся своими детьми и тоже чувствуют себя маленькими.

– Мечтательное у тебя выражение на лице, – заметил Антон Михайлович, следивший за настроением в коллективе.

– Оно подчеркивает мою радость в настоящий момент, – сказал Леонид.

– Созидательная деятельность и должна приносить радость, – откликнулся Слава Суриков. – Тем более направленная на благо детей.

Селиверстов испытал прилив нежности по отношению к товарищам. До чего же они чудесные. И словом подбодрят, и подставят плечо, если нужно.

Славный все же у них завод! Коля Укропов однажды в шутку заметил, что здесь все настолько доверяют друг другу, что через проходную можно запросто утащить целый чемодан вертолетов и никто не поймает. Такое допущение встретили с укоризной, так как даже мысль о воровстве казалась порочной. Откуда тогда взяться сплоченности и солидарности, если знать, что среди них водятся те, кто крадет вертолеты и присваивает себе плоды общих достижений? В конце концов, все они онтологически зрелые люди и им незачем совершать постыдные действия ради краткосрочной выгоды.

Леонид так увлекся работой, что не желал обедать. Бригадир Купцов вновь включил свой авторитет и рассудительность, пообещав, что разрешит Селиверстову, если тот поест, выйти на службу в выходной. И снова Леонид отправился в столовую, восхи-

tanta passione al proprio lavoro! Tutti i componenti della squadra rispettavano l'addetta alla mensa sempre così affabile e spesso le chiedevano consiglio su questioni complicate, perché tenevano in gran conto l'opinione della donna.

Seliverstov tornò in reparto e ricominciò a lavorare con entusiasmo. Con i macchinari di ultima generazione, installati in fabbrica per le celebrazioni del Primo maggio, i pezzi venivano torniti ancora più velocemente e si distinguevano per la straordinaria precisione. Leonida, specializzato in pale e telai, oggi lavorava con particolare tenacia e passione. Fantasticava di bambini eccitati che azionavano elicotteri radiocomandati in campi da gioco, fingendosi esploratori di nuovi spazi e orizzonti. Dinanzi ai suoi occhi si delineava l'immagine dei genitori felici che, compiuto l'audace lancio, pieni d'orgoglio per i propri figli, tornavano bambini anche loro.

“Hai un'espressione sognante”, osservò Anton Michailovič, che aveva a cuore il benessere dei suoi operai.

“Riflette la mia felicità in questo momento”, disse Leonida.

“Un'attività creativa deve arrecare anche felicità”, esclamò Slava Surikov. “A maggior ragione se volta al bene dei figli”.

Seliverstov si sentì pervadere dalla tenerezza verso i compagni. Sì, sono davvero meravigliosi! Ci si scambia parole di conforto e si ha sempre una spalla su cui appoggiarsi nel momento del bisogno.

Però, che gioiello di fabbrica! Una volta, per scherzo, Kolja Ukropov aveva osservato che lì dentro avevano talmente fiducia l'uno nell'altro che chiunque avrebbe potuto portar via dall'ingresso, senza alcuno sforzo, un'intera valigia di modellini e nessuno lo avrebbe fermato. Una simile ipotesi suscitava di per sé disapprovazione, così come era piuttosto riprovevole il solo pensiero del furto. Che valore avrebbero allora la coesione e la solidarietà, sapendo che fra noi si nasconde chi ruba modellini e si appropria dei frutti degli sforzi altrui? Alla fin fine, tutti siamo adulti ontologicamente maturi e non c'è motivo di compiere azioni disdicevoli per un tornaconto effimero.

Leonida si era talmente appassionato al lavoro da non sentire il bisogno di pranzare. Il caposquadra Kupzov confermò la sua autorità e assennatezza, promettendogli che avrebbe potuto

щаяся неиссякаемым оптимизмом Фени. Иной раз ведь задумаешься крепко о несущественных мелочах, нахмуришь лоб, поддашься беспредметной взволнованности. В подобные мгновения важно присутствие рядом таких, как Феня, людей, уберегающих от суеты и уныния.

Когда бригада управилась с первым и вторым, в столовую поднялся директор завода Аскольд Олегович Манжетов. Он принес домашнюю сливовую настойку и налил каждому по стопке. Рабочие до того обрадовались, что ни у кого не возникло сомнений в том, какой тост произнести.

– За ваше здоровье, Аскольд Олегович! – подытожил коллективные соображения Купцов.
– Э, нет, голубчик! – возразил директор. – Выпьем за наших футболистов, которым предстоит заключительный матч за путевку в плей-офф.

Идею тут же подхватили. Чтобы закрепить пожелание, махнули и по второй. Настойка брала за душу.

– По случаю игры всех вас приглашаю вечером в бар, – сказал Манжетов. – Пиво с меня.
– Так матч же в пять, – сказал Слава Суриков. – У нас в это время только смена заканчивается.

– Страна нуждается в поддержке, поэтому ради знаменательного события я вас отпускаю на час пораньше.

Рабочие переглянулись с заметным оживлением. Леонид в очередной раз подумал, что директор у них чудесный. Аскольд Олегович радеет за них, как за родных детей. Справляется о самочувствии, закупает призы для корпоративов, выделяет приглашения в театр и филармонию. Это не говоря о тройных премиальных перед отпуском и поездках в санаторий.

С повышенным усердием доработав смену, бригада Купцова присоединилась к директору, уже зарезервировавшему длинный стол в баре. Две строго одетые студентки, по соседству пившие через соломинку сельдереевый сок, добросердечно поприветствовали рабочий класс. Заводчане по традиции заказали двойной имперский стаут и только Митя Топоров выбрал, к удивлению прочих, квас.

lavorare in un giorno festivo, se non avesse saltato il pranzo. E Leonida si recò nuovamente in mensa ad ammirare l'inguaribile ottimismo di Fenja. Talvolta si trovava a riflettere profondamente su inezie insignificanti e, corrugando la fronte, si lasciava afferrare da un'agitazione senza senso. In simili circostanze è essenziale la presenza di persone come Fenja che si preservano da affanni e sconforti. Quando la squadra ebbe mangiato sia il primo che il secondo, in mensa si alzò in piedi il direttore della fabbrica Askol'd Olegovič Manžetov. Aveva portato un liquore alle prugne fatto in casa e ne versò un bicchierino a ciascuno. Gli operai erano così felici che nessuno di loro ebbe dubbi sul brindisi da pronunciare.

“Alla vostra, Askol'd Olegovič!”, Kupzov parlò a nome di tutti.

“Eh, mio caro!” ribatté il direttore. “Beviamo in onore dei nostri calciatori che si apprestano ad affrontare la partita decisiva per l'accesso ai playoff”.

All'improvviso balenò loro un'idea. Per rendere più solenne l'augurio, si scambiarono un secondo brindisi. Il liquore aveva fatto effetto.

“In occasione della partita siete tutti invitati al bar stasera”, disse Manžetov. “A bere insieme a me”.

“La partita è alle cinque”, disse Slava Surikov, “e per allora si conclude anche il turno”.

“Il Paese ha bisogno del nostro sostegno, perciò in occasione di questo evento memorabile potete uscire un'ora prima!”

Gli operai si scambiarono un'occhiata di sollievo. Per l'ennesima volta Leonida pensò che il loro direttore era davvero speciale, Askol'd Olegovič teneva a loro come ai propri figli. Si informava del loro stato di salute, acquistava trofei per competizioni aziendali, assegnava biglietti d'invito a teatro e alla filarmonica. Per non parlare dei triplici incentivi per le vacanze e i viaggi nei sanatori...

Con rinnovata solerzia, terminato il turno, la squadra di Kupzov si unì al direttore che aveva già riservato un lungo tavolo al bar. Al tavolo accanto, due studentesse abbigliate in modo serio sorseggiavano del succo di sedano da una cannuccia e intanto salutavano con trasporto la classe operaia. Come da tradizione, gli operai ordinarono una Imperial Stout doppio malto e soltanto Mitja Toporov scelse il kvas, fra lo stupore generale.

– Решил сократить потребление этанола, – пояснил он. – Дабы не появлялись жировые отложения на животе, да и вообще.

– Здорово! – похвалили его остальные. – Осознанный подход способствует раскрытию личностного потенциала!

– Вы ведь не расстроились, что я не пью с вами?

– Что ты! Надо уважать чужой выбор.

Сборная России, подгоняемая многочисленными согражданами на трибунах, с первых минут взяла курс на атаку. Уже в первом тайме три кинжальных выпада увенчались голами, а во втором фавориты эстетски закатили еще один мяч. Комментатор заговаривался от избытка эмоций.

– Размазали, точно ракетами, – констатировал Аскольд Олегович. – Теперь одна восьмая.

– Так, глядишь, и золото возьмут, – предположил Митя Топоров.

– Экий ты фантазер! – сказал Антон Михайлович.

– Никакой я не фантазер! Я верю, что нашим футболистам любой соперник по плечу.

– Я тоже в них верю, но твои чаяния носят чрезмерно вероятностный характер, – сказал Слава Суриков. – Ты, очевидно, Бердяева перечитался, вот и проникся утопическим дискурсом.

– Вовсе и не перечитался я Бердяева, – впервые возразил эрудированному товарищу Митя Топоров. – У нас спортивные секции в любой школе есть, система подготовки выстроена. Такими темпами талантов скоро на четыре сборные хватит. Этнические россияне будут принимать немецкое гражданство, потому что в нашу команду не пробиваются.

– Да когда еще такое настанет...

– Скоро, товарищи, потерпите только!

Перед тем как распрощаться, заводчане сделали на память ряд совместных снимков со студентками. Девушки, отставив в сторону сельдереевый сок, деликатно спросили позволения сфотографироваться с трудовым народом, чтобы похвастаться перед подружками в социальных сетях.

“Ho deciso di limitare l’uso dell’alcol”, spiegò. “Semplicemente per non accumulare grassi”. “Alla salute!” si complimentarono gli astanti. “Un approccio consapevole contribuisce alla scoperta del potenziale personale!”

“Davvero non vi rammaricate che non bevo con voi?”

“Perché mai? Bisogna rispettare le scelte altrui”.

La nazionale russa, incitata dai tifosi sulle tribune, si spinse all’attacco sin dai primi minuti. Già nel primo tempo tre bordate erano finite in rete e nel secondo i favoriti pennellarono un altro gol. Il cronista balbettava per la piena delle emozioni.

“Li hanno asfaltati come se un razzo li avesse colpiti”, constatò Askol’d Olegovič. “Adesso ci aspettano gli ottavi di finale”.

“Sì, e vinceremo la coppa!” suggerì Mitja Toporov.

“Ma guarda che sognatore!” disse Anton Michailovič.

“Ma quale sognatore e sognatore! Io sono convinto che i nostri ragazzi possano battere qualsiasi avversario”.

“Anch’io ne sono convinto, ma le tue speranze sono solo una possibilità tra tante”, disse Slava Surikov. “Ti sei letto sicuramente tutto Berdjaev, per questo sei imbevuto di pensiero utopico”.

“Non ho letto Berdjaev”, obiettò per la prima volta Mitja Toporov al compagno erudito. “Abbiamo sezioni sportive in ogni scuola e un programma di preparazione atletica ben strutturato. Di questo passo i russi avranno presto talenti sufficienti per almeno quattro nazionali e saranno costretti a prendere la cittadinanza tedesca perché nella nostra squadra non ci sarà più posto”.

“Chissà quando accadrà...”

“Presto, compagni, bisogna solo pazienzare!”

Prima di accomiarsi, gli operai fecero delle foto ricordo con le studentesse. Messo da parte il succo di sedano, le ragazze chiesero gentilmente il permesso di ritrarsi insieme al popolo operaio, per farne poi un vanto con le amiche sui social.

Andando verso casa Seliverstov si fermò al supermercato a comprare una baguette e il gior-

По пути домой Селиверстов купил в универмаге багет и вечернюю газету. В магазине Леонид стал свидетелем трогательной сцены, как юноша в футболке с изображением космонавтов уступил место в очереди старушке и вдобавок вызвался донести ее сумки до дома.

Перед сном на Селиверстова напала смутная тревога. Злые языки шептали, что все не бывает так хорошо и гладко, что впереди, согласно диалектическим законам, непременно поджидают подвохи, разочарования, падения. Переживания вертелись вокруг чего-то тревожного и непроященного, чему и имени дать нельзя. Усилием воли Леонид отогнал коварные мысли и заснул. Завтра он не пропустит будильник.

nale della sera. Al negozio Leonida fu testimone di una scena toccante: un giovane con astronauti stampati sulla maglia cedette il posto in fila a una vecchina e si offrì per giunta di portarle le borse della spesa fino a casa.

Prima di addormentarsi Seliverstov fu assalito da una sensazione di inquietudine. Cupi mormorii suggerivano che non tutto sarebbe stato sempre così bello e semplice, che il futuro, in accordo alle leggi della dialettica, avrebbe riservato ineluttabili insidie, delusioni, cadute. Le emozioni vorticavano intorno a qualcosa di inquietante e oscuro, a cui non era possibile dare un nome. Con uno sforzo di volontà Leonida scacciò i cattivi pensieri e si addormentò. Il giorno dopo non si lascerà sfuggire il suono della sveglia.

Отзыв о рассказе

Текст Булата Ханова на самый первый читательский взгляд является очередной вариацией на тему современной утопии. Этот древнейший жанр сложен в силу своей крайней ригористичности, да и читатель не жалуется на него, полагая, что все утопические тексты похожи друг на друга, главным образом, из-за обязательного описания идеального общества и полного отсутствия противостояния и конфликта. Автор четко соблюдает оба правила, как например, в описании стандартной дорожной ситуации:

«На светофоре их едва не подрезал лихач, который ударил по газам на красный. – Бедолага! – сочувственно произнес таксист, – Спешит, наверное».

Бригадир Селиверстова высказывается как скромный творец идеального общества:

«Устав уставом, а человек превыше всего, – сказал Купцов. – За организмом надо следить. Чем дольше сохраняешь здоровье, тем больше обществу послужишь».

Но ведь здесь есть что-то, что не дает нам оторваться от рассказа, крепко соединяя читателя с персонажами и положениями. Это особенное умение Б. Ханина посмеяться над придуманной им самой ситуацией и заставлять смеяться читателя. Этот текст сделан мастерски, его стиль, динамика, легкость повествования разбивают устойчивые каноны утопии, которая должна быть прежде всего серьезной. Ближе к финалу автор приводит нас к смутному ощущению силы, превосходящей идеал:

«Перед сном на Селиверстова напала смутная тревога. Злые языки шептали, что все не бывает так хорошо и гладко, что впереди, согласно диалектическим законам, непременно поджидают подвохи, разочарования, падения. Переживания вертелись вокруг чего-то тревожного и непроясненного, чему и имени дать нельзя. Усилием воли Леонид отогнал коварные мысли и заснул. Завтра он не пропустит будильник».

Мы оставляем главного героя спать в его утопическом мире. Он не проспит будильник, но мы еще сильнее устремимся к подлинной жизни, именно к тому самому, непроясненному, чему нельзя дать имени.

Елена Пастернак

Nota critica

A una prima lettura il testo di Bulat Chanov può sembrare l'ennesima variazione sul tema dell'utopia moderna. Questo genere antichissimo si caratterizza per il suo estremo rigore, perdipiù il lettore non lo vede di buon occhio poiché presuppone che tutti i testi utopici si somiglino, soprattutto per via della descrizione obbligatoria di una società ideale e la completa assenza di elementi di opposizione e conflitto. L'autore rispetta chiaramente entrambe le regole, come si può notare per esempio nella descrizione di una tipica situazione urbana:

«Al semaforo per poco non li falciava uno spericolato che andava a tutto gas col rosso.

“Povero disgraziato!” disse il tassista con compassione. “Ha fretta, probabilmente”».

Il capo della squadra di Seliverstov si erge a modesto artefice della società ideale:

«“Va bene rispettare le regole, ma la salute viene prima di tutto. Bisogna prendersi cura del proprio corpo. Più ti mantieni in salute e più potrai servire la comunità”».

E dopotutto c'è qualcosa che ci tiene avvinti al racconto, unendo saldamente il lettore ai personaggi e ai loro stati d'animo. Questa è la capacità straordinaria di Chanov, che sorride delle situazioni da lui stesso inventate e costringe il lettore a sorriderne. Questo testo è composto in maniera magistrale: lo stile, l'andamento, la semplicità della narrazione rompono i canoni ben saldi dell'utopia, che si vuole innanzitutto seria. Nel finale l'autore ci lascia presagire la sensazione inquietante di una forza che supera l'ideale:

«Prima di addormentarsi Seliverstov fu assalito da una sensazione di inquietudine. Cupi mormorii suggerivano che non tutto sarebbe stato così bello e semplice, che il futuro, in accordo alle leggi della dialettica, avrebbe riservato ineluttabili insidie, delusioni, cadute. Le emozioni vorticavano intorno a qualcosa di inquietante e oscuro, a cui non era possibile dare un nome. Con uno sforzo di volontà Leonida scacciò i cattivi pensieri e si addormentò. Il giorno dopo non si lascerà sfuggire il suono della sveglia». Lasciamo il protagonista dormire nel suo mondo utopico. Non sentirà la sveglia, mentre noi ci dirigeremo ancora più decisi verso una vita autentica, proprio verso quel qualcosa di “oscuro” a cui non è possibile dare un nome.

Elena Pasternak

Биография

Булат Ханов родился в г. Казань в 1991 году. Окончил Казанский федеральный университет по специальности «Филология. Русский язык и литература в межнациональном общении». В 2016 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советский дискурс в современной русской прозе». Пишет прозу, эссеистику, литературоведческие статьи. Публиковался в сборнике «Молодые писатели России» (2012, 2016), журнале «Дружба народов», вел авторскую колонку в журнале «Идель» (2012–2014). В 2016 году Стипендиат Фонда СЭИП. Участник Форумов молодых писателей (2011, 2014, 2015).

Biografia

Bulat Chanov è nato nel 1991 a Kazan'. Si è laureato all'Università federale di Kazan in Filologia. Lingua e letteratura russa per la comunicazione internazionale. Nel 2016 ha discusso la tesi di dottorato dal titolo *Il discorso sovietico nella prosa russa contemporanea*. Scrittore di prosa, saggistica e saggi di teoria della letteratura. Sue opere sono state pubblicate nella raccolta *Giovani scrittori della Russia* (2012, 2016) e sulla rivista "Druzhba narodov". Ha diretto la colonna autoriale della rivista "Idel'" (2012-2014). Nel 2016 è borsista della Fondazione SEIP. Membro del Forum dei giovani scrittori (2011, 2014, 2015).

Ирина Михайлова

Перевод на итальянский язык Роберты Салы

Irina Michajlova

Traduzione in italiano di Roberta Sala

Я СЛЫШУ!

Ира помнит свой первый звук так, как многие помнят свое первое слово. Они шли с мамой через железнодорожные пути – переходили по опасному переходу на другую сторону. Мама шла чуть впереди, а маленькая Ира сразу за ней. Вдруг Ира услышала шум. Поезд! Мама шла, не замечая его. А он был уже совсем рядом. Тогда Ира закричала. Так пронзительно она закричала первый раз в своей жизни:

– Мама!

Мама обернулась. Она не слышала, но обернулась. Вибрация или чутье. Она обернулась. И остановилась.

Поезд с грохотом пронесся мимо, а Ира стояла, смотрела ему вслед и не могла пошевелиться от вдруг нахлынувших на нее чувств и звуков.

Мама может выговорить ее имя – «Ира». Получается непохоже – «Ырра».

На языке жестов – зажатая ладонь с двумя прямыми пальцами (мизинцем и безымянным), зажатая ладонь с тремя пальцами (мизинцем, безымянным и указательным) и зажатые полностью пальцы. Всего три движения рукой. Родители назвали ее так, потому что знали, что их дочери придется с ранних лет выучить эти три движения, ведь дети любят называть свое имя...

Но Ира родилась слышащей.

Она знает, как сложно выучить язык жестов. Как трудно составлять слова, с непривычки болят пальцы, словно от игры на гитаре. Как тяжело понимать и различать эти жесты у другого человека. Но она старалась, ведь родителям произносить одно-единственное слово гораздо сложнее, но они произносят.

– Интернат до семи, – беззвучно говорит мама и показывает семь пальцев.

Ира кивает. В специальном интернате учится и живет ее младшая сестра Арина. Она в третьем классе. Ира забирает ее каждое воскресенье днем, гуляет с ней, а

IO SENTO!

Ira ricorda il suo primo suono proprio come molti ricordano la loro prima parola. Camminava sui binari con sua mamma – stavano attraversando un passaggio pericoloso per andare dall'altra parte. La mamma era poco più avanti, e la piccola Ira appena dietro di lei. D'un tratto Ira sentì un rumore. Il treno! La mamma andava avanti, non se n'era accorta. E il treno era ormai molto vicino. Allora Ira strillò. Fu la prima volta in vita sua che Ira strillò così forte.

– Mamma!

La mamma si girò. Non ci sentiva, ma si girò. La vibrazione, forse l'istinto. Si girò. E si fermò.

Il treno passò sfrecciando con fragore, e Ira stava lì, lo seguiva con lo sguardo, senza riuscire a muoversi per le sensazioni e i suoni che all'improvviso l'avevano assalita.

La mamma riesce ad articolare il suo nome – «Ira». Le viene diverso – «Yrra».

Nella lingua dei segni: il palmo chiuso a pugno con due dita distese (il mignolo e l'anulare), il palmo chiuso a pugno con tre dita (il mignolo, l'anulare e l'indice) e un pugno tutto chiuso. In totale, tre movimenti della mano. I suoi genitori l'avevano chiamata così perché sapevano che la loro figlia avrebbe dovuto imparare fin da piccola questi tre movimenti, ai bambini piace dire il proprio nome...

Ma Ira è nata udente.

Sa com'è complicato imparare la lingua dei segni. Com'è difficile comporre le parole, le dita fanno male se non si è abituati, proprio come quando si suona la chitarra. Com'è faticoso capire e distinguere questi gesti fatti da un'altra persona. Ma lei si sforzava, dopotutto per i suoi genitori pronunciare anche una sola parola era molto più complicato, però loro lo facevano.

– Collegio entro le sette, – dice la mamma senza emettere suoni, e mostra sette dita. Ira annuisce. La sua sorellina più piccola, Arina, studia e vive in un collegio speciale. Fa la

вечером отводит назад. Арине не повезло – она родилась, как и предсказывали все, глухонемой.

Ира как-то спросила маму:

– Что значит ничего не слышать?

Мама закрыла уши руками и опустила голову низко-низко. Ира попыталась сделать так же, но у нее закружилась голова. Потом, в ванной, она опускала голову в воду. И все звуки вокруг тут же стали глухо отдаваться где-то внутри. Нет, неправда, что глухие ничего не слышат. Они постоянно слышат. Это страшнее. Тишина – это покой. А они слышат непрекращающийся даже во сне гул.

А вдруг она тоже станет глухой? Ира никогда не спрашивала об этом. Только думала. Каждый день, каждый раз, когда приходила к врачу.

Каждый год ее смотрят. Каждый год они с мамой едут в больницу, не в поликлинику, а в самую настоящую больницу, где Иру долго смотрит серьезный врач. Он сначала заглядывает в уши специальным прибором, потом просит Иру отойти на несколько шагов и шепотом произносит цифры. Ира должна повторить то, что она услышит.

– Тридцать пять, – говорит врач.

– Тридцать пять, – повторяет Ира.

– Сорок четыре, – шепот становится тише.

– Сорок четыре.

– Шестьдесят три, – едва слышно.

– Шестьдесят три, – безошибочно слышит Ира.

Потом врач подносит к уху Иры прибор, который он называет камертон, стучит по нему пальцами и прикладывает к Ириной шее.

– Слышишь вибрацию?

Первый раз Ира очень испугалась. Чувствовать вибрацию – это хорошо или плохо? И осторожно, точно пробуя воду ногой, прошептала:

– Нет.

terza. Tutte le domeniche pomeriggio Ira va a prenderla, stanno un po' insieme, e di sera la riporta indietro. Arina non ha avuto fortuna – è nata, proprio come avevano previsto tutti, sordomuta.

Ira una volta aveva chiesto alla mamma:

– Cosa significa non sentire nulla?

La mamma si era tappata le orecchie con le mani e aveva piegato tanto tanto la testa. Ira aveva cercato di fare lo stesso, ma la testa aveva cominciato a girarle. Più tardi, nella vasca da bagno, aveva immerso la testa in acqua. E subito tutti i suoni circostanti avevano iniziato a riecheggiare sordi da qualche parte dentro di lei. No, non è vero che i sordi non sentono nulla. Sentono costantemente. È ancora più terribile. Il silenzio – è pace. Ma loro sentono un ronzio incessante persino nel sonno.

E se anche lei diventasse sorda? Ira non lo domandava mai. Ci pensava e basta. Ogni giorno, ogni volta in cui andava dal medico.

Fa una visita all'anno. Ogni anno va con la mamma in ospedale, non all'ambulatorio, ma in un ospedale vero, dove un medico serio le fa una lunga visita. All'inizio le esamina le orecchie con uno strumento apposito, poi chiede a Ira di allontanarsi di qualche passo e pronuncia dei numeri a bassa voce. Ira deve ripetere ciò che sente.

– Trentacinque, – dice il medico.

– Trentacinque, – ripete Ira.

– Quarantaquattro, – a voce ancora più bassa.

– Quarantaquattro.

– Sessantatré, – appena percettibile.

– Sessantatré, – Ira non ha esitazioni.

Poi il medico porta all'orecchio di Ira uno strumento, che lui chiama diapason, lo picchietta con le dita e lo avvicina al collo di Ira.

– Senti la vibrazione?

La prima volta Ira si spaventò molto. Sentire la vibrazione è un bene o un male? E con cautela, come se saggiasse l'acqua con un piede, sussurrò:

– Ты уверена? – спросил врач.

Он приложил камертон еще раз. Где-то в глубине Ира почувствовала легкий отзвук, точно только что пролетел комарик. Тогда она сказала громко и уверенно:

– Слышу.

В пятнадцать лет Ира впервые, уже без мамы, пришла к врачу.

– Тебе нужно следить за собой, – говорил он. – Избегай травм и громких звуков. Не простужайся. Поняла?

Он говорил с ней, как с маленькой, наклонившись к самому уху, и тогда Ира сказала:

– Я поняла. Я вас слышу.

– Ты слышишь, но не слушаешь, – сказал врач, – тебе очень повезло, и ты должна всегда помнить об этом.

– А я могу стать... – Ира не хотела произносить это вслух.

Врач промолчал.

Ира хорошо помнила, как однажды мама, когда кто-то в толпе задел маленькую Иру локтем и попал по голове, долго плакала и гладила ее уши. Она трогала их так, как будто видела первый раз. Ира говорила ей еще неуверенным детским голосом:

– Мам, все хорошо, мне совсем не больно.

Но мама все трогала ее уши, точно хотела убедиться, что они есть, что они не исчезли.

Арина родилась, когда Ире было шесть лет. А когда Ира перешла в третий класс, сестру отдали в интернат.

Ире сразу не понравилась эта школа. Когда они приехали оформлять Арину, директриса долго молча переговаривалась с мамой, а когда они все решили, уже вслух сказала секретарше:

– И ведь двоих родила. Зачем? Вся семья глухая. Муж тоже.

Тогда Ира обернулась и сказала:

– No.

– Sei sicura? – chiese il medico.

Avvicinò quello strumento un'altra volta. Da qualche parte nel profondo Ira avvertì un'eco lieve, come se fosse passata una zanzarina. Allora disse forte e sicura:

– La sento.

A quindici anni Ira andò dal medico per la prima volta senza la mamma.

– Devi avere cura di te, – le diceva lui. Evita i traumi e i suoni forti. Non prendere freddo. Hai capito?

Le parlava come se fosse piccola, vicino all'orecchio, e allora Ira disse:

– Ho capito. La sento.

– Tu ci senti, ma non ascolti, – disse il medico, – ti è andata molto bene, e devi sempre tenerlo a mente.

– Ma posso diventare... – Ira non voleva pronunciare quella parola ad alta voce.

Il medico restò in silenzio.

Ira ricordava bene che la mamma un giorno, quando qualcuno nella folla aveva urtato la piccola Ira con un gomito colpendola alla testa, aveva pianto a lungo accarezzandole le orecchie. Le toccava come se le vedesse per la prima volta. Ira le diceva con la voce ancora incerta di una bambina:

– Ma', sto bene, non mi fa per niente male.

Ma la mamma continuava a toccarle le orecchie, come se volesse accertarsi che c'erano, che non erano sparite.

Arina era nata quando Ira aveva sei anni. E quando Ira aveva cominciato la terza, sua sorella era entrata in collegio.

Di primo acchito a Ira quella scuola non piacque. Quando andarono a iscrivere Arina, la direttrice conversò a lungo con la mamma in silenzio, e, dopo che ebbero definito tutto, disse ad alta voce alla segretaria:

– Due ne ha messe al mondo. Perché? Sono tutti sordi in famiglia. Anche il marito.

Allora Ira si voltò e disse:

– Не вся.

В коридорах интерната очень тихо. Около каждой двери в класс сверху лампа, как при врачебном кабинете, и вместе со звонком на урок она загорается.

А на уроках наоборот шумно, хотя в классе всего шесть человек. Учительница все время говорит, говорит, говорит. Одни и те же слова, и дети, кто может, повторяет за ней.

Ира как-то подсмотрела урок – над дверями кабинетов прозрачные окошки.

Дети сидели на стульчиках, но не за партами, а друг за другом, изображая вагончики поезда. Держали в руках игрушки, у каждого своя: волк, заяц, лиса... Арине досталась маленькая кукла. У доски стояли карточки с названиями игрушек.

Учительница неестественно громко и четко выговаривала: «Волк». И тот, у кого в руках волк, должен был подойти к табличке с соответствующей надписью и положить свою игрушку рядом.

Затем другое животное – «заяц» – и хозяин зайца выходил к своей табличке.

Так продолжалось очень долго, потому что никто не мог понять с первого раза. И приходилось много раз твердить одно и то же слово по слогам, громко: «лиса», «ли-са», «ЛИСА!»

В Ириной школе у учителей не было столько терпения. Они злились, ругались, если кто-то начинал разговаривать на уроке. Писали замечания. У Иры весь дневник исписан: «разговоры на уроке», «болтает на контрольной работе», «постоянно говорит в классе». А здесь, если бы кто-то вдруг заговорил, пусть даже на контрольной, учителя были бы только рады.

Ира с ужасом ждала, когда учительница скажет «кукла». Но Арина быстро вскочила, положила свою куклу, пригладила ей зачем-то волосы и убежала обратно.

– За сестрой? – спрашивает охранник.

Иру здесь уже все знают. Еще бы, единственный слышащий ребенок в семье глухонемых!

– Они в музыкальном. Танцы у них.

– Non tutti.

Nei corridoi del collegio c'è un gran silenzio. Sopra alla porta di ogni classe c'è una luce, come negli studi medici, che si accende quando suona la campanella della lezione.

E invece durante le lezioni c'è rumore, anche se in classe sono solo in sei. La maestra continua a parlare, parlare, parlare. Sempre le stesse parole, e i bambini che riescono le ripetono dopo di lei.

Ira una volta sbirciò in classe – sulla porta delle aule ci sono delle finestrelle trasparenti. I bambini erano seduti sulle loro seggioline, ma non c'erano banchi, erano uno dietro l'altro, disposti come i vagoncini di un treno. Avevano in mano dei giocattoli, ognuno il suo: un lupo, una lepre, una volpe... Ad Arina era toccata una bambolina. Alla lavagna c'erano dei cartoncini con il nome dei giocattoli.

La maestra diceva a voce alta, innaturale, scandendo le sillabe: «Lupo». E chi aveva in mano il lupo doveva avvicinarsi alla targhetta con la scritta corrispondente e posare il proprio giocattolo vicino.

Poi un altro animale – «lepre» – e il proprietario della lepre raggiungeva la sua targhetta. Si andava avanti così per molto tempo, perché la prima volta nessuno riusciva a capire. E bisognava ridere la stessa parola varie volte, sillabandola, a voce alta: «volpe», «vol-pe», «VOLPE!»

Nella scuola di Ira gli insegnanti non avevano così tanta pazienza. Si arrabbiavano, urlavano se qualcuno si metteva a chiacchierare durante la lezione. Davano le note. Il diario di Ira era tutto pieno di: «chiacchiera durante la lezione», «disturba durante la verifica», «parla di continuo in classe». Invece qui, se qualcuno di colpo si fosse messo a parlare, magari anche durante una verifica, gli insegnanti sarebbero stati solo contenti.

Ira aspettava con terrore che la maestra dicesse «bambola». Ma Arina balzò prontamente in piedi, posò la sua bambola, chissà perché le liscì i capelli e corse indietro.

– Sei venuta a prendere tua sorella? – chiede il guardiano.

Ormai Ira qui la conoscono tutti. Per forza, è l'unica bambina che ci sente in una famiglia di sordomuti!

Музыкальный класс в самом конце коридора. Он чуть больше обычного кабинета и там, как в балетной школе, висит по всей стене зеркало.

– Раз! Два! – кричит учительница.

Дети поднимают руки и опускают, потом кладут их на пояс и делают наклоны.

Ира стоит в дверях и смотрит.

– Позвать? – опять спрашивает охранник.

Ира вертит головой:

– Пусть потанцует.

Арина любит танцевать. Она кружится в тишине под неслышную никому, кроме нее, музыку. Когда Ира увидела это первый раз – испугалась. В абсолютной тишине Арине кружилась в танце.

В классе заиграла современная веселая песня и все стали танцевать, точно слышали ее так же, как и сама Ира. Может быть, даже лучше.

Арина кружилась, кружилась. Заметила сестру.

– Гулять пойдем или еще потанцуешь? – спрашивает Ира жестами.

– Пойдем.

Сестры садятся на лавочку в парке, Ира достает шоколад, который Арине нельзя, но который она очень любит.

– У меня самый лучший рисунок, – хвалится Арина.

– Хочешь стать художником?

Арина мотает головой.

– А кем? Танцовщицей?

Краснеет.

– Может, балериной?

Арина слегка толкает Иру в плечо. Надулась. Обиделась на балерину.

– Ну ладно, не обижайся. Пойдем на качели.

Арина бежит первая, забирается на качели, а Ира ее раскачивает высоко-высоко.

Арина смеется. Громко, в голос, на весь парк.

Sono nell'aula di musica. Hanno lezione di ballo.

L'aula di musica è l'ultima in fondo al corridoio. È un po' più grande delle aule normali e, come nelle scuole di danza, un'intera parete è occupata da uno specchio.

– Uno! Due! – grida la maestra.

I bambini alzano le braccia e le abbassano, poi le portano alla vita e fanno un inchino.

Ira sta sulla porta e guarda.

– La chiamo? – domanda di nuovo il guardiano.

Ira scrolla la testa.

– Lasciamola ballare.

Ad Arina piace ballare. Volteggia nel silenzio sulle note di una musica che nessuno, tranne lei, può sentire. Quando Ira la vide per la prima volta – si spaventò. Nel silenzio più assoluto Arina volteggiava a passo di danza.

In classe partì una canzone recente dal ritmo vivace e tutti cominciarono a ballare, sembrava che la sentissero proprio come Ira. Forse anche meglio.

Arina volteggiava, volteggiava. Si accorse di sua sorella.

– Andiamo a fare un giro o balli ancora un po'? – chiede Ira con i segni.

– Andiamo.

Le sorelle si siedono su una panchina nel parco, Ira tira fuori il cioccolato, che ad Arina è proibito, ma che le piace tanto.

– Ho fatto il disegno più bello, – si vanta Arina.

– Vuoi diventare una pittrice?

Arina scuote la testa.

– E cosa vorresti fare? La danzatrice?

Arrossisce.

– La ballerina, ti piacerebbe?

Arina dà un colpetto a Ira sulla spalla. Ha messo il muso. Si è risentita per la ballerina.

– E dai, non prendertela. Andiamo sull'altalena.

Arina corre davanti, sale sull'altalena, e Ira la spinge in alto in alto.

Ира раскачивает и раскачивает, качели летят все выше и выше. Голос Арины все громче и громче.

Иногда так хочется поговорить с мамой. Не этими однообразными жестами, а просто сказать:

– Мам, я не знаю, куда мне идти дальше учиться. На выпускной платье надо надевать, а я не хочу. Учителя цепляются. Почему ты родила меня? Ведь ты же знала... Знала... А Арина? Как она будет жить? А если я умру, как вы все будете без меня? Но Ира ничего этого не говорит. Она просто слушает. Сейчас – как смеется сестра. А вечером, дома, как тихо-тихо откроется входная дверь, как неслышно поставится зонтик, как коротко и звонко будут брякать ключи.

Мама всегда заходит к Ире на ночь. Она садится к ней на кровать, обнимает ее. Долго-долго беззвучно говорит. Ира ее слушает. И слышит.

А мама слышит ее.

Arina ride. Forte, a piena voce, per tutto il parco.

Ira continua a spingerla, l'altalena vola sempre più in alto. La voce di Arina è sempre più forte.

A volte ha davvero voglia di parlare alla mamma. Non con quei segni ripetitivi, ma semplicemente dire:

– Ma', non so dove andare a studiare dopo. Alla festa del diploma bisogna mettersi il vestito, e io non voglio. Gli insegnanti ce l'hanno con me. Perché mi hai messa al mondo? Eppure lo sapevi... Lo sapevi... E Arina? Come vivrà? E se io muoio, come farete tutti voi senza di me?

Ma Ira non dice nulla di tutto ciò. Si limita ad ascoltare. Adesso – sua sorella che ride. E la sera, a casa, la porta d'ingresso che si apre piano piano, l'ombrello posato senza far rumore, il tintinnio rapido e sonoro delle chiavi.

La mamma passa sempre da Ira prima di andare a dormire. Si siede sul suo letto, la abbraccia. Parla molto a lungo senza emettere suoni. Ira la ascolta. E la sente. E la mamma sente lei.

Отзыв о рассказе

«Я слышу!» – небольшой текст о жизни обычной и внешне ничем не приметной девочки Иры в семье глухонемых, описывающий несколько бытовых эпизодов.

Ежегодные врачебные проверки и попытки разобраться, что значит ничего не слышать, раздумья о будущем, своем и родителей, о судьбе глухонемой младшей сестры, с которой, как и с отцом и матерью, она общается на языке жестов. Навсегда залегший в глубине памяти драматический случай, когда мать едва не попала под колеса мчащегося поезда, не слыша их грохота. Две-три фразы прямой речи учителей, характеризующие «взрослое» восприятие происходящего...

Событийная фактура обыденной жизни тематически, композиционно и стилистически умело выстроена автором таким образом, что без оценочной сентиментальности через своеобразный эстетический минимализм, точный подбор эмоциональных штрихов и отдельных деталей, достоверную передачу личностных чувств, жестов и ощущений на пятистраничном художественном пространстве создается текст с глубоким подтекстом, позволяющим читателю соотнести собственные бесценные дары говорения и слушания с особым миром и внутренней жизнью глухонемых, мимо которых мы, как правило, равнодушно проходим, ни имея ни желания, ни способности его воспринимать и слышать, т.е. понимать и сочувствовать, сострадать и сопереживать. Все это дает возможность подумать о том, как используются эти бесценные дары в современной индивидуализированной и эгоизированной действительности, когда люди зачастую не только бессильны «достучаться» до сердец и умов других, но и становятся все более глухонемыми в общении между собой.

Борис Тарасов

Nota critica

Io sento! è un breve testo che descrive, attraverso alcuni episodi quotidiani, la vita normale e all'apparenza irrilevante di una bambina di nome Ira nella sua famiglia di sordomuti.

I controlli medici annuali e i tentativi di comprendere che cosa significhi non sentire nulla, le riflessioni sul futuro, il suo e quello dei genitori, e sulla sorte della sorellina sordomuta, con la quale, così come con il padre e con la madre, comunica attraverso il linguaggio dei segni. Il momento drammatico, per sempre impresso nel profondo della sua memoria, in cui la madre per poco non finisce sotto le ruote di un treno in corsa, poiché non l'ha sentito avvicinarsi. Due o tre frasi di discorso diretto pronunciate dagli insegnanti, che definiscono la percezione "adulta" delle vicende...

L'autrice assembla abilmente la struttura degli eventi di vita quotidiana, dal punto di vista sia tematico, che compositivo e stilistico, cosicché, nello spazio artistico di cinque pagine, senza alcun sentimentalismo di valutazione, tramite un originale minimalismo estetico, una precisa scelta dei tratti emotivi e dei singoli particolari, la comunicazione veritiera delle emozioni individuali, dei gesti e delle sensazioni, ha origine un testo dal profondo significato nascosto. Il lettore ha l'opportunità di mettere in relazione l'inestimabile dono della parola e dell'udito con il peculiare mondo dei sordomuti e la loro vita interiore. Di solito, ci troviamo a passare loro accanto con indifferenza, senza né il desiderio, né la capacità di percepire e sentire questo mondo, ossia di capire e mostrare solidarietà, di provare compassione ed empatia. Tutto ciò ci offre la possibilità di riflettere sul modo in cui tali doni inestimabili sono usati nella realtà contemporanea, dominata dall'individualismo e dall'"ego", dove le persone spesso non solo non sono in grado di "raggiungere" il cuore e la mente altrui, ma diventano anche sempre più sordomute nel dialogo con i loro simili.

Boris Tarasov

Биография

Ирина Михайлова родилась в г. Люберцы Московской области. Окончила Литературный институт им. Горького (семинар прозы А.Е. Рекемчука). Работает учителем русского языка и литературы в Москве. Публиковалась в журналах «Пролог», «Союз писателей», «Зеленый бульвар», «Кольцо А» и др., литературных альманахах «Пятью пять», «ЛитКульт» и др. Член Союза писателей Москвы. Лауреат Форума молодых писателей в Липках.

Biografia

Irina Michajlova è nata nella città di Ljubercy, nella regione di Mosca. Laureatasi presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (dove ha frequentato i seminari sulla prosa di A.E. Rekeščuk), attualmente insegna lingua e letteratura russa a Mosca. Ha pubblicato su varie riviste, tra cui "Prolog", "Sojuz pisatelej", "Zelenyj bul'var", "Kol'co A", e, tra gli altri, sugli almanacchi letterari *Pjat'ju pjat'*, *LitKul't*. Membro dell'Unione degli Scrittori di Mosca, ha vinto il premio del Forum dei giovani scrittori di Lipki.

Тимур Сазонов

Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Timur Sazonov

Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

КУЛАК

Африканская чума пришла в край и свиньи заполыхали по хуторам. Крик и вой поднялся по округе. Визжали свиноматки, среди бела дня оттаскиваемые от поросят и сытного пойла, тоскливо ревели хряки, предчувствуя скорую смерть. Бабы выли от непонимания и обиды.

– Жить–то нам на что теперь?! Жить на что, фашисты?! Куда без свиньи на дворе? – в отчаянии голосили хозяйки, кидаясь на проходящих ветеринаров.

Но те лишь методично изымали свиней и бубнили: «Карантин есть карантин». А потом кололи животным яд, подцепляли туши экскаватором и свозили на край села сжигать и закапывать. Дым застилал небо, вонь от хлорки и паленого мяса еще долго стояла над поселками.

Неслыханная, страшная болезнь, АЧС, появилась в крае два месяца назад, по весне. Занесли ее дикие кабаны откуда–то из–за границы, так сказали по телевизору. Заражение распространялось мгновенно. От заморской чумы свиньи переставали есть, покрывались фиолетовыми пятнами и подыхали в муках. Лечить их было бессмысленно, только блокада и полное уничтожение, причем под раздачу попадали и больные, и здоровые: все, что в радиусе 10–15 километров имело пятачок и хрюкало.

Не миновала эта чаша и Маньков хутор.

Тревожным холодком по дворам плеснуло уже с утра: к сельской администрации подкатили несколько машин, оттуда вышли люди в пиджаках и быстро скрылись за дверью. Кто–то углядел среди них главного районного ветеринара, человека сурового и способного к компромиссам только за крупные взятки. А в десять часов на площадке у дома культуры объявили общий сход и бледный глава поселения Рожков официально сообщил: в ЗАО «Советское», недалеко отсюда, произошел падеж свиней. Патологический материал отправлен на анализ, сомнений нет – африканская чума.

– И теперь, вы знаете... В целях безопасности, – запинаясь, говорил Рожков. За его

IL KULAK

Nel paese giunse la peste suina africana e nei *chutor* si cominciarono a bruciare i maiali. Urli strazianti si levarono nel circondario. Le scrofe strillavano, trascinate via senza riguardo dai lattonzoli e dal pastone abbondante, i maschi mugghiavano angosciati, presentando una rapida morte.

– E adesso di cosa vivremo? Di cosa, fascisti? Come faremo senza maiali nelle stalle? – si lamentavano disperate le donne, scagliandosi contro i veterinari che arrivavano. Ma quelli si limitavano a requisire in modo metodico i maiali e balbettavano: “È la quarantena”. Ma poi facevano iniezioni letali alle bestie, agganciavano le carcasse con l’escavatore e le trasportavano ai margini del villaggio per bruciarle e sotterrarle. Il fumo offuscava il cielo, il tanfo di cloruro di calcio e di carne bruciata gravava incessante sui centri abitati.

L’inaudita, strana malattia, la PSA, era comparsa nel paese due mesi prima, in primavera. Alla televisione era stato detto che l’avevano portata i cinghiali da oltreconfine, da chissà dove. L’infezione si era diffusa in un attimo. A causa della peste straniera i maiali non mangiavano più, si ricoprivano di macchie viola e crepavano fra i tormenti. Tentare di curarli era assurdo, l’unica era isolare l’epidemia ed eliminare tutti i capi, sia quelli sani, sia quelli malati: tutti quelli che nel raggio di dieci, quindici chilometri grufolavano e grugnivano.

La casa colonica dei Man’kov non fu risparmiata da tale sventura.

Un brivido inquieto aveva percorso i cortili già dalla mattina: all’ufficio dell’agricoltura erano arrivate alcune auto da cui erano scesi uomini in giacca che erano subito spariti dietro la porta. Qualcuno vi scorse il veterinario capo della regione, un uomo tutto d’un pezzo, disposto a scendere a compromessi solo in cambio di consistenti mazzette. Ma alle dieci sulla piazzetta davanti alla casa della cultura fu convocata un’assemblea pubblica e il pallido capo della colonia Rožkov dichiarò ufficialmente che non lontano da lì, nell’azienda “Sovetskoe”, si era verificata una moria di maiali. Del materiale infetto era stato sottoposto ad analisi e non vi erano dubbi: peste africana.

– E adesso, sapete... Per ragioni di sicurezza, – diceva Rožkov balbettando. Dietro di lui in effetti stavano il veterinario provinciale, oltre al poliziotto di quartiere e al capo del centro operativo per

спиной и впрямь стоял районный ветеринар, а еще участковый и начальник местного штаба ГО и ЧС. – В карантинных целях... Все поголовье в угрожаемой зоне надо ликвидировать. Свиноводство под ударом... Важнейшая отрасль, сотни предприятий. Восьмая вспышка за последнее время. Сами понимаете...

Но народ не дал договорить.

– Ни хрена мы не понимаем! У нас все свиньи здоровые! Хай у себя палят, если им надо! – заорал с места какой-то мужик.

И дальше уже понеслось без разбора.

– Вам, живодерам, только и надо, чтоб нас в одну кучу сгарнуть! Вместе со свиньями!

– Не пуцу на двор!

– Разорители!

– Понастроили мясокомплексов, а теперь мы конкуренты!

Глава поселения нервно оглянулся на стоявших сзади:

– Послушайте, не надо политизировать...

Ветеринар откашлялся, отодвинул главу и решительно вышел вперед. Хуторяне притихли.

– Значит так, кто не понял – объясняю! – гаркнул он. – АЧС – вирус контагиозный, то есть крайне заразный. Он не опасен для человека, но для свиньи смертелен.

– А если сам человек – свинья? – пробурчал кто-то в толпе.

Но говорившего тут же хлопнули по макушке.

– ... Страна может остаться вообще без мяса! А потому всякому, кто сокроет хоть одну свинью, грозит штраф или уголовная ответственность! Проверим все дворы! Это прямое указание из Москвы. Государственная задача. И мы ее выполним! Насчет убытков не беспокойтесь, за каждую тушу вам выплатят компенсацию.

– Знаем мы ваши компенсации! – крикнула в ответ одна баба. – На рынке я за килограмм свинины по 250 рублей получу! А вы по сотне оцениваете и потом еще ждать их три месяца!

Но ее слова потонули в общем гуле.

la difesa cittadina e le emergenze straordinarie. – Per la profilassi... Bisogna sopprimere tutti i capi nell'area a rischio. L'allevamento bovino è minacciato... Il settore più importante, centinaia di imprese. L'ottavo focolaio nell'ultimo periodo. Capite da soli...

Ma la gente non lo lasciò finire.

– Non capiamo proprio un cavolo! Tutti i nostri maiali sono sani! Si brucino i loro, se vogliono! – gridò qualcuno dal suo posto.

E seguì una pioggia di insulti di ogni genere.

– Voi, strozzini, volete metterci tutti in un unico mucchio! Insieme coi maiali!

– Nella mia stalla non ci entrate!

– Ladri!

– Hanno costruito un nuovo allevamento e noi gli facciamo concorrenza!

Il capo della colonia si voltò nervosamente verso chi gli stava dietro:

– Calma, non buttiamola in politica....

Il veterinario si schiarì la gola, scostò il capo della colonia e si fece avanti con decisione. I coloni si azzittirono.

– Forse non vi è chiaro, ve lo rispiego! – urlò. – La PSA è un virus contagioso, estremamente infettivo. Non è pericoloso per l'uomo, ma è mortale per i maiali.

– E se è l'uomo a essere un maiale? – borbottò qualcuno nella folla.

Ma chi aveva parlato si prese un ceffone sulla nuca.

–... Il paese può rimanere completamente senza carne! Perciò chiunque occulterà anche solo un maiale, rischia una sanzione o un processo penale! Controlleremo tutte le stalle! L'ordine viene direttamente da Mosca. È una questione nazionale. E tutti noi la affronteremo! Non vi preoccupate dei danni economici, riceverete un indennizzo per ogni animale soppresso.

– Li conosciamo i vostri indennizzi! – gli rispose una vecchia gridando. – Al mercato prendo 250 rubli per un chilo di carne! Voi me ne date cento, e mi tocca pure aspettare tre mesi!

Ma le sue parole si persero nel boato generale.

L'assemblea durò un'altra mezz'ora e si concluse all'improvviso. Il veterinario fece un cenno con la mano e da un furgone dietro l'angolo saltarono giù uomini in camice bianco. Arrivò un escavatore

Сход продолжался еще с полчаса и завершился внезапно. Ветеринар махнул кому-то рукой и из фургона за углом выскочили люди в белых халатах. Подъехал замызганный, в пятнах, экскаватор. Бабы зарыдали и бросились по домам. Мужики схватились за головы, началось изъятие.

– Уведите отсюда детей! – умолял глава Рожков.

Через несколько часов забой кончился. Стены сараев и пол во дворах были обильно политы дезраствором. Полсотни свиных трупов сбросили в грузовик и накрыли брезентом. На некоторых яд действовал не сразу: валяясь в кузове, свиньи механически подергивали задними ногами и тихо взвизгивали.

В хуторе Маньков оставалось последнее место, куда еще не заехали дезинфекторы.

Фермерское подворье Василия Марухно находилось за хутором, среди полей. Причин тому было две.

Во-первых, санитария: Марухно держал самое большое в Маньковом поголовье свиней. Пять десятков крепких толстозадых маток и поросят толклись на огороженной площадке, в центре которой стоял грязный кирпичный свинарник. Чуть поодаль располагался дом, рядом с ним туалет и обширный сарай. Под самодельным навесом прятался трактор.

Во-вторых, Марухно был, что называется, единоличник по роду и по характеру. Его прадед, Лаврентий Никифорович, до революции имел здесь небольшое хозяйство, держал коров и лошадей. В 1930 году он отказался вступать в колхоз и его, конечно, раскулачили. Всю семью от мала до велика вывезли в телячьем вагоне за Урал, на строительство сталелитейного завода. В ссылке прадед, по семейным рассказам, страшно похудел, стал нелюдим, но тяжелую лопатную работу поначалу тянул – сказалась крестьянская привычка к надсаде. Все надеялся, что простят и отпустят «до своей земельки». Хватило его на пять лет: в 1935 году прадед слег с чахоткой и уже не встал с постели. Перед смертью он завещал детям во чтобы то ни стало вернуться домой, в край. Получилось это только у отца Марухно, спустя тридцать с лишним лет. Во время «от-

sudicio, pieno di chiazze. Le donne scoppiarono a piangere e corsero verso le proprie case. Gli uomini si misero le mani nei capelli, iniziò la confisca.

– Portate via i bambini! – implorò il capo della colonia Rožkov.

Dopo alcune ore l'abbattimento fu concluso. Le pareti delle baracche e il pavimento dei cortili erano completamente impregnati di disinfettante. Una cinquantina di cadaveri furono gettati su un camion e coperti di tela catramata. Su alcuni il veleno non agiva subito: buttati sul cassone, i maiali scalciavano meccanicamente con le zampe posteriori ed emettevano guaiti sommessi.

Il *chutor* Man'kov era l'unico posto dove ancora non erano arrivati i disinfettori.

La fattoria di Vasilij Maruchno era situata fuori dal *chutor*, in mezzo ai campi. Per due motivi.

Il primo di carattere sanitario: Maruchno possedeva il numero più alto di capi suini a Man'kov. Cinque decine di lattonzoli e femmine robuste dai grossi sederi razzolavano sullo spiazzo recintato, al cui centro c'era uno sporco porcile di mattoni. Poco più in là era situata la casa con accanto il bagno e un'ampia baracca. Riparato sotto una tettoia fatta a mano c'era un trattore.

Il secondo, che Maruchno era un imprenditore agricolo per sangue e per indole. Il suo bisnonno, Lavrentij Nikiforovič, prima della rivoluzione possedeva qui una piccola azienda con vacche e cavalli. Nel 1930 si rifiutò di entrare nel kolchoz e, ovviamente, fu dekulakizzato. Tutta quanta la famiglia, grandi e piccoli, fu spedita oltre gli Urali in un vagone di vitelli, a lavorare alla costruzione di un'acciaieria. Al confino il bisnonno, secondo i racconti di famiglia, dimagrì in modo spaventoso, divenne un orso, ma all'inizio riuscì a reggere il pesante lavoro di vanga – si vedeva l'abitudine contadina alla fatica. Sperava di essere perdonato e rispedito “nel suo campicello”. Gli mancavano cinque anni: nel 1935 il bisnonno si ammalò gravemente di tisi e non si alzò più dal letto. In punto di morte espresse l'ultima volontà che, a qualunque costo, i bambini tornassero a casa, nel paese.

L'unico che ci riuscì fu papà Maruchno, dopo trent'anni e passa. Al tempo del “disgelo”, tornato dal militare, riportò i genitori nei luoghi d'origine del nonno. Anche la nonna era morta nello stesso periodo, e le zie si erano sparpagliate qua e là nel paese già al tempo della guerra.

Maruchno padre non era portato per il lavoro nel kolchoz e fu impiegato tutta la vita in una cittadina come capo magazziniere. Perciò, dopo il crollo dell'URSS, non gli toccarono quote di terra. E

тепели», отслужив в армии, он перевез родителей на дедовские места. Бабка к тому времени померла, а теток размотало по стране еще во время войны.

К колхозной работе Марухно–старший, понятно, склонности не имел и всю жизнь про-работал в поселке завмагом. А потому после развала СССР ему не досталось земельных паев. И когда Василий решил в начале 1990–х продолжить прерванную когда-то кре-стьянскую династию и стать фермером, начинать ему пришлось с нуля.

Дни его были тяжелы, а ночи полны дум и подсчетов.

Марухно сеял пшеницу и подсолнечник, но много ли насеешь на восьмидесяти гекта-рах, взятых в аренду! Начал разводить телят, но цена на молоко упала – заводы пред-почитали дешевое импортное сырье. Стадо ушло под нож.

Василий не терял надежды и, как прадед, был уперт. Помощи ниоткуда не ждал, обе-щаниям не верил.

– Хер вам! – говорил он неизвестно кому в свои самые трудные моменты. И добавлял то ли в шутку, то ли всерьез: – Кулака не одолеешь!

Наконец у него получилось, выручили свиньи. Среднерусские белые, которых Василий Иванович собственноручно отобрал на племрепродукторе и нежнейше доставил до свинарника, давали хорошие привесы и вкусное мясо. Свинина уходила на ура. Дела вроде пошли на лад и тут на тебе...

Однако чрезвычайную комиссию, добравшуюся до подворья уже после обеда, Марухно встретил спокойно.

– Ну здравствуй! – сказал, первым вылезая из «Нивы», районный ветеринар. – Слышал уже, что тут происходит?

Марухно мрачно кивнул:

– И слышал, и вдыхал... Кошмар. Людей жалко, и так на гроши живут.

– И мне жалко, ну а что я сделаю? Карантин есть карантин. Хотя бы ты не будешь ис-терику устраивать? А то народ с ума сходит, чуть не под машины бросаются...

Марухно махнул рукой в сторону фермы:

– Да у меня и свиней почти не осталось. Бог отвел, распродал три дня назад. Хлопцы

quando Vasilij, nei primi anni Novanta, prese la decisione di diventare agricoltore proseguendo la tradizione familiare che era stata interrotta, gli toccò ricominciare da zero.

Le giornate erano faticose, le notti piene di pensieri e conti.

Maruchno seminava grano e girasoli, ma quanto vuoi piantare in ottanta ettari presi in affitto! Iniziò ad allevare vacche, ma il prezzo del latte crollò; le aziende preferivano prodotti importati a costi inferiori. La mandria andò al macello.

Vasilij non perdeva la speranza e si mostrava caparbio come il bisnonno. Non si aspettava aiuti da nessuno, non credeva alle promesse.

– Fottetevi! – diceva non si sa a chi nei momenti più bui. E aggiungeva, un po' per scherzo, un po' seriamente: – Non si abbatte un kulak!

Alla fine ce la fece, lo aiutarono i maiali. I maiali bianchi della Russia centrale, che Vasilij Ivanovič in persona selezionò per la riproduzione e portò con dolcezza al porcile, davano buoni aumenti di peso e carne gustosa. La carne di maiale andava a ruba. Le cose sembravano aver preso la piega giusta ed invece...

Eppure Maruchno andò incontro alla commissione straordinaria giunta alla casa colonica subito dopo pranzo con molta calma.

– Salve! – disse il veterinario regionale, scendendo per primo dalla Lada Niva.

– Ha già sentito cosa succede?

Maruchno annuì cupo:

– Ho sentito, e ho pure sospirato... Un incubo. La gente mi fa pena, vive di poco.

– Anche a me, ma cosa posso farci? La quarantena è la quarantena. Almeno tu non farai scenate isteriche, vero? La gente è uscita di testa, per poco non si butta sotto le macchine....

Maruchno fece un cenno con la mano verso la fattoria:

– Di maiali a me quasi non ne sono rimasti. Grazie a dio li ho venduti tutti tre giorni fa. Sono venuti dei ragazzi con due furgoni e hanno preso quaranta capi. Ecco, ho alcuni maialini e dei maschi. Se lo sapevo, gli davo anche questi a metà prezzo.

– Be', ti conviene consegnargli, visto che avrai un indennizzo.

Maruchno mugugnò:

приехали двумя фурами и забрали сорок голов. Вот, поросят немного да хряки... Знал бы, что так выйдет, и тех бы за полцены отдал.

– Ну, считай отдашь, когда компенсация придет.

Марухно хмыкнул:

– Да уж, выгодная сделка.

Ветеринар немного подумал о чем-то, а потом повернулся к машинам и дал знак работникам: начинайте.

Через час тринадцать свиных туш погрузили в грузовик. Все это время Марухно стоял возле забора фермы, сжав кулаки, но в процесс не вмешивался. Рожков заполнял протокол изъятия.

– Ты прямо так спокоен. Удивительно, – сказал ветеринар, приближаясь и предлагая Марухно сигарету.

Фермер вытащил из кармана зажигалку. Пожал плечами:

– А что остается? Так и так заберете. Карантин.

Ветеринар покивал, глядя куда-то вдаль, в сторону дома.

Вдруг он бросил недокуренный бычок на землю и попросил:

– Василий Иваныч, а разреши-ка туалетом попользоваться. За весь день, клянусь, посрать ни разу не сходил.

Марухно настороженно посмотрел на ветеринара:

– Ну иди, какие вопросы.

И двинулся вслед за ним.

Но ветеринар пошел не в туалет. Резко ускорившись, он подбежал к сараю на заднем дворе и прислонил ухо к стене. А потом замахал руками:

– Давай мне ключ!

Собака на цепи зашла в бешеном лае.

Не выдержав, из дома выбежала жена Марухно. Больше на подворье никого не было, дети учились в городе.

– Что вы делаете! – закричала она. – Отойдите, это чужая собственность!

– Già, è un affare.

Il veterinario rimase un attimo a pensare, poi si voltò verso le macchine e diede il segnale: iniziate. Un'ora dopo trenta grossi maiali erano stati caricati sul furgone. Per tutto il tempo Maruchno era rimasto accanto alla recinzione dell'allevamento, a pugni stretti, senza però interferire nell'operazione. Rožkov compilò il verbale di confisca.

– Sei davvero tranquillo. Incredibile – disse il veterinario, avvicinandosi e offrendo a Maruchno una sigaretta.

L'agricoltore tirò fuori dalla tasca un accendino. Alzò le spalle:

– Potevo forse scegliere? Li avreste portati via comunque. È la quarantena.

Il veterinario annuì, gettando uno sguardo lontano, verso la casa.

D'un tratto buttò per terra il mozzicone non finito e chiese:

– Vasilij Ivanyč, posso usare il bagno? Ti giuro che oggi non ho trovato un attimo per pisciare.

Maruchno fissò il veterinario con diffidenza:

– Che domanda, vai pure.

E lo seguì.

Ma il veterinario non andò in bagno. Accelerato bruscamente il passo, si avvicinò rapido al casotto nel cortile posteriore e accostò l'orecchio alla parete. Poi cominciò ad agitare le braccia:

– Dammi la chiave!

Il cane alla catena iniziò ad abbaiare rabbioso.

La moglie di Maruchno non riuscì a trattenersi e uscì dalla casa. Non c'era nessun altro nella cascina, i figli erano in città a studiare.

– Cosa fa? – gridò. – Se ne vada, è proprietà privata!

– Gliela faccio vedere io la proprietà privata! Agente, venga subito qui! Dobbiamo completare il protocollo.

Maruchno si trascinò verso il casotto e porse la chiave con le mani tremanti. Tirò un sospiro profondo e rumoroso.

– Anton Olegovič, lo sai che mi hanno fatto credito per il porcile – per la prima volta quella sera aveva chiamato il veterinario per nome. – E pure per il trattore. Non mi basta l'indennizzo... Mi rovinerai.

– Я сейчас покажу собственность! Участковый, скорее сюда! Будем оформлять протокол.

Марухно подбрел к сараю и трясущимися руками достал ключи. Тяжело и шумно вздохнул.

– Антон Олегович, ты знаешь, у меня кредит на свинарник, – впервые за вечер он назвал ветеринара по имени. – И за трактор еще. Не хватит никакой компенсации... Разоришь. Ветеринар только выпучил глаза:

– Вася, мля, ты озверел совсем? У меня инструкция! Это тебе не понос какой-нибудь. Тут под суд можно загреметь!

После чего он выхватил ключи и открыл дверь. В ноги ему бросились розовато-серые, как упавшее в пыль мыло, поросята. Одуревшие за день от тесноты, они выбегали из сарая и тыкались пяточками во все, что попадалось на пути. За ними медленно вываливались толстые хряки и свиноматки.

Жена Марухно со стоном опустилась на колени:

– Не отдам! Я ведь сама их с ложки кормила!

– Валя, встань, прошу тебя, – глухо проговорил Марухно. – Не унижайся, оставь. Видишь, как оно все...

Комиссия уехала от Марухно уже за полночь. За попытку скрыть поголовье фермеру выписали штраф. Не глядя Василию в глаза, глава поселения отдал ему две бумажки и убежал с крыльца. Участковый сочувственно хлопал по плечу.

Всех найденных животных забили и увезли сжигать.

– Господи, за что же нам это! – причитала Валентина, когда дом наконец опустел. – Мы ведь честно работали! Ну за что?

– За морду, ***, кулацкую, – ядовито отвечал Марухно.

В третьем часу ночи жена наплакалась и заснула на диване. Василий заботливо укрыл ее одеялом, а потом полез в подпол. Он достал оттуда бутылку самогона, соленые огурцы и веревку. Заперся в кухне и долго, мучительно, со слезами пил.

Il veterinario si limitò a sgranare gli occhi.

– Vasja, cazzo, sei diventato scemo? Ho delle disposizioni! Non è una cavolata qualunque. Puoi passare guai seri!

Dopodiché afferrò le chiavi e aprì la porta. Dei lattonzoli rosa-grigi, come una saponetta caduta nella polvere, gli schizzarono fra le gambe. Intontiti per avere passato tutto il giorno al buio, corsero fuori dal porcile, andando a sbattere con il grugno contro qualsiasi cosa trovassero sul loro percorso. Dietro di loro uscirono lenti grassi verri con le scrofe.

La moglie di Maruchno con un gemito si gettò in ginocchio:

– Non ve li daremo! Li ho nutriti io stessa con il cucchiaino!

– Valja, alzati, ti prego – disse Maruchno sommessamente. – Non ti umiliare, lascia fare. Vedi, va così...

La commissione lasciò Maruchno dopo la mezzanotte. Per il tentativo di nascondere il bestiame al contadino fu comminata una multa. Senza guardare Vasilij negli occhi, il capo della colonia consegnò due fogli e scappò via dal terrazzino d'ingresso della casa. Il poliziotto di quartiere gli diede una pacca amichevole sulla spalla.

Tutti gli animali rinvenuti furono abbattuti e portati via per essere bruciati.

– Signore, perché ci è capitato questo! – Valentina singhiozzava forte, quando finalmente la casa si svuotò. – Eppure abbiamo lavorato onestamente! Perché?

– Per fottere un kulak – rispondeva Maruchno incattivito.

Alle tre di notte la moglie non ebbe più lacrime e si addormentò sul divano. Vasilij la coprì premuroso con la coperta e poi scese nello scantinato. Da lì prese una bottiglia di *samogon*, cetrioli in salamoia e una corda. Si chiuse in cucina e bevve a lungo, fra lacrime penose.

Poi prese la corda dal tavolo e uscì.

Il cortile era buio e silenzioso. Il cane, gagnolando, dormiva accanto alla cuccia. Dai campi proveniva un odore secco, amarognolo di terra. Cento ettari di quella terra appartenevano già a Maruchno: li aveva comprati, se li era guadagnati portandoli via a vecchie kolchoziane e ai loro nipoti sparpagliati in varie città. Il resto lo avevano comprato grandi proprietari.

Затем взял со стола веревку и вышел наружу.

На дворе было темно и тихо. Собака, поскуливая, спала около будки. С полей несся сухой, горьковатый запах земли. Сто гектаров ее здесь уже принадлежали Марухно: выкупил, выгадал, выкрутил у старых колхозных бабок и их разлетевшихся по городам внуков. Остальное разобрали крупные хозяйства.

Огромная латунная луна сияла наверху, словно гонг.

Василий покачал нетрезвой головой. Отец когда-то рассказывал, что его раскулаченного прадеда каждый день звали долбить уральскую глину вот таким гонгом. И он долбил ее, все мечтая вернуться сюда. Может быть, на эту самую ферму.

Да уж...

Лаврентий Никифорович, враг народа. Увидеть бы тебя, какой ты был. Ни фотографии, ни портрета, одни рассказы остались.

Дорогой ты мой человек.

Марухно отвел глаза от луны и недоуменно посмотрел на веревку.

Потом пьяно усмехнулся и отбросил ее в сторону.

Погрозил кому-то вдалеке и медленно, чеканя слова, произнес:

– А вот хер вам всем. Хер вам. Настоящего кулака не одолеешь!

In alto splendeva un'enorme luna d'ottone, simile a un gong.
Vasilij scosse la testa ebbra. Una volta suo padre gli aveva raccontato che il bisnonno dekulakizzato ogni giorno veniva chiamato a scavare nell'argilla degli Urali proprio con quel gong. E lui la batteva sognando tutto il tempo di tornare qui. Forse in quella stessa fattoria.
Di sicuro...
Lavrentij Nikiforovič, il nemico del popolo. Magari si potesse vedere com'eri. Niente fotografie, niente ritratti, solo i racconti erano rimasti.
Mio caro.
Maruchno distolse lo sguardo dalla luna e guardò la corda perplesso.
Poi fece uno sghignazzo da ubriaco e la buttò da un lato.
Minacciò qualcuno lontano e piano, scandendo le parole, disse:
– Fottetevi tutti. Tutti quanti. Non si abbatte un vero kulak!

Отзыв о рассказе

Тимур Сазонов по профессии журналист, работает в независимой газете «Крестьянин», пишет о развитии фермерства, о проблемах села. Для юга России, пожалуй, самые острые, наболевшие темы.

И рассказ «Кулак» о том же. Фермер Василий Иванович Марухно – настоящий человек от земли. Потомок раскулаченной в начале тридцатых семьи, которую жизнь разбросала по всей стране, он единственный, следуя завету прадеда, сгинувшего после депортации на далеком Урале, вернулся в родной край, основал с нуля фермерское хозяйство и принялся осваивать нелегкий крестьянский труд. И только начал тяжкий труд понемногу приносить плоды, как пришла, откуда не ждали, беда. Обнаружили в районе африканскую свиную чуму, и последовало распоряжение из Москвы уничтожить вообще все поголовье свиней. После чего Василию с его невыплаченными кредитами осталось разве что накинуть петлю на шею. Но не таков этот мужик, хозяин и трудяга, впервые за долгие годы ощутивший радость труда на собственной земле, чтобы так просто сдаться... Короткий рассказ, и какой сильный, запоминающийся образ!

Нина Литвинец

Nota critica

Timur Sazonov è un giornalista, lavora per il giornale indipendente “Krest’janin” e scrive di questioni connesse allo sviluppo rurale. Probabilmente i temi più delicati, più scottanti per il Sud della Russia. Il racconto *Il kulak* parla proprio di questo. L’agricoltore Vasilij Ivanovič è un vero uomo della terra. Discendente di una famiglia dekulakizzata all’inizio degli anni Trenta e dispersa dopo varie traversie in tutto il paese, egli è l’unico ad aver rispettato il voto fatto al bisnonno, scomparso dopo la deportazione nei lontani Urali; è tornato nel paese natio, ha creato dal nulla un’azienda agricola e ha avviato una faticosa attività agricola. E non appena il pesante lavoro inizia a dare i suoi frutti, arriva una sciagura inattesa. Viene scoperta nella regione la peste suina africana e da Mosca arriva l’ordine di eliminare tutti i maiali della zona. A Vasilij, con i suoi debiti ancora da saldare, non resta che mettersi il cappio al collo. Ma non è quel genere di uomo; è un padrone abituato a sudare e che finalmente dopo tanti anni ha provato la gioia della fatica spesa per la propria terra; non può arrendersi così. Un racconto breve, un esempio così potente da rimanere impresso nella memoria.

Nina Litvinec

Биография

Тимур Сазонов родился в г. Шахты в 1985 году, живет в г. Ростов-на-Дону. Окончил факультет журналистики Южного федерального университета, в настоящее время работает там преподавателем. Работал в различных изданиях, писал о спорте, строительстве, политике. С 2009 года специальный корреспондент независимой газеты «Крестьянин». Трижды лауреат журналистской премии «Искра Юга».

Biografia

Timur Sazonov è nato a Šachty nel 1985, vive a Rostov sul Don. Si è laureato in giornalismo alla Južnyj Federal'nyj Universitet, dove attualmente insegna. Ha lavorato in diverse redazioni, scrivendo di sport, edilizia, politica. Dal 2009 è corrispondente speciale del giornale indipendente "Krest'janin". Ha vinto tre volte il premio di giornalismo Iskra juga.

Галина Узрютова

Перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Galina Uzrjutova

Traduzione in italiano di Federico Iocca

РАВНИНА

Выйти замуж без благословения отца было просто. Достаточно не смотреть, как он один среди наряженных гостей стоит в рабочей спецовке с пятнами машинного масла. Достаточно не замечать, что он один не пошел после регистрации в ресторан, а уехал на работу в автосервис. Выйти замуж без благословения отца было тяжело. Как тяжело сейчас встречать его, за семь лет сросшегося с севером, у нас в полях. Аэропорт подтянул свой стеклянный живот, подчеркивая ожидание встречи. Не знаю, значима ли она для отца, но я помыла голову. Казалось, после развода с матерью ему уже ничего не было важно. Судя по разросшейся бороде, он не брился все это время. Мне хотелось разглядеть лицо отца, но я боялась, что он заметит.

– Могла бы и машину помыть, – поздоровался отец.

Он закинул желтый пакет и рюкзак в багажник моего старого «Форда». Осторожно сел на переднее сиденье, как садятся в чужом доме.

– Не хочешь сам повести?

– Я зря тебя водить учил?

– Домой?

– Сначала заедем в одно место. Я покажу, куда ехать.

Я старалась вести машину аккуратнее, чем обычно, но чувствовала, как отец нервничал, когда что-то было неправильно. Не включила поворотник. Не сбавила скорость. Руль надо держать крепче. «Ты можешь держать руль крепче?» – говорил он в деревне, когда я училась водить, сидя на его коленях, и чуть не въехала в соседский забор. Это означало: «Ты можешь жить крепче»?

PIANURA

Sposarsi senza il consenso di mio padre è stato semplice. È bastato non guardare come lui solo, in mezzo agli ospiti agghindati, se ne stesse in una tuta da lavoro piena di macchie di olio lubrificante. È bastato non notare come lui solo, dopo la registrazione, non sia venuto al ristorante, ma se ne sia tornato al lavoro in officina. Sposarsi senza il consenso di mio padre è stato difficile. Così come difficile fu allora incontrarlo da noi, nei campi, lui che negli ultimi sette anni si era fuso con il nord. L'aeroporto ritirò il proprio ventre di vetro, rimarcando l'attesa dell'incontro. Non so se per mio padre fosse importante, ma io mi ero lavata i capelli. Sembrava che dopo il divorzio con mia madre nulla per lui avesse più significato. A giudicare dalla barba infoltita, per tutto quel tempo non si era rasato. Avevo voglia di scrutare il volto di mio padre, ma temevo se ne accorgesse.

– Avresti potuto lavare anche la macchina, – mi salutò mio padre.

Gettò lo zaino e un sacchetto giallo nel bagagliaio della mia vecchia Ford. Si sedette sul sedile anteriore con una certa attenzione, come ci si siede in casa d'altri.

– Non vuoi portarla tu?

– Ti ho forse insegnato a guidare perché non avevo di meglio da fare?

– Andiamo a casa?

– Prima facciamo un salto in un posto. Ti dico io dove.

Mi sforzai di portare la macchina facendo più attenzione del solito, ma percepivo l'agitazione di mio padre ogni volta che qualcosa non era fatta bene. Non avevo messo la freccia. Non avevo ridotto la velocità. Il volante bisognava tenerlo più saldo. “Puoi tenere il volante più saldo?”, mi diceva in campagna, mentre imparavo a guidare seduta sulle sue ginocchia, e per poco non entravo nello steccato dei vicini. Voleva dire: “Puoi vivere in maniera più salda?”

Молчание отца было родным. Должна ли я что-то говорить? Спросить, как дела? Рассказать, что произошло? Он все равно поймет, когда приедем домой. Узнать, прилетел ли он впервые за столько лет, чтобы увидеть меня и внучек или только чтобы продать свой здешний дом? Куда мы едем? Я тоже молчала и просто следовала его указаниям: направо, налево, прямо, развернись.

– Равнина – самое прекрасное, что может с тобой быть, – вдруг сказал отец и опустил стекло.
– Ничего не меняется, все идет как надо. Сколько мы едем – а вокруг все ровно и ровно. В моей части Норвегии сплошные горы. А тут – ровно.

Голос отца стал ниже. Не замечала этого, когда мы изредка говорили по телефону. Ощущает ли человек, как меняется его голос, когда он стареет? Или внутри мы слышим себя все такими же молодыми? А старым наш голос кажется остальным? Можем ли мы спасти наших отцов от старости, говоря с ними молодыми голосами?

Я несколько раз порывалась приехать в Норвегию, но отец говорил, что занят. Даже представляла, как мы едем по его северу, а вокруг – олени. Есть ли в Норвегии олени или мне только кажется? Выходят ли они на дорогу или бегут от нее? Отличаются ли олени в моей голове от оленей отца? Живет ли он там один в дедовом норвежском доме или уже нашел какую-то женщину и поэтому не хочет, чтобы я приезжала и ела ее рыбу, пожаренную не так, как готовит моя мать?

Рыбачит ли там отец? Когда мне было лет пять, отец пришел с мешком волжской рыбы и собирался ее пожарить. Разбирая добычу, он заметил живого карася и позвал меня. Машка, беги сюда, карась хочет с тобой поздороваться. Мне стало его жалко. Мы налили в ванну воды и пустили рыбу туда. Назвала карася Митей. Нужно было идти на гимнастику и я попросила маму сторожить нового друга. А когда вернулась, дома пахло жареной рыбой. Пахло Митей. Ужинать я отказалась и проплакала весь вечер, а родители повторяли, что Митя был бы рад, если бы я его съела. Что мир так устроен. Но я не думала, что мир вообще как-то устроен.

Il silenzio di mio padre era familiare. Dovevo dire qualcosa? Chiedere come stava? Raccontargli cosa era successo? Lo avrebbe comunque capito una volta arrivati a casa. Scoprire se aveva viaggiato fin qui per la prima volta in tanti anni per vedere me e le nipotine o solo per vendere la casa di cui era proprietario? Dove stavamo andando? Anch'io tacevo, seguendo semplicemente le sue indicazioni: destra, sinistra, dritta, fa' un'inversione a U.

– La pianura è la cosa più straordinaria che ti possa capitare, – disse mio padre all'improvviso abbassando il finestrino. – Non c'è nulla che cambi, tutto procede come deve. Quanta strada abbiamo percorso? E intorno resta tutto così piano. Nella mia parte di Norvegia è pieno di montagne. Qui invece è piano.

La voce di mio padre si era fatta più bassa. Non me ne ero mai accorta, le rare volte che abbiamo parlato al telefono. Percepisce come cambia la propria voce un uomo, quando invecchia? O dentro ci sentiamo giovani come un tempo, e la nostra voce appare vecchia agli altri? Possiamo salvare i nostri padri dalla vecchiaia, parlando loro con voci giovani?

Ho tentato più volte di venire in Norvegia, ma mio padre diceva che era impegnato. Avevo persino fantasticato su come avremmo viaggiato per il suo nord, circondati dai cervi. Ci sono i cervi in Norvegia o è soltanto una mia impressione? Scendono in strada o fuggono da essa? I cervi nella mia testa differiscono dai cervi di mio padre? Sta vivendo da solo nella casa norvegese del nonno, o ha già trovato una donna e per questo non vuole che io vada a trovarlo e mi mangi il suo pesce, che lei frigge in modo diverso da come cucina mia madre?

Va a pescare mio padre in quei luoghi? Un giorno, quando avevo cinque anni, mio padre tornò con un sacco pieno di pesce del Volga, pronto per essere fritto. Mentre sistemava il pescato notò un carassio vivo e mi chiamò. Maška, corri, c'è un carassio che ti vuole salutare. Mi fece pena. Riempimmo d'acqua la vasca e lasciammo il pesce lì dentro. Al carassio diedi nome Mitja. Bisognava andare a ginnastica e chiesi a mamma di fare la guardia al nostro nuovo amico. Quando ritornai, a casa c'era odore di pesce fritto. C'era odore di Mitja. Mi rifiutai di cenare e piansi tutta la sera, ma i miei genitori mi ripeterono che Mitja sarebbe stato felice se me lo fossi mangiato. Che il mondo è fatto così. Ma io non credevo che in generale il mondo fosse fatto in qualche modo.

Сколько можно молчать? Почему он даже про внушек не спросит? Но ведь и я ничего не говорю.

- А куда мы все-таки едем? Долго еще?
- Километров двадцать.

Мы листали равнины с обеих сторон, а они чернели, желтели и зеленели. За нами тащился старый синий трактор, радуясь, что мы едем впереди и никто не плетется у него над душой. В детстве у меня была игра. Я вставала на колени на заднем сидении «Жигулей» и говорила родителям, кто за нами едет. За нами едет зеленый «Москвич», он хочет нас обогнать. Всегда волновалась, если кто-то хотел нас обогнать. Как будто нас нельзя было обгонять. За нами едет грузовик с сеном. За нами едет мотоцикл. За нами едет красная машина с лодкой на прицепе.

За нами едет старый синий трактор.

- Кажется, это не здесь. Разворачивайся.

Разворачиваюсь и мы едем обратно. Вдали замечаю холм и радуюсь, что хоть он нарушает тишину. Но вблизи холм оказывается равниной. Просто деревья на ней вымахали высокие.

- Направо.
- Там же нет дороги.
- Направо. Метров сто и стоп.

Мы вышли из машины. Отец шагал впереди и я не стремилась его догонять. Наконец он оглянулся.

- Помнишь? Ручеек.

Quanto tempo si può restare zitti? Perché non mi chiedeva neppure delle nipotine? Neanche io però dicevo nulla.

- Dov'è che stiamo andando? Manca molto?
- Una ventina di chilometri.

Sfogliavamo le pianure da ambo i lati, e queste si facevano ora nere, ora gialle, ora verdi. Dietro di noi si trascinava un vecchio trattore blu, contento del fatto che andassimo noi davanti, e che nessuno stesse lì a rompergli l'anima con un'andatura arrancante. Quando ero bambina facevo un gioco. Mi mettevo in ginocchio sul sedile posteriore della Žiguli e dicevo ai miei genitori chi veniva dietro di noi. Dietro ci viene una Moskvič verde, vuole sorpassarci. Mi agitavo sempre se qualcuno voleva sorpassarci. Come se fosse vietato sorpassarci. Dietro ci viene un autocarro pieno di fieno. Dietro ci viene una moto. Dietro ci viene una macchina rossa con una barca a rimorchio.

Dietro ci viene un vecchio trattore blu.

- A quanto pare non è qui. Fa' un'inversione a U.

Faccio l'inversione e torniamo indietro. Scorgo un colle in lontananza e mi rallegro del fatto che almeno lui infrange la quiete. Ma da vicino il colle risulta una pianura. Semplicemente, sopra di essa gli alberi crescevano alti.

- A destra.
- Ma lì non c'è strada.
- A destra. Cento metri e ti fermi.

Scendemmo dalla macchina. Mio padre avanzò un po' e io non cercai di raggiungerlo. Alla fine si guardò intorno.

Приблизившись, я узнала ручей, к которому мы каждый раз подъезжали, когда направлялись на Волгу. Он лежал в глубине равнины и едва ли можно было догадаться о его существовании. Откуда он взялся? Зеленая вода, разбавленная травой, текла оттуда, откуда мы не знаем. Туда, куда мы не знаем. Отец всегда мыл машину у ручья, а мы с матерью сидели на траве и ждали, пока «Жигули» не станут идеально чистыми. Никогда не понимала, зачем он это делает. Почему надо мыть машину именно здесь? Даже если она чистая. Даже если мы торопились. Я не заметила, как отец успел сходить к «Форду» и вернулся с красным ведром, которое вожу в багажнике. Он протянул его мне.

- Пора помыть машину.
- Она не грязная.
- Я испачкал штаны.
- Она нормальная!
- Ты ведь просто упираешься? Ты же сама видишь, что она грязная!
- Давай я сама буду решать, когда мне мыть машину! Сколько лет ты указывал, что мне делать! Кого любить, кем работать! Можно я поживу сама? Мы не виделись столько лет, а ты приезжаешь и единственное, что можешь сказать мне – это «помой машину»? Даже не спросил о внучках, обо мне! А знаешь, как я? Я развелась! Да, да! Мне двадцать семь и я уже в разводе! Ты ведь даже рад, что мой брак распался? Ты же не дал благословение! Конечно, ты ведь и на этот раз оказался прав! Тебе же так важно всегда быть правым! Ты даже не пошел на обед на моей свадьбе, а вернулся на работу к своим машинам! Машины для тебя всегда были важнее людей! Помой машину! Это все, что тебе важно!

Отец швырнул ведро и оно покатилося в сторону ручья, застряв на ветке внизу. Поравнявшись с машиной, он достал из багажника рюкзак и направился к трассе. Попутку поймал быстро. На ровной дороге издали видно, кто едет, и ты заранее можешь приготовить аргументы, чтобы тебя подкинули. Отец сел в тот самый синий трактор. Громадина в одиночку торжествовала на дороге, пока не исчезла из виду.

– Ti ricordi? Il ruscelletto.

Avvicinandomi, riconobbi il ruscello nei pressi del quale ci fermavamo quando eravamo diretti al Volga. Giaceva nel profondo della pianura e la sua esistenza si poteva appena indovinare. Da dove era spuntato? Acqua verde, mischiata a erba, scorreva da un luogo a noi sconosciuto. Verso un luogo a noi sconosciuto. Mio padre lavava sempre la macchina al ruscello, mentre io e mia madre aspettavamo sedute sull'erba fino a che la Žiguli non fosse perfettamente pulita. Non ho mai capito perché lo facesse. Perché bisogna lavare la macchina proprio qui? Anche se era pulita. Anche se avevamo fretta. Non mi accorsi che mio padre aveva fatto in tempo ad andare alla Ford e tornare con il secchio rosso che porto sempre nel bagagliaio. Me lo porse.

– È ora di lavare la macchina.

– Non è sporca.

– Mi sono insudiciato i pantaloni.

– Sta benissimo così!

– Perché ti impunti? Lo vedi da te che è sporca!

– Facciamo che lo decido io quando lavare la macchina! Per quanti anni mi hai istruito su cosa dovevo fare! Chi amare, che lavoro fare! Posso vivere per conto mio? Non ci vediamo da anni, arrivi e l'unica cosa che riesci a dirmi è “lava la macchina”? Non mi hai nemmeno chiesto delle nipotine, di me! E lo sai come sto? Ho divorziato! Sì, sì! Ho ventisette anni e ho già divorziato! Forse sei persino felice che il mio matrimonio sia andato in pezzi? Non avevi nemmeno dato il consenso! Ma certo, così anche stavolta hai dimostrato di avere ragione! Per te è così importante avere sempre ragione! Non sei neanche venuto al pranzo del mio matrimonio, sei tornato al lavoro dalle tue macchine! Le macchine per te sono sempre state più importanti delle persone! Lava la macchina! La sola cosa che conta per te!

Mio padre scagliò il secchio, e quello iniziò a rotolare verso il ruscello finché non rimase incastrato in un ramo basso. Raggiunta la macchina, prese lo zaino dal bagagliaio e si incamminò verso la strada. Rimediò subito un passaggio. Sulle strade piane si vede da lontano chi sta per arrivare e puoi prepararti in anticipo

Мне стало жаль ведра, болтавшегося на ветке. Мои дочери делали им большие куличи из песка, когда мы выбирались на реку. Я попыталась достать ведро, но на спуске к ручью чернела слякоть, а портить новые кроссовки не хотелось. Валявшаяся рядом ветка, которой я старалась поддеть ведро, не помогла.

Я не знала, в какой стороне мой дом и где нахожусь. Столько лет живу здесь, но всегда езжу другими дорогами. Когда мы с мужем развелись, я перестала смотреть по сторонам. Перестала гладить. Бросала высохшие после стирки, морщинистые вещи на его кровать. Куча белья переросла спинку кровати и смешалась с пылью. Но я настойчиво живу свою мятую жизнь и не глажу даже блузки, платья дочерям гладит моя мать. Только неделю назад я взялась разбирать горы скомканных вещей, чтобы отцу было где спать, когда он приедет. Простыни отдельно, носки – в мешок, трусы – слева, детские вещи – справа.

Сев за руль, направились туда, куда поехал трактор. Дорога шла молчаливая. Где сейчас отец, что делает? Становится холодно. Все стоит, готовясь к ночи – деревья, дорожные знаки, столбы – и только я двигаюсь в непонятном направлении. Наконец, выворачиваю на большую дорогу и прибавляю скорость. Подруга обещала побыть с детьми до семи. Нужно торопиться, попутно придумывая, почему дочери не увидят деда, для которого уже приготовили свои рисунки за несколько лет.

Трактор я заметила издалека. Вблизи он оказался синим. Остановила его.

– Я отвез его в аэропорт, – сказал тракторист.

В маленьком аэропорту отца найти было легко. Он сидел в зале ожидания и смотрел на взлетную полосу. Заметив меня, отец отвернулся, словно не видел, как я иду, как сажусь рядом. Зато я могла рассмотреть его лицо сбоку. Морщин совсем не прибавилось, но кожа стала как будто жестче.

– Ты думаешь, я не знаю, что ты год назад развелась? Не знаю, как тебе тяжело? Когда твоя мать позвонила и рассказала о твоём разводе, я только и думал о том, что ты пережила. А

gli argomenti per farti dare uno strappo. Mio padre salì su quello stesso trattore blu. Il colosso troneggiava solitario sulla strada, finché non scomparve dalla vista.

Mi dispiaceva per il secchio che pendeva dal ramo. Le mie figlie ci facevano grandi torri di sabbia quando trovavamo il tempo per andare al fiume. Tentai di riprendere il secchio, ma sulla discesa per il fiume nereggiava della fanghiglia, e non mi andava di rovinare le mie scarpe da ginnastica nuove. Il ramo che giaceva lì accanto e con il quale tentai di agganciare il secchio non mi aiutò.

Non sapevo da che parte fosse casa mia né dove mi trovassi. Erano tanti anni che vivevo lì, ma andavo sempre per altre strade. Quando io e mio marito abbiamo divorziato ho smesso di guardarmi intorno. Ho smesso di stirare. Dopo il bucato, tiravo la roba asciutta e sgualcita sul suo letto. Il mucchio di biancheria aveva superato in altezza lo schienale del letto, confondendosi con il cuscino. Ma io vivevo la mia vita stropicciata con una certa ostinazione, senza neppure stirare le camicette; i vestiti alle mie figlie li stirava mia madre. Mi ero impegnata a mettere in ordine le montagne di roba appallottolata soltanto una settimana prima, perché mio padre avesse un posto dove dormire una volta arrivato. Le lenzuola da una parte, i calzini nel sacco, le mutandine a sinistra, la roba delle bambine a destra.

Dopo essermi messa al volante mi diressi nella direzione del trattore. La strada scorreva taciturna. Dov'era mio padre in quel momento, cosa stava facendo? Si fece freddo. Tutto era immobile in attesa della notte: alberi, segnali stradali, pali; solo io mi muovevo in una direzione incomprensibile. Alla fine sbucaì sulla strada grande e aumentai la velocità. Un'amica mi aveva promesso di rimanere con le bambine fino alle sette. Bisognava sbrigarsi, e trovare durante il tragitto la ragione per cui le bambine non avrebbero visto il nonno, per il quale erano anni che preparavano disegni.

Il trattore lo notai da lontano. Da vicino risultò blu. Lo fermai.

– L'ho accompagnato all'aeroporto, – disse il trattorista.

In quel piccolo aeroporto trovare mio padre fu facile. Sedeva in sala d'attesa e guardava la pista di decollo. Dopo avermi notata, mio padre si girò di spalle, come se non vedesse che stavo andando verso di lui e occupando il posto accanto. Potevo comunque guardare il suo viso di lato. Le rughe non erano affatto aumentate, ma la pelle si era fatta come più ruvida.

ты даже не сообщила. Я звонил, но тогда ты не хотела общаться. Решил приехать, – повернулся ко мне отец.

– Поехали домой. Внушек увидишь.

– Я уже билет поменял на сегодня. Других денег на обратную дорогу у меня нет.

Не могла поверить, что отец это сделал. Я мчалась домой и думала, приедет ли он когда-нибудь, позовет ли к себе. Если следующей встречи придется ждать еще много лет, дочери станут подростками, а отец совсем постареет. «Ты такая же упертая, как твой отец, поэтому у вас и не складывается», всегда говорит мать.

От скорости и слякоти машина становилась все грязнее. Я подъехала к ручью, взяла тряпку с заднего сиденья и пошла к воде. Белые кроссовки быстро потемнели от грязи, но у меня получилось снять ведро с ветки. Наполнившись зеленой водой, оно стало темно-красным. Я терла старую машину, пытаюсь сделать ее молодой. Очистить от всего, что попадалось ей на пути. Сделать невидимой. Пытаюсь своими руками ощутить то, что находил здесь отец. И то, что мы давно потеряли. Понадобилось семь ведер, чтобы отмыть все эти километры.

Открыв багажник, чтобы убрать ведро, я наткнулась на желтый отцовский пакет. Он забыл его? Пакет упал на бок, посыпались игрушки. Мишки и поезда, утки и кубики выкатывались и замирали. Внутри было что-то еще. Я развернула мягкую бумагу и увидела двух маленьких кукол. Их улыбки предназначались моим дочерям. Представляю, как долго отец мастерил этих крошек и как молода была их деревянная кожа рядом с его постаревшими шершавыми пальцами.

Сложив игрушки в пакет, я сажусь за руль. Ехать на чистой машине без камуфляжа, который делал меня незаметной в этих полях, непривычно. Солнце ложится на равнину и та отражается в красном боке моей машины, стоящей на светофоре у поворота в аэропорт. Я звоню отцу.

- Credi che non sapessi che un anno fa avevi divorziato? Che non sappia quanto stai male? Quando tua madre mi ha telefonato e mi ha raccontato del tuo divorzio, non ho fatto che pensare a quanto stavi soffrendo. E tu non me l’hai neanche fatto sapere. Ti ho telefonato, ma in quel momento non volevi parlare. Ho deciso di venire qui, – si voltò verso di me mio padre.
- Andiamo a casa. Vedrai le tue nipotine.
- Ho già spostato il biglietto a oggi. Non ho altri soldi per il viaggio di ritorno.

Non potevo credere che mio padre l’avesse fatto. Mi diressi di corsa a casa, chiedendomi se un giorno sarebbe venuto, se ci avrebbe invitato da lui. Se per il prossimo incontro bisognava aspettare ancora molti anni, le mie figlie sarebbero diventate adolescenti, e mio padre sarebbe invecchiato definitivamente. “Sei cocciuta come tuo padre, per questo non funziona tra di voi”, diceva sempre mia madre.

A causa della velocità e della fanghiglia la macchina si stava facendo sempre più sporca. Accostai vicino al ruscello, presi lo straccio dal sedile posteriore e mi diressi verso l’acqua. Le mie scarpe da ginnastica bianche divennero rapidamente scure per il fango, ma riuscii a staccare il secchio dal ramo. Riempito di acqua verde, diventò rosso scuro. Strofinavo la mia vecchia macchina, tentando di renderla giovane. Di pulirla da tutto ciò che aveva incrociato nel cammino. Di renderla invisibile. Tentando di sentire con le mie mani quello che ci trovava mio padre. E quello che avevamo perso da tempo. C’era bisogno di sette secchi per lavare via tutti quei chilometri.

Dopo aver aperto il bagagliaio per mettere via il secchio, mi imbattei nel sacchetto giallo di mio padre. Se ne era dimenticato? Il sacchetto cadde di lato, iniziarono a spargersi giocattoli. Orsacchiotti e trenini, paperelle e cubetti cadevano rotolando fino ad arrestarsi. Dentro c’era ancora qualcosa. Aprii la carta morbida e vidi due piccole bambole. I loro sorrisi erano destinati alle mie figlie. Immaginai quanto tempo avesse impiegato mio padre per realizzare quelle piccoline, e come fosse giovane la loro pelle di legno accanto alle sue ruvide dita invecchiate.

Riposti i giocattoli nel pacchetto, mi misi al volante. Non ero abituata a viaggiare su una macchina pulita, priva del camuffamento che mi rendeva indistinguibile in quei campi. Il sole si stendeva sulla pianura e quella si rifletteva sul fianco rosso della mia macchina, ferma al semaforo della curva per l’aeroporto. Telefonai a mio padre.

Отзыв о рассказе

Я люблю горы больше, чем равнину. Может быть, потому что на равнине родился, вырос и живу, а в горах лишь иногда бываю. И я хорошо понимаю людей, которые эту разницу остро чувствуют. Галина Узрютова написала точно выверенный, не равнинный, а горный психологический рассказ о любви дочери и отца, пусть и действие его происходит на равнине. Этот сюжет, с одной стороны, вечный и классический, а с другой – как будто бы несколько подзабытый в нынешней литературе. Здесь нет ничего нарочито шокирующего, разоблачающего, провоцирующего. История, которая могла бы произойти в любое время в любом месте. Но она происходит в нынешней России. Она – наша, русская, и в то же время каждому человеку понятная. Главное достоинство этого текста в умении автора создать на нескольких страницах емкие, резко очерченные образы мужчины и женщины, которых связывают весьма прихотливые отношения. Это тот случай, когда несказанного в тексте не меньше, чем высказанного, выраженного в слове. Но то, что остается за скобками, дополняет картину невыдуманной (даже если сюжет от начала до конца автором придуман), подлинной жизни. Так люди друг друга любят, но при этом не понимают, причиняют взаимную боль, мучают, расстаются, бросаются обвинениями, а потом страшно об этом жалеют, однако и поступить иначе не могут. Так мы устроены, когда живем не понарошку, а всерьез. Но другой реальности на равнине нет. Да и в горах тоже. Везде, где люди живут.

Алексей Варламов

Nota critica

Amo la montagna più della pianura. Forse perché in pianura ci sono nato, ci sono cresciuto e ci vivo, mentre in montagna ci capito solo di quando in quando. E capisco perfettamente le persone che sentono questa differenza in maniera acuta. Galina Uzrjutova ha scritto un racconto psicologico perfettamente calibrato sull'amore tra una figlia e il padre, un racconto non pianeggiante ma montuoso, benché l'azione si svolga in pianura. Se da un lato un soggetto simile è eterno e classico, dall'altro sembra quasi che nella letteratura odierna sia piuttosto trascurato. Qui non c'è niente di volutamente scioccante, rivelatore o provocante. Si tratta di una storia che sarebbe potuta accadere in qualsiasi luogo durante qualsiasi epoca. Ma avviene nella Russia di oggi. È nostra, russa, e allo stesso tempo è comprensibile a ciascun uomo. Il maggior pregio di questo testo risiede nella capacità dell'autrice di creare in poche pagine delle immagini dense di significato e nettamente delineate di un uomo e una donna che allacciano relazioni assai volubili. È uno di quei casi in cui il non detto, nel testo, non è inferiore al detto, a ciò che viene espresso nella parola. Ma quello che rimane sottaciuto integra un quadro di vita autentica, reale (anche se il soggetto è inventato dall'autrice dal principio alla fine). Così le persone si amano, ma allo stesso tempo non capiscono, si arrecano sofferenze reciproche, si tormentano, si separano, si scagliano accuse e poi ne soffrono terribilmente, e pur tuttavia non possono agire diversamente. Siamo fatti così quando viviamo non per gioco ma sul serio. Un'altra realtà però non esiste in pianura. E così in montagna. Ovunque le persone vivano.

Aleksej Varlamov

Биография

Галина Узрютова родилась и живет в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет, факультет культуры и искусства. Пишет прозу, стихотворения, пьесы. Публиковалась в журналах «Современная драматургия», «Арион», «Симбирск», «Гвидеон», «Берлин. Берега», «Введенская сторона» и др., в литературных сборниках и антологиях. Ее стихи переводились на немецкий и английский языки, проза – на итальянский. Член Союза писателей Москвы, стипендиат Министерства культуры РФ. Как драматург успешно участвовала в конкурсах «Баденвайлер», «Действующие лица», Волошинский конкурс, «Евразия», «Любимовка». Участник выставки фотографий и текста из городов литературы ЮНЕСКО в Исландии 2016. Лауреат премии имени Н.Н. Благова (2016) и поэтической премии проекта «Русский Гулливер» (2014), финалист премии «Радуга» (2015, 2017).

Biografia

Galina Uzrjutova è nata e vive a Ul'janovsk. Si è laureata alla facoltà di Arte e Cultura dell'Università Statale di Ul'janovsk. È autrice di opere in prosa, poesie e pièce. I suoi lavori sono stati pubblicati in antologie e raccolte e su diverse riviste, tra cui "Sovremennaja dramaturgija", "Arion", "Simbirsk", "Gvideon", "Berlin. Berega" e "Vvedenskaja storona". Le sue poesie sono state tradotte in tedesco e in inglese, le opere in prosa in italiano. È membro dell'Unione Scrittori di Mosca e titolare di una borsa di studio presso il Ministero della Cultura della Federazione Russa. Come drammaturga ha partecipato con successo ai concorsi Badenvajler, Dejstvujuščie lica, Evrazija, Ljubimovka e al Concorso Vološin. Ha partecipato alla mostra di foto e testi sulle città della letteratura UNESCO (Islanda, 2016). Ha vinto il premio N.N. Blagov nel 2016 e il premio di poesia Russkij Gulliver nel 2014. È stata finalista del Premio Raduga (2015 e 2017).

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Alice Bravin	Аличе Бравин
Donatella Caristina	Донателла Каристина
Niccolò Galmarini	Никколо Галмарини
Federico Iocca	Федерико Йокка
Roberta Sala	Роберта Сала

Alice Bravin (1987) è iscritta al terzo anno del corso di Dottorato in Studi linguistici e letterari presso l'Università degli Studi di Udine, dove ha conseguito nel 2012 la Laurea Magistrale in Traduzione e Mediazione culturale, con una tesi su uno dei maggiori esponenti del Concettualismo russo, Dmitrij Aleksandrovič Prigov. Dopo aver approfondito la conoscenza della lingua e della cultura russa attraverso esperienze di studio e lavoro nella Federazione Russa, i suoi interessi sono ora incentrati nel campo della letteratura *underground*: in particolare, per la sua tesi di dottorato lavora al laboratorio creativo e alla produzione letteraria di Venedikt Vasil'evič Erofeev.

Аличе Бравин (1987) учится на третьем курсе докторантуры Университета г. Удине по специальности «языкознание и литературоведение». В 2012 г. в этом же университете окончила магистратуру по специальности «перевод и посредничество между культурами», защитив дипломную работу об одном из главных представителей русского концептуализма Д.А. Пригове. Учеба и работа в России позволили А. Бравин глубоко узнать русский язык и культуру. В настоящее время, главным образом, занимается литературой андеграунда, ее диссертация посвящена творчеству Венедикта Ерофеева.

Donatella Caristina (1984) nel 2008 ha conseguito la laurea in Lingue e letterature moderne euro-americane con specializzazione in russo all'Università di Messina, discutendo una tesi sulla satira fantascientifica nella produzione teatrale e novellistica di Michail Bulgakov. Vincitrice nel 2009 del tirocinio MAE-CRUI, ha lavorato a San Pietroburgo come addetta ufficio stampa e organizzatrice di eventi al Consolato generale d'Italia, in collaborazione con l'Istituto italiano di cultura e l'Istituto nazionale per il commercio estero. Vive a Milano e collabora con diversi studi editoriali e case editrici (DeAgostini, Rizzoli, il Saggiatore, Mimesis) e ha al suo attivo numerose traduzioni e pubblicazioni.

Ha tradotto e curato il volume *Il destino della teocrazia* di V. Solov'ev e la redazione dei volumi sulla poesia russa del Novecento per la collana "Un secolo di poesia" del "Corriere della Sera".

Донателла Каристина (1984) в 2008 году окончила университет г. Мессины по специальности «современные евро-американские языки и литературы», специализируясь по русистике. Защитила диплом о научно-фантастической сатире в театральных произведениях и рассказах Михаила Булгакова. В 2009 г. выиграла стажировку Министерства иностранных дел Италии и Союза ректоров итальянских университетов (MAE-CRUI), работала в консульстве Италии в Санкт-Петербурге в должности пресс-атташе и организатора мероприятий, тесно взаимодействуя с Итальянским институтом культуры и с Институтом внешней торговли. Живет в Милане, сотрудничает с различными издательствами («ДеАгостини», «Риццоли», «Саджаторе», «Мимесис»), автор множества переводов и публикаций. Перевела и подготовила к печати книгу В. Соловьева «История и будущее теократии», редактор антологий русской поэзии 20 века для серии «Век поэзии» при газете «Коррьере делла Сера».

Niccolò Galmarini è nato nel 1985 ad Albavilla, in provincia di Como. Si è diplomato al Liceo statale A. Volta di Como. Dopo la laurea triennale in Lettere a Pisa e la specialistica in Civiltà del Vicino Oriente antico alla Sapienza di Roma, ha conseguito il dottorato di ricerca in Ittitologia, per poi laurearsi in Letteratura italiana contemporanea sempre alla Sapienza con una tesi sull'attività di traduttore dal russo di Tommaso Landolfi. Vive a Roma da alcuni anni, e insegna italiano e latino in un liceo della capitale. Oltre all'insegnamento e alla ricerca, si dedica alla traduzione editoriale. Fra gli altri, ha tradotto dal russo Zachar Prilepin.

Никколо Галмарини родился в 1985 в г. Альбавилла (провинция Комо). Окончил Государственный лицей им. Алессандро Вольты в Комо. Обучался в Пизанском университете на филологическом факультете, затем в Римском университете «Ла Сапьенца», специализируясь на изучении древней культуры Ближнего Востока. Защитил докторскую диссертацию по хеттологии, после чего изучал в университете «Ла Сапьенца» современную итальянскую литературу, написал дипломную работу о Томмазо Ландольфи как переводчике русской литературы. Последние годы живет в Риме, преподает итальянский язык и латынь в лицее. Кроме педагогической и научной работы, сотрудничает с издательствами, в том числе переводит произведения Захара Прилепина.

Federico Iocca è nato nel 1985 a Roma. Si è laureato all'Università Sapienza in Lingue moderne, Letterature e Scienze della traduzione nel 2013, con una tesi sul teatro di Nikolaj Ėrdman. Presso il medesimo ateneo, nel febbraio 2017, ha concluso il Dottorato di ricerca in Scienze documentarie, linguistiche e letterarie, con un lavoro incentrato sull'opera di Aleksandr Kondratov, poeta e narratore attivo a Leningrado nella seconda metà del Novecento e rinomato divulgatore scientifico. I suoi interessi spaziano dallo studio della poesia e del teatro della prima metà del secolo all'analisi della letteratura russa contemporanea. È autore di diversi saggi pubblicati su riviste specialistiche e traduttore letterario.

Федерико Йокка родился в 1985 г. в Риме. Окончил факультет современных языков, литературы и перевода в университете «Ла Сапьенца». В 2013 г. защитил диплом о театральных произведениях Николая Эрдмана. В феврале 2017 г. в том же университете окончил докторантуру по специальности «документоведение, лингвистика и литература», написав работу о произведениях Александра Кондратова – поэта и прозаика, известного популяризатора наук, жившего в Ленинграде во второй половине 20 века. Научные интересы Ф. Йокки охватывают поэзию и театр первой половины прошлого века, а также современную русскую литературу. Автор множества научных статей и художественных переводов.

Roberta Sala è nata a Voghera (PV) nel 1987. Dopo aver conseguito la laurea specialistica in Traduzione e un master in Traduzione di testi postcoloniali dall'inglese, ha ottenuto, nel 2017, il titolo di dottore di ricerca con lode, presso l'Università di Torino.

Ha approfondito le tematiche della sua tesi, intitolata *Lo spazio senza il verso. Mute liriche del bianco nella poesia russa contemporanea*, durante un soggiorno di studi a San Pietroburgo e un periodo di ricerca all'Archivio degli Studi Est-europei di Brema. In qualità di cultrice della materia presso l'Università di Torino, si è occupata anche di didattica della lingua e della letteratura russa.

Inoltre, ha pubblicato alcune traduzioni di poesie russe contemporanee e vari articoli accademici inerenti alla letteratura e all'arte postmoderna.

Роберта Сала родилась в г. Вогера в 1987 г. Окончив Туринский университет по специальности «перевод» и пройдя курс специализации по переводу с английского языка постколониальной литературы, в 2017 г. в том же университете окончила аспирантуру и защитила диссертацию. Во время пребывания в Санкт-Петербурге и работы в архиве Института Восточной Европы в Бремене продолжила исследования по тематике диссертации «Пространство без стиха. Роль пустоты в современной русской поэзии». Занимаясь научной работой в Туринском университете, преподавала там русский язык и русскую литературу. Опубликовала переводы из современной русской поэзии и ряд научных статей о литературе и искусстве постмодернизма.

**ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»**

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun Ćimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3**Giovani narratori italiani**

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алессандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алесандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая
и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6**Giovani narratori italiani**

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kuličichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbačëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyřeva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларии Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Мاستруццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Ноэми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой автор»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova

Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri

Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova

Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova

Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини
Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри
Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Татьяна Шабаева, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской
Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой
Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис
Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты
Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья–Тальянти

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой

Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой

Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой

Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 9
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 15 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera
- 17 Vladimir Grigor'ev
Agenzia Federale per la stampa e i mass media
- 18 Raduga
- 20 Giuria italiana
- 23 Giuria russa
- 27 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 29 Ida Amlesù *Terramara*
Traduzione in russo di Julija Galatenko
- 43 Matteo Anichini *Long Island*
Traduzione in russo di Marija Titievskaja

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 9
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 14 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 16 Владимир Григорьев
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
- 19 «Радуга»
- 20 Итальянское жюри
- 23 Российское жюри
- 27 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 29 Ида Амлезу́ *Террамара*
Перевод на русский язык Юлии Галатенко
- 43 Маттео Аникини *Лонг-Айленд*
Перевод на русский язык Марии Титиевской

- 57 Alice Magnoni *Il terzo atto*
Traduzione in russo di Anna Tigaj
- 73 Marta Vitale *A.A. Account Anonimi*
Traduzione in russo di Ekaterina Spirova
- 91 Giuseppe Zarrella *Libera*
Traduzione in russo di Julija Gimatova
- 105 *Giovani traduttori russi*
- 111 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 113 Aleksej Artem'ev *Un bastian contrario*
Traduzione in italiano di Alice Bravin
- 129 Bulat Chanov *Un giorno di ordinaria quotidianità*
Traduzione in italiano di Donatella Caristina
- 145 Irina Michajlova *Io sento!*
Traduzione in italiano di Roberta Sala
- 161 Timur Sazonov *Il kulak*
Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini
- 179 Galina Uzrjutova *Pianura*
Traduzione in italiano di Federico Iocca
- 195 *Giovani traduttori italiani*
- 201 Albo d'oro del Premio Raduga

- 57 Аличе Маньони *Третий Акт*
Перевод на русский язык Анны Тигай
- 73 Марта Витале *А.А. Анонимный Аккаунт*
Перевод на русский язык Екатерины Спировой
- 91 Джузеппе Дзаррелла *Я свободна*
Перевод на русский язык Юлии Гиматовой
- 105 *Молодые российские переводчики*
- 111 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 113 Алексей Артемьев *Поперешный*
Перевод на итальянский язык Аличе Бравин
- 129 Булат Ханов *Наиболее рядовой день*
Перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
- 145 Ирина Михайлова *Я слышу!*
Перевод на итальянский язык Роберты Салы
- 161 Тимур Сазонов *Кулак*
Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
- 179 Галина Узрютова *Равнина*
Перевод на итальянский язык Федерико Йокки
- 195 *Молодые итальянские переводчики*
- 201 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 9

Conoscere Eurasia Edizioni

è stato stampato nel mese di maggio 2018
da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 9

Издательство «Познаём Евразию»

напечатан в мае 2018 года
Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5,
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия.

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

Федеральное агентство
по печати и массовым
коммуникациям

Associazione
conoscere
Eurasia

Литературный институт
им. А.М.Горького

con il sostegno di

БАНК ИНТЕЗА

МИР ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

con la partecipazione di

ФОНД РУССКИЙ МИР